С ПРАЗДНИКОМ!

ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1
МАЯ

Фото Л. Бородулина.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 18 (2183)

Основан 1 апреля 1923 года

1 МАЯ 1969

МЫ ВЕРНЫ ЛЕНИНИЗМУ!

22 апреля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 99-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Места в президиуме занимают встреченные горячими аплодисментами товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, М. С. Соломенцев.

Аплодисментами встретили собравшиеся появление в президиуме прибывших на сессию СЭВ Первого секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателя Совета Министров НРБ Т. Живкова, Первого секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадара, Председателя Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фока, Первого секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии, Председателя Государственного совета ГДР В. Ульбрихта, Председателя Совета Министров ГДР В. Штофа, Первого секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателя Совета Министров МНР Ю. Цеденбала, Первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулку, Председателя Совета Министров ПНР Ю. Циранкевича, Генерального секретаря ЦК Румынской коммунистической партии, Председателя Государственного совета СРР Н. Чаушеску, Председателя Совета Министров СРР И. Маурера, Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Г. Гусака, Председателя Федерального правительства ЧССР О. Черника, других зарубежных гостей.

Торжественное заседание открыл кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин.

С докладом «Верность ленинизму — источник всех наших побед» выступил секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

На снимке: 22 апреля. Москва, Кремлевский Дворец съездов. В президиуме торжественного заседания, посвященного 99-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Фото А. Гостева.

БРАТСТВО

Александр СЕРБИН

На заре рабочего движения, в 1846 году, тогда, когда в мире еще не прозвучал набат «Коммунистического манифеста», когда капитализм еще был на подъеме и буржуа разных стран грызлись между собой, стараясь урвать кусок пожирнее, не задумываясь о своем конце, были сказаны эти слова: «Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями».

Эти слова принадлежали Фридриху Энгельсу, который вместе с Карлом Марксом закладывал основы интернациональной сплоченности рабочего класса во имя новой истории человечества.

Теперь мы знаем, как долог и труден был путь к воплощению идей Маркса и Энгельса в жизнь. Для этого понадобились десятилетия неустанной и бескомпромиссной борьбы известных и безымянных героев рабочего класса, тысячи кровавых боев на баррикадах и в гражданских войнах, беззаветный труд пламенных коммунистов, зажигавших сердца угнетенных и сплачивавших армию пролетариев.

Гений Ленина поднял знамя марксизма, указал путь к победе. Октябрь был торжеством ленинских идей, триумфом рабочего класса, поставившего себе задачу освободить человечество от эксплуатации. Ленин завещал рабочему классу, свершившему социалистическую революцию, делать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах».

На протяжении всей истории Советского государства наш народ был верен завету Ленина. Он выполнял свой интернациональный долг, зная, что в каждой точке земного шара у него есть братья и единомышленники, также самоотверженно выполняющие этот долг. Результаты совместной борьбы ныне видны всем. В мире

Наш взгляд

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО

23 апреля в Москве начала работу сессия Совета Экономической Взаимопомощи с участием руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики.

На снимке: перед открытием сессии.

Фото А. Устинова.

существует, развивается и крепнет социалистическое содружество народов. И сегодня мы говорим: мировая социалистическая система — это торжество великого дела Октября, историческое завоевание международного рабочего класса.

Сотрудничество социалистических стран многогранно и всеобъемлюще. Соединенными усилиями они охраняют свои завоевания, развивают свою культуру, строят экономическую базу для дальнейшего движения вперед.

В канун майского праздника в Москве состоялась сессия Совета Экономической Взаимопомощи — первой в истории международной экономической организации социалистических государств. Сессия происходила с участием руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран, входящих в СЭВ. Символично, что это событие произошло накануне 1 Мая — праздника солидарности, праздника человека труда. Встреча в Москве — это деловая встреча, посвященная задачам развития и совершенствования сотрудничества социалистических стран.

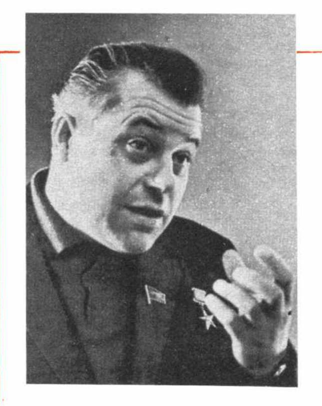
Мировая социалистическая система основана на прочном экономическом фундаменте. Этот фундамент создан в короткий срок благодаря преимуществам социалистического строя и братскому сотрудничеству наших народов. К 1949 году, когда начал действовать СЭВ, страны-участницы только что ликвидировали последствия войны, развязанной фашизмом. С тех пор пройден огромный путь. С 1950 по 1968 год промышленная продукция стран СЭВ выросла почти в шесть раз. Это в два с лишним раза превышает рост промышленной продукции развитых капиталистических стран. Поистине есть цифры, которые красноречивее слов!

Каждому человеку в социалистическом содружестве известно, как помогают строить новую жизнь братское сотрудничество и товарищеская взаимопомощь. Советский рабочий управляет станком, сделанным в ГДР, а рабочий Германской Демократической Республики обрабатывает нефть из Советского Союза. СССР и Чехословакия помогли болгарам построить комбинат, чтобы увеличить производство меди, Чехословакия получает советскую руду, Венгрия приходит на помощь Румынии, развивающей производство соды, польские металлурги работают на советском оборудовании, ученые социалистических стран совместно решают научную проблему — всего не перечислишь. И экономисты согласовывают планы, чтобы усилия каждой страны были полезны всем. А жизнь идет вперед, встают новые задачи и требуют, чтобы это сотрудничество становилось все крепче.

Социалистические страны, объединенные политически и экономически, руководимые общими благородными целями, каждая в отдельности и все вместе укрепляют позиции социализма на мировой арене. Вокруг социалистических стран по-волчьи беснуется империализм. Он еще не оставил надежд подорвать наше братство, расколоть единство наших народов. Он стремится пролезть в каждую щелочку, надеясь на несбыточное. Но сколько раз уже рушились надежды врагов социализма!

Сессия Совета Экономической Взаимопомощи с участием руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств восьми стран решала задачи дальнейшего экономического и научно-технического сотрудничества социалистических государств. Но ее международное значение гораздо шире. Укрепление социалистического содружества — это вклад в борьбу за мир, против империализма, за национальное и социальное освобождение народов.

В этой борьбе социалистическое содружество было и остается ведущей силой.

В. КАВУН,
председатель колхоза имени XXII съезда КПСС, Винницкой области, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР

Интервью «Огонька»

Центральный Комитет КПСС принял предложение Комиссии по выработке проекта нового Примерного Устава сельскохозяйственной артели и подготовке Третьего Всесоюзного съезда колхозников о созыве Всесоюзного съезда колхозников в ноябре 1969 года в городе Москве. В печати опубликован проект нового Примерного Устава колхоза (сельскохозяйственной артели). Наш корреспондент беседовал с В. Кавуном, членом комиссии по выработке этого проекта.

ШКОЛА КОММУНИЗМА ДЛЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Потребность в изменении Устава, принятого в 1935 году, назрела давно. Жизнь в деревне сегодня не та, что была. Мы свидетели и в какой-то степени участники огромных социально-экономических преобразований на селе. Немало нового в организации и принципах ведения общественного хозяйства в колхозах, в характере дальнейшего развития колхозной демократии, в повышении материальной заинтересованности. Колхозники с недавних пор получили достаточное социальное обеспечение, все больше заботы проявляется о культурном и бытовом строительстве на селе. Партия, весь советский народ немало сделали в последние годы для колхозной деревни. Внимание к ее нуждам, миллионные средства, направленные в сельское хозяйство, не могли не сказаться благотворно на жизни колхозников, на результатах их труда. Устав должен стать законом внутриколхозной жизни, отражающим и закрепляющим завоевания колхозников.

25 марта наша комиссия рассмотрела проект будущего Устава. С сообщением по этому вопросу выступил товарищ Д. С. Полянский. В обсуждении приняли участие председатели известных в стране колхозов А. В. Горшков, Н. П. Хованский, А. Г. Бузницкий, В. К. Адомавичюс, Б. В. Глушко, П. А. Малинина, Н. Н. Головацкий, М. А. Посмитный, И. А. Егудин, а также первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. С. Золотухин, председатель ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок И. Ф. Шкуратов, министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флоректьев, секретарь ЦК КП Азербайджана Г. Х. Кязимов.

Несколько слов о проекте Устава. Считаю, что за основу его можно принять, он действительно отражает те изменения в социально-экономической жизни села, которые произошли почти за тридцать пять лет. Я считаю совершенно верным с политической и исторической точек зрения такое положение: «Колхоз как общественная форма социалистического хозяйства полностью отвечает задачам дальнейшего развития производительных сил в деревне, обеспечивает управление производством самими колхозными массами на основе колхозной демократии, позволяет правильно сочетать личные интересы колхозников с общественными, общенародными интересами».

Вот почему наша комиссия приняла предложение некоторых товарищей включить в преамбулу проекта Устава положение из Программы КПСС: колхоз — это школа коммунизма для крестьянства.

Вообще надо подчеркнуть, что в проекте Устава красной нитью проходит мысль о преимуществах, практически безграничных возможностях колхозной демократии. Обобществленные средства производства, принцип артельного, коллективного труда предполагают самое широкое, подлинно демократическое участие всех членов колхоза в решении принципиально важных вопросов его жизни, развития. Вряд ли какая-нибудь другая хозяйственная организация, предприятие могут сравниться с колхозом в этом смысле. Демократические принципы вытекают из самой природы сельскохозяйственной артели. В этом и смысл ленинского плана кооперации. Потому что труд сообща, крестьянская взаимопомощь неотделимы от принципов коллективного руководства артелью, от выработки сообща всех главных решений. А ведь многие беды в деревне в недавнем прошлом порой происходили оттого, что игнорировалось мнение колхозников. Жизнь учит: там, где правление колхоза опирается на общественное мнение села, где председатель, прежде чем что-то решить, анализирует десятки, сотни предложений рядовых членов колхоза, где колхозная демократия никогда не попиралась, там и успехи велики.

Вот почему проект Устава подчеркивает особые права общего колхозного собрания. Здесь, на общем собрании колхозников, должны решаться все насущные вопросы жизни села, развития хозяйства. Наша комиссия сочла возможным поддержать предложение о том, чтобы общие собрания колхозников (или собрания уполномоченных) созывались не менее четырех раз в год. Не знаю, как отнесутся к этому на местах, однако принятие такого предложения лишний раз будет способствовать более широкому участию колхозников в управлении производством.

И еще о роли общего собрания в жизни артели. Комиссия сочла неприемлемым ряд предложений, принятие которых могло бы привести в какой-то мере к ограничению прав колхозников, к поощрению администрирования. Например, прием в члены колхоза и исключение из колхоза предлагалось производить только на правлении, без рассмотрения на общем собрании колхозников. Наша комиссия поддержала иную точку зрения: только общее собрание утверждает решение правления о приеме в члены колхоза и решает вопрос об исключении колхозников из членов колхоза.

Конечно, у меня сейчас нет возможности перечислить все предложения, поступившие на рассмотрение нашей комиссии. Впереди — широкое обсуждение проекта нового Примерного Устава, опубликованного в печати. Затем уж его обсудят делегаты предстоящего Третьего Всесоюзного съезда колхозников. В коротком интервью мне хотелось рассказать лишь о характере последнего заседания нашей комиссии, о том духе, который царил на нем. Не все проблемы нашего сельского хозяйства еще решены, немало и новых трудностей. Общая же тенденция — укрепление самостоятельности сельхозартели, забота о земле, о ее плодородии, о механизации, а это значит прежде всего забота о людях, работающих на земле; от того, как они будут жить, зависит их отношение к артельному хозяйству, к земле, к своему труду на земле. Новый Устав определит не только права колхозников, но и обязанности их — перед землей, перед государством, перед историей первого в мире социалистического государства.

У нас в колхозе нынешнюю весну люди встретили, как всегда, в поле. Каждый раз пора пробуждения земли, природы — праздник! Но вряд ли бывали в жизни крестьянина нетрудные весны. Каждая весна — загадка, которую помогают решить вековой опыт, знания законов природы, сложнейший комплекс научных мероприятий. И труд колхозников! Кончается пятилетка, и нынче мы должны собрать хлеба не меньше прошлогоднего — в среднем центнеров тридцать пять с гектара! Хозяйство наше развивается успешно. Люди отдают ему немало сил. За первый квартал мы продали молока больше плана, мяса—на сто тонн больше, чем предполагалось, яиц — тоже намного больше. Но главная забота — забота о хлебе! И еще — о благосостоянии родного села. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина мы заново отстроим центр Шляховой, у нас прибавятся многоэтажное здание, два магазина, мы проведем систему центрального отопления, водопровод и канализацию пока в центре села, потом и на всех его периферийных улицах, на всех отделениях колхоза. Так что работы — непочатый край! Точнее сказать, мы этот «край» давно почали, сейчас предстоит сделать жизнь на селе еще более интересной, а труд — более культурным, целесообразным, чтобы подрастающее поколение не порывало с хлеборобской судьбой родителей, не изменяло этому великому призванию — быть хозяином и преобразователем земли.

Невский лед

Иван **КЫЧАКОВ**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

Часть вторая

Быть бы ненастью,
да дождь помешал.
Пословица.

Бывает так: ждешь чего-то очень важного, волнуешься и сотни раз мысленно представляешь, как это будет, как я буду вести себя, что скажу и что сделаю, даже как нахмурю брови или как улыбнусь. Но вот наступило это долгожданное — и все смешалось, все, о чем так много рассуждал сам с собой, оказалось совсем ненужным, а поступки твои, которые мысленно отрепетировал, стали совсем другими — и голос не тот, и улыбка не та, да и все-все совсем не то и не так.

Ульянов знал, что так бывает. И когда его привели в высокий, просторный кабинет, с коврами на полу, с большим, во весь рост, портретом царя на стене и на некоторое время оставили одного, он прежде всего постарался забыть все, о чем думал в камере. А для этого необходимо было возбудить в себе чувство острого (именно острого!) любопытства.

Поэтому он с искренним интересом начал рассматривать портрет царя — помазанник божий только вступил на престол, и его такой огромный портрет Ульянов видел впервые.

Царь стоял, опершись правой рукой на эфес сабли, лицо его с рыжеватой аккуратной бородкой и усами было ласково, глаза внимательны, и казался он совсем не величественным.

Ульянов улыбнулся, слегка кивнув царю.

Тот, конечно, не ответил, но и не нахмурился, продолжая стоять в своей не очень-то удобной позе.

«Лучше бы ты сел»,— мысленно проговорил Ульянов и опять слегка улыбнулся.

Но в это время маленькая боковая дверь неслышно раскрылась, вошел поручик (Ульянов тотчас подумал: «Адъютант Управления...») и сел за маленький столик, стоящий в стороне.

«Он будет вести протокол»,— опять подумал Ульянов и посмотрел на поручика с сочувствием. Тот, конечно, не заметил этого взгляда, сосредоточенно перебирая какие-то бумаги.

«Интересно, кто будет вести допрос?»

И тут же послышались громкие голоса и смех.

Адъютант вскочил, быстро проговорил:

— Их превосходительство Товарищ Прокурора Кичин и подполковник Клыков...— И замер.

В кабинет, весело переговариваясь, вошли двое — впереди шел господин во фраке, среднего роста, худощавый, с приятным розовощеким лицом, сзади тяжело ступал подполковник Отдельного Корпуса Жандармов, высокий, располневший, чем-то неуловимым напоминающий волжского купца.

Они не обратили на заключенного ни малейшего внимания, точно его и не было в кабинете, не спеша, продолжая весело переговариваться, сели за огромный, накрытый зеленым сукном стол.

«Ах, подать бы им сейчас карты...— подумал Ульянов,— с треском бы распечатали колоду и...»

Но подполковник уже смотрел на него в упор, и во взгляде не было ничего — ни злобы, ни любопытства.

Начальная формула допроса была известна.

Ульянов знал, что в протоколе адъютанта она написана заранее:

«1895 года, декабря 21 дня, в г. С.-Петербурге, я, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Клыков, на основании статьи 1035 Устава Уголовного Судопроизводства (Судебных Уставов Императора Александра Второго, изд. 1883 г.) в присутствии Товарища Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты А. Е. Кичина допрашивал обвиняемого, который показал...»

— Ну-с, начнем...— буднично сказал подполковник, а Товарищ Прокурора слегка кивнул головой.

— Итак, на основании статьи... впрочем, статью вы знаете, я обязан допросить вас... Советую отвечать правдиво, ибо раскаянием и только раскаянием вы сможете облегчить свою судьбу... Садитесь.

Ульянов сел. Кресло, специально поставленное для него, было мягким, с мягкой спинкой, так что сидеть вполне удобно.

— Назовите полностью свое имя.

— Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

— Признаете ли себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или другой какой-либо партии?

— Не признаю.

Клыков чуть повел взгляд в сторону Товарища Прокурора, но тут же снова уставил холодный взгляд на заключенного.

— Известно ли вам о существовании в Санкт-Петербурге в настоящее время какой-либо противоправительственной партии?

— Не известно.

Ульянов знал, что от того, как он будет отвечать на первые вопросы, многое зависит. Теперь они были позади — мосты сожжены, отступать некуда...

Понимали это и допрашивающие. Они обменялись короткими взглядами, словно говоря: «Хорош гусь! Да уж куда лучше... Придется с ним повозиться...» — И Клыков тем же тоном начал второй заход.

— При обыске у вас отобраны воззвание к рабочим и описание стачки. Это писали вы?

Кажется, совсем невинный вопрос. Но стоит ответить на него утвердительно, и эти люди возликуют. Ведь статья 251-я Уложения о наказаниях гласит: «Виновные в составлении и распространении письменных или печатных объявлений, воззваний, или же сочинений, или изображений, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной, приговариваются к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на время от 8 до 10 лет».

Ульянов хорошо помнил эту зловещую статью и поэтому ответил спокойно:

— Нет.

А Клыков наступал. Его голос обрел силу, в нем появились рокочущие нотки.

— Как они у вас оказались?

— Случайно.

— Каким образом? У кого вы их взяли?

— У одного лица.

Это уже давало коротенькую ниточку, и подполковник не преминул ухватиться за нее.

— Назовите это лицо,— сказал он требовательно, словно велел подать стакан воды.

— Имени его не помню.

Клыков на секунду задумался. Заключенный не замыкается, не молчит, легко отвечает на вопросы, это уже хорошо. Сейчас он загнан в угол. Но как использовать это выгодное для себя положение, как?!

— Для чего, с какой целью взяли?— почти выкрикнул он, поднимаясь, и в ответ услышал короткое:

— Для прочтения.

Ответ был прост и логичен. Он показывал, что никакого угла нет, что заключенный чувствует себя спокойно и даже не собирается волноваться. Надо было немедленно чем-то ошеломить его. И тогда Клыков ткнул пальцем в лежащие на столе бумаги.

— Эти рукописи писали вы?

Ульянов посмотрел на палец, на листки, лежащие на самом краю стола, и спросил:

— Разрешите взглянуть?

Клыков махнул рукой и тут же сел.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16, 17.

Так вот они, эти вещественные доказательства!

Две листовки (откуда взялась вторая?), описание хода ярославской стачки и счет на покупку книг. Все они пронумерованы, очевидно, экспертами. Да-а, не густо...

Не скрывая своего удовольствия, Ульянов начал довольно пространно объяснять, что счет составлен лицом, имени которого он назвать не желает, что упомянутый в счете Ив. Ник.— не кто иной, как Иван Николаевич Чеботарев, купивший один том книги Бельтова за два рубля...

Клыков нетерпеливо перебил его:

— Кто писал эти листовки?

— Почерк, коим писаны рукописи под номерами второй и третий, мне не известен.

— А это?— Клыков ткнул в описание стачки.

— Рукопись, означенная под номером четвертым, писана мною...

Лицо Клыкова просияло.

— Значит, признаете — вами?

— ...писана мною с рукописи, полученной мною у того лица...

— Имя, имя этого лица!— Клыков даже пристукнул о стол костяшками своих жирных пальцев.

— ...имени которого я не помню.

Теперь подполковник окончательно убедился, что начало допроса ни к чему не привело. Разве что удалось выяснить лишь одно: заключенный — великий хитрец и умница и еще... Он поморщился: даже самому себе он не хотел сознаться в том, что заключенный тонко издевается над ним, подполковником Отдельного Корпуса Жандармов...

Ах эти проклятые формальности! Встать бы сейчас, распрямиться как следует, засучить бы рукав да... Щеки его начали медленно наливаться кровью, но тут мягкая, белая ладонь Товарища Прокурора легла ему на плечо.

Клыков громко прокашлялся, хотя в этом и не было надобности, и не спеша начал листать свой массивный блокнот.

— Знакомы ли вы со студентом Технологического института...— Он запнулся, выискивая из длинного списка нужную фамилию.

— ...Петром Запорожцем,— тихо подсказал Кичин.

— Да, да, с Петром Запорожцем?

«Значит, Пьер тоже здесь...»— подумал Ульянов и спокойно, чуть качнув головой, проговорил:

— Вообще о знакомствах своих говорить не желаю.

— Почему?

— Вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было.

Клыков посмотрел на Товарища Прокурора, тот одобрительно кивнул и даже слегка улыбнулся.

«Чему он смеется? Этот... уходит от нас все дальше и дальше, какой же тут может быть смех?»

Но Кичин продолжал улыбаться, с любопытством глядя на заключенного. Так ничего и не поняв в этой загадочной улыбке, подполковник снова спросил:

— Вы были за границей?

— Да.

— Когда вы туда уехали?

— Кажется, первого мая.

— А вернулись?

— В первой половине сентября.

«...Так... пока все идет хорошо — агентурные данные совпадают. Но как выжать из него главное? Нужно заставить смутиться. Тогда он быстрее запутается, начнет сбиваться, и это поможет переломить весь ход допроса».

— Вы привезли из-за границы литературу?

— Да. Я приобрел французские, немецкие и английские книги.

— Названия?

Ульянов чуточку растерялся, назвал две немецкие книги и замолчал. А Клыков наступал:

— Зачем вам понадобились эти книги?

— Для личных занятий.

И опять наступила пауза...

«Черт побери, как он спокоен! Даже ногой покачивает. Сидит, словно в качалке!..»

— Где вы проживали по возвращении на родину?

Ульянов, словно вспомнив об адъютанте, взглянул на него и раздельно произнес:

— Отвечаю: по возвращении из-за границы я прямо проехал к матери в Москву.

— А затем?

Ульянов почувствовал, что тут кроется ловушка, и насторожился. Он стал говорить еще более неторопливо, часто делая довольно длинные паузы, словно с трудом припоминая даты.

— В двадцатых числах сентября, если не ошибаюсь, я возвратился в Санкт-Петербург и поселился в Таировом переулке.

— На новой квартире?

— Да.

— Откуда вы привезли вещи на эту новую квартиру?

Да, теперь сомнений не было: подполковник хотел проверить, верны ли сведения агентов. Значит, слежка была действительно жестокой.

— Прямо с вокзала,— простодушно ответил он, хотя хорошо помнил, что сначала заехал к Наде.

— Когда вы нашли эту квартиру?

«Ага, вот что — их интересует дата. Очевидно, сопоставив даты, он хочет поймать меня на лжи. Ну, что ж, пусть попробует...»

И снова, чуть повернувшись к адъютанту, он спокойно сказал:

— Отвечаю: в день ли приезда я нашел эту квартиру или спустя несколько дней, я не помню.

Клыков улыбнулся. Пожалуй, это была его первая улыбка, и, как отметил Ульянов, она красила его довольно грубоватое лицо.

— Ну, а из-за границы вы ведь привезли...— он опять улыбнулся,— чемодан, не так ли?

— Совершенно верно.— Ульянов тоже улыбнулся, хотя смеяться ему совсем не хотелось: этот чемодан был самым главным пунктом всего допроса.

— Чемодан желтой кожи, не так ли? — продолжал Клыков.

«И это знают!» — с горечью подумал Ульянов, теперь уже ничуть не сомневаясь в том, что о чемодане им все известно.

— Так где же он теперь?

— Теперь... теперь его у меня нет,— ответил Ульянов, чувствуя, что почва уходит из-под ног,— он и действительно не знал, где этот проклятый чемодан, он был у Ванеева, но...

— Так где же все-таки он? — снова спросил подполковник, с улыбкой глядя на Кичина.

— Где я его оставил, к сожалению, не помню...

И тут допрашивающие громко засмеялись.

Ульянов подумал:

«Вот сейчас прикажут принести чемодан, откроют, покажут двойное дно...»

Ему стало жарко, даже ладони вспотели, захотелось вынуть платок и вытереть руки, но надо было держаться, изо всех сил держаться, чтобы не показать этим господам свою минутную слабость.

Он быстро потер ладонью о ладонь и спрятал руки в карманы.

Но Клыков и Кичин почему-то медлили. Кичин, встав с кресла, начал не спеша прохаживаться в пространстве между столом и царским портретом. И негромкие слова его долетели словно из-за ширмы.

— Ах, молодой человек, молодой человек...— покачивая головой, говорил он с нотками и осуждения и сочувствия.— Смею вас заверить: вы запутались. По вопросам, которые вам задал господин подполковник, вы, юрист, должны понять: мы знаем все!

Ульянов вынул руки из карманов и спокойно сложил их на колене.

— Арестовано более пятидесяти ваших сообщников. Если каждый из них скажет о вас хотя бы одно слово — вы понимаете, что будет?

Кичин легко повернулся на каблуках.

— Я по-отечески советую вам — сознайтесь. Этим вы облегчите свою участь... Даю вам слово.

Ульянов уже пришел в себя. Он понял, что приказать принести чемодан они не могут: у них его просто нет.

— Спасибо.— Ульянов улыбнулся, и в этой улыбке промелькнула радость.— Мне не в чем сознаваться.

А Кичин продолжал вдохновляться своей ролью доброго хозяина. Он тронул коробку с сигарами, мягко открыл ее.

— Хотите сигару?

— Благодарю. Я не курю.

— Ах, молодость, молодость...— Кичин даже приподнял правую руку и потряс ею довольно театрально.— «Звездой падучею мелькнула...» В ваши годы — двадцать пять лет! — мы, не правда ли, подполковник, увлекались стихами, безобидными гусарскими проделками, романами... И потом... балы, балы! Ведь вы дворянин?

— Да.

— Так откуда же у вас такие странные наклонности?

Он сделал паузу и чуточку наклонился вперед.

— Дружите с мастеровыми. Бываете у них на квартирах. Появляетесь на фабриках. Зачем?

— Не далее как шестого декабря я был на балу в Дворянском собрании. И даже вальсировал.

Подполковник быстро бросил:

— Знаем-с...

А Кичин продолжал:

— Из-за границы вы везете книги. И о чем?

Он притянул к себе лист бумаги, наклонил голову и близоруко прищурился.

— ...О положении рабочего класса в Баварии, потом... э-э-э... законодательство о труде... Не понимаю, к чему вам вся эта профессорская чепуха. В ваши годы...

И тут Ульянов не выдержал.

— Господин прокурор,— сказал он, заметно повышая голос,— я вызван на допрос или на филантропическую беседу?

Кичин смутился и растерянно развел руками, как бы говоря: «И это за мою-то доброту?..» А подполковник вскочил, повторяя:

— На допрос, на допрос, милостивый государь!

Кичин остановил его взглядом и снова начал расхаживать, монотонно выкладывая стертые, ставшие уже привычными слова:

— Повторяю: мы знаем все. Еще в конце прошлого года в связи с распространением подпольной литературы департамент полиции пришел к заключению о существовании новой организации, именующей себя социаль-демократами.

Слово «социаль» получалось у него округлым, потому что он произносил его с мягким знаком.

Ульянов хотел что-то возразить или спросить, но Кичин предупредил его.

— Господин подполковник,— произнес он, устало опускаясь в кресло,— ознакомьте нас с некоторыми документами. Может быть, Ульянов поймет, что мы не шутим.

Клыков почтительно наклонил голову.

— Извольте, ваше превосходительство...

Он вынул откуда-то из-за стола огромный том дела, переплетенного в плотный картон, отвернул страницу, отмеченную розоватой закладкой, и начал неторопливо читать.

— Уже тогда,— читал он без малейшего выражения в голосе,— в департамент был представлен список, в котором были названы тридцать четыре наиболее активных деятеля, а именно: Запорожец, Старков, Ульянов, Ванеев, Шелгунов и другие...

— Почему же меня не арестовали тогда?

Ульянов с недоверием посмотрел на Кичина, а тот, до конца выдержав прямой, открытый взгляд, тихо засмеялся.

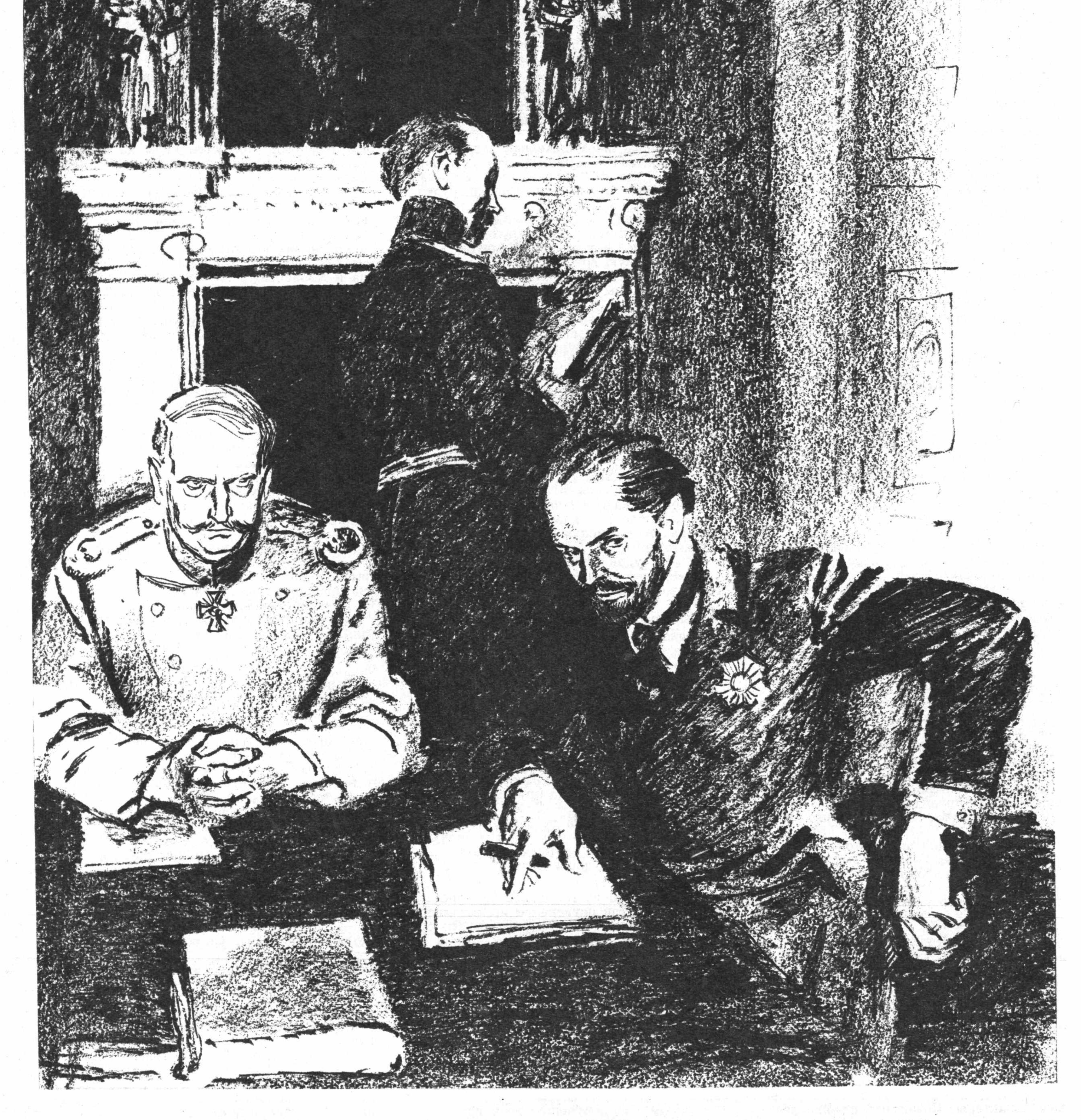
— Все торопитесь... Конспирация. Клички. А между тем...

Он повернулся к подполковнику, и тот протянул пухлое дело Ульянову:

— Читайте. Читайте вслух. Да не бойтесь. Оно не кусается.

Ульянов прочел: «Немедленное привлечение этих лиц к форменному дознанию представляется весьма неудобным и вместе с тем несвоевременным вследствие выезда многих пропагандистов из столицы».

— И документ этот,— почти пропел Ки-

чин,— подписал директор департамента полиции второго июня сего года. Убедились?

Да, Ульянов действительно убедился.

«Боже мой,— думал он,— еще в самом начале года они уже выследили нас. Так сколько же они знают...»

Клыков с довольной улыбкой на лице бережно принял дело, захлопнул и сказал почти дружески:

— Ведь вы тогда гуляли по заграницам...

Он сделал паузу и добавил фамильярно:

— Не так ли, Старик?

Сколько надо было иметь сил, чтобы, услышав брошенное прямо в лицо слово «Старик», не вздрогнуть! Но Ульянов нашел в себе эти силы. Он сделал вид, что не понял странного обращения, и спокойно вернулся на место.

Долгую паузу нарушил Товарищ Прокурора.

— Как видите,— сказал он, явно довольный ходом допроса,— кольцо сыска вокруг вас сжималось. И наконец... арест! Каждый ваш шаг зафиксирован с точностью до одного дня, до одного часа!

Клыков торжествовал: наконец-то они сломали упорство этого самоуверенного молодого человека! Еще небольшой нажим — и он сдастся!

— Да-а,— протянул Клыков, листая журнал агентурных наблюдений,— задали вы нам работы.

Страницы стремительно перелетали одна за другой. Наконец на одной рука задержалась.

— Да вот, например...— И, водя пальцем по строчкам, с удовольствием прочел: — «30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому проспекту, исключительно населенный рабочими, а 1 октября отправился в дом № 8-86 по 7-й линии Васильевского острова, где проживают рабочие Степан Иванов, Владимир Ипатьев, Владимир Горев, Александр Шиявин, Николай Александров и Тиц Франгольц.

В доме этом Ульянов пробыл три часа, после чего вышел оттуда вместе с Глебом Кржижановским...»

— Что же вы молчите, Старик?

Это сказал Товарищ Прокурора и сказал так четко и ясно, что делать вид, что не расслышал, просто глупо.

— Вы ко мне? — спросил Ульянов, делая удивленные глаза.— Старик?

Клыков только и ждал этого момента.

Он тут же подхватил:

— Да, вы главарь группы «Стариков»!

Что-то плотоядное почудилось Ульянову в лицах этих людей. Нос у Кичина словно бы чуточку вытянулся, а кончик его заострился. Губы у Клыкова приоткрылись, а второй подбородок напрягся и задрожал, как брюшко у лягушки, готовой броситься на добычу.

И так захотелось запомнить эти лица, их напряженные, полные ожидания выражения, чтобы потом представить их Наде во всей красе.

И он засмеялся.

Клыков судорожно проглотил слюну, а

Кичин поморщился, с трудом слушая раскат этого неудержимого, задорного смеха.

— Старик? — взмахивая рукой, сквозь смех воскликнул Ульянов.— Неужели я похож на старика? И вы не шутите, господа?

Подполковник резко встал.

Ульянов через силу оборвал смех и, вытирая платком глаза, протянул виновато:

— Простите, простите, господа... Да, ничего не скажешь — осведомленность широкая. И все же...

— Что все же?

— Она ни о чем не говорит. Не станете же вы на суде листать этот журнал полицейского сыска?! А что касается Старика... — он снова не смог скрыть озорную улыбку,— извольте. Если это вам нравится, именуйте меня Стариком. Хоть горшком назови, как говорится, только в печку не ставь.

Кичин и Клыков переглянулись.

Продолжать допрос не было смысла.

Нервно передвигая бумаги по зеленому сукну, Клыков, совсем потеряв логическую нить допроса, пробормотал почти себе под нос:

— А чемодан все-таки был с двойным дном.

Ульянов услышал это бормотание.

— А может быть, с тройным? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

И Клыков не выдержал.

— Молчать! — заорал он, даже не стараясь сдержать себя.— Вы привезли в нем противоправительственную литературу. Так?

Ульянов молчал.

— Почему вы молчите? — тихо спросил Клыков.

Ульянов пожал плечами.

— Мне приказано молчать.

— Подполковник несколько погорячился...

«Надо кончать эту комедию»,— подумал Ульянов и проговорил сухо:

— О чемодане я буду говорить тогда, когда вы представите мне его. И покажете это самое двойное дно... — И еще суше добавил: — На все поставленные мне факты я ответил. Других фактических показаний представить не могу.

Кичин, чуть склонясь в сторону подполковника, что-то прошептал, тот кивнул и, не глядя на Ульянова, автоматически произнес:

— Извольте подписать протокол.

Ульянов подошел к адъютанту. Тот подал ручку. Но Ульянов не взял ее.

— Прошу дать распоряжение о предоставлении мне прогулок, переписки и свидания с родными, а также получения книг, необходимых мне для работы.

Кичин задумчиво посмотрел на заключенного и встал.

— Все это вы получите.

Ласково кивнув адъютанту, они вышли так же, как и вошли,— впереди Товарищ Прокурора, за ним подполковник, на ходу посматривающий на карманные часы.

* * *

Допросы, допросы... Новые имена, лица, новые характеры. Сотни различных глаз!.. В одних — испуг, смятение, в других — настороженность, равнодушие, пустота.

В один из вечеров, после тяжкого трудового дня, Кичин вызвал Клыкова на важную беседу.

— Ну-с,— потягиваясь и делая плечами резкие движения, спросил он,— что вы скажете о первых допросах?

— Я доволен.

— Чем?

— Наше сообщение начальнику жандармского управления от 12 декабря полностью подтверждается. Мы знаем о преступниках все.

Кичин прищурился — у него очень устали глаза, потер пальцами виски.

— И что же мы знаем?

Задавая эти вопросы, он хотел, следя за ходом мысли собеседника, проверить собственные раздумья.

— Прежде всего нам известны составы всех рабочих кружков, их программы и адреса.

Кичин, зажмурившись по-кошачьи, тихонько повел всегда неподвижной, словно припаянной к плечам головой. «Сейчас замурлычет...» — не без иронии подумал Клыков.

— Мы все знаем о сходках — где и когда проходили, с какой целью, кто участвовал в них.

Кичин еще больше прищурился, будто у него почесали за ухом.

— Наконец, мы знаем главное — мы раскрыли организационную структуру: знаем, кто входит в Центральный Комитет, кто — в литературную группу, кто и каким районом руководит...

— И как, вы полагаете, следует назвать дело?

— В сообщении мы назвали сборище преступников так, как они сами именуют себя,— санкт-петербургской социаль-демократической группой. Полагаю, что это вполне соответствует действительности.

Кичин встал, резко вытянул вперед руки со сжатыми кулаками, чувствуя в предплечьях приятную истому.

— Ну что ж, дорогой подполковник,— проговорил он, мягко опуская руки,— я с вами полностью согласен. Озаглавить, думаю, следует так...

Он потер пальцами лоб и проговорил, отчеканивая каждое слово:

— ...«Дело о возникших преступных кружках лиц, именующих себя социаль-демократами».

Клыков удовлетворенно мотнул головой.

— Вполне согласен, ваше превосходительство. А кто главный?

— А как вы думаете? — без малейшей паузы спросил Кичин.

Подполковник задумался.

«Ах, хитрая лиса,— думал он с раздражением, в то же время с любовью глядя в глаза своему собеседнику,— ловко ты умеешь вертеть своим пушистым хвостом, вечно изгибаешься всем телом да вынюхиваешь. А сыр, который я держу в клюве, окажется у тебя в зубах. Уж это непременно...»

И, вздохнув, будто от переутомления, он проговорил вяло:

— Простите, ваше превосходительство, но у меня голова пошла кругом. Совсем запутался. Ей-богу...

Кичин взглянул на него кротко, словно хотел сказать: «Ах, как я вам сочувствую...» — и так же кротко сказал:

— Давайте-ка, дорогой, просмотрим кое-что в деле...

Он взял один из томов и начал листать, но делал это так неуверенно и даже неловко, что Клыков чуть поморщился. Он терпеть не мог беспомощности и вялости. А Товарищ Прокурора словно и не замечал его недовольных взглядов. Он взял другой том, раскрыл, тут же отодвинул и потянулся к третьему.

Клыков не выдержал.

— Собственно, кто вас интересует, ваше превосходительство? Ульянов?

Кичин только этого и дожидался.

— Вы сказали — Ульянов? — переспросил он.— Ну что ж, это резонно. Ведь он ездил за границу. А зачем?

— Ездил по поручению всей группы,— быстро заговорил Клыков, ему хотелось поскорее столкнуть разговор с мертвой точки.— Ездил завязывать сношения с русскими эмигрантами и приискать способы для проникновения в империю революционной литературы.

— И мы это сможем доказать?

— Вполне. Именно после его возвращения деятельность кружков оживилась, опять появились такие вреднейшие издания, как «Хитрая механика», «Кто чем живет». Более того, нам известно, что Ульянов успел войти за границей в сношения с Плехановым.

— Так, так... — задумчиво протянул Кичин,— ну, а чемодан? Что вы скажете о нем?

— Чемодан был прослежен от самой таможни, именно в нем Ульянов привез противоправительственную литературу.

— Ну, а где он сейчас?

— По агентурным данным, точно известно, что чемодан находится у слушательницы Высших женских курсов Елены Сибирской.

Подполковник ясно видел, что Кичин, задавая эти вопросы, все время думает о чем-то своем, но о чем — понять не мог. Не выдержав тонкостей игры да и пренебрегая этими тонкостями, он решил спросить прямо.

— Видите ли... — задумчиво протянул Кичин.— Ульянов, конечно, голова. Но какая голова! Юрист. Умница. Я не сомневаюсь, что умение вести себя на допросах внушено заключенным им, Ульяновым. Проанализируйте показания Ванеева, Запорожца и Ульянова, и вы убедитесь, что тут — одна рука. Поэтому бороться с Ульяновым надо во всеоружии. Малейшая наша неточность, оплошность или упущение могут тотчас вызвать ответную атаку. Вы понимаете, дорогой?

Клыков кивнул, погружая пальцы в свои мягкие, начавшие седеть волосы.

— А раз так, сможете ли вы представить совершенно неопровержимые улики и доказательства?

— Я убежден, ваше превосходительство,— горячо заговорил Клыков,— что чемодан мы найдем. Кроме того, показания мастеровых помогут нам припереть его к стенке. Я клянусь!

Товарищ Прокурора ласково, с оттенком некоторой снисходительности улыбнулся.

— Ну зачем же так уж сразу и клясться,— сказал он полушутливо.— Клятвы мы, дорогой подполковник, побережем для более высокой цели. Итак, дело мы определили, главный преступник, главарь — Ульянов.

И, поднявшись, добавил:

— Скоро Новый год. И я хочу, чтобы он для нас был счастливым.

* * *

Запорожец стал постепенно приходить в себя.

Он хорошо спал, его не беспокоила больше решетка на окне — он мог смотреть на нее совершенно равнодушно, не замечая... Часто думал о товарищах, и ему казалось, что он тоскует о них и тоскует так сильно, что иногда хочется заплакать.

Но когда однажды он услышал стук в стену, почему-то испугался, с тревогой посмотрел на дверь, прислушался.

В коридоре было тихо.

А стук настойчиво и властно звал его: «Кто ты? Откликнись! Откликнись!»

Он не шелохнулся.

Стук замер. И тишина стала особенно тягучей.

— Почему же я не отвечаю? Ведь это же товарищ, друг... Он зовет меня, а я молчу... Почему?

Стук снова воскрес и на этот раз показался особенно громким — та, та, та-тá! И опять: та-тá-та-тá!

Казалось, что стена чуточку дрожит от ударов — такие они были упругие и сильные.

— Что он делает? — со страхом подумал Запорожец.— Сейчас глазок... или нет, волчок (кажется, его так называл надзиратель) залает: — Прекратить стук! — А потом распахнется дверь, и меня...

Он побледнел от напряжения. На лбу выступили холодные капельки пота.

— Нет, нет, я не хочу, не хочу!

Он сделал отчаянный рывок — зажал уши руками. В голове стоял шум и гул, как будто где-то далеко работала паровая машина и гудели на ветру провода на столбах.

Но стук прекратился.

Осторожно отняв руки от ушей, прислушался. В камере стояла тишина.

— Зачем он так громко стучал? — унимая дыхание, подумал Запорожец.— И потом... почему надзиратель даже не обратил внимания? Тут что-то неладно.

И эти слова — «что-то неладно» — он начал повторять — один раз, другой, третий, то тише, то громче, то мысленно, совсем не разжимая губ.

По коридору кто-то прошел.

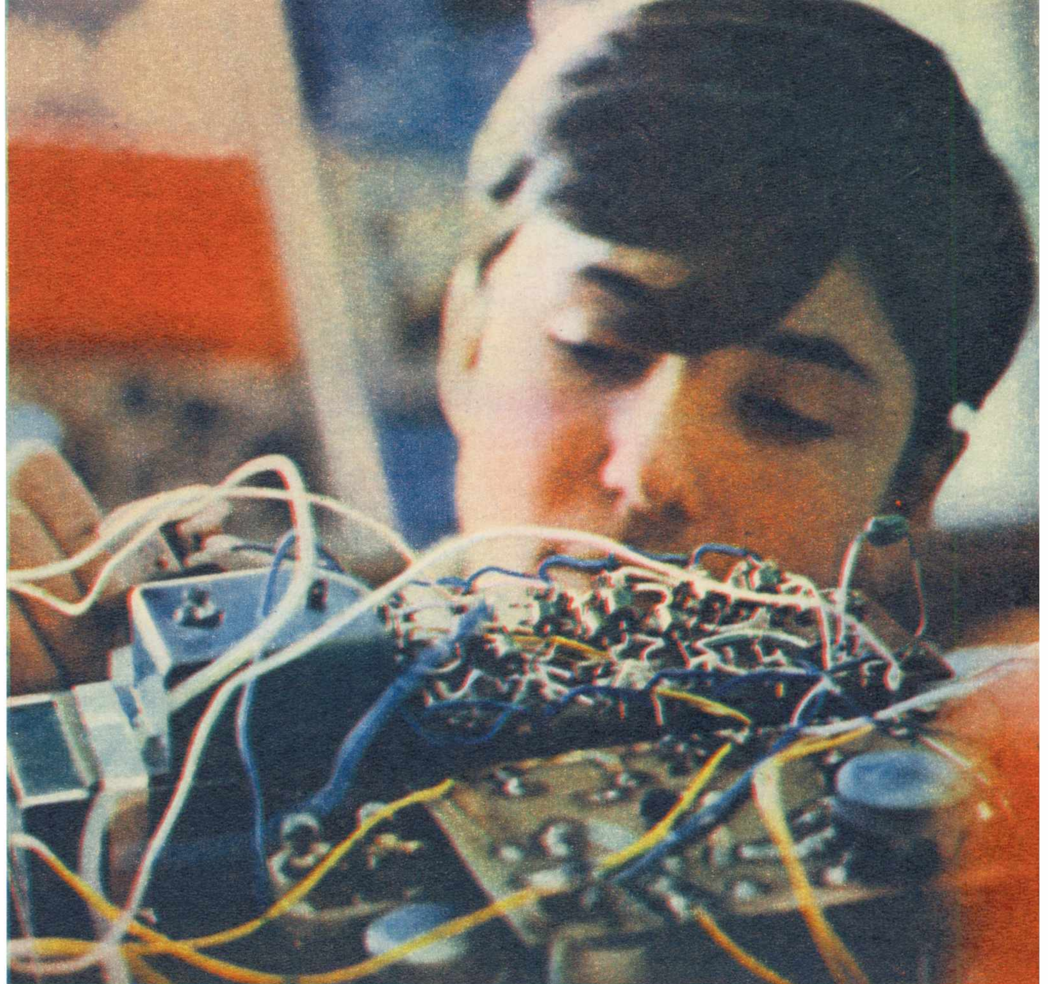
Запорожец вскочил, подбежал к двери и, склонившись, долго слушал затихающие звуки.

— Ага, все ясно... — пробормотал он,—

Космос зовет...

Фото А. БОЧИНИНА.

Маленькие балерины.

Радиоэлектроника для Рашида Фахрутдинова не бесплодная мечта: он уже прикоснулся к ней.

Вот она, подлинная дружба: рядом с негритянкой танцуют белорус, голландка, индианка...

Может быть, так начинали когда-то и наши олимпийцы!

это был следователь. Конечно, следователь! Как я сразу не догадался! Допроса еще не было... И чтобы выведать у меня главное, он и стучал.

Посмотрев в кружок волчка, он хитро улыбнулся.

— Ну, не-ет, меня вы не проведете. Слышите, господа?! Не-про-ве-дете!

Он так неестественно громко засмеялся, что сам испугался этого звука.

— Но как предупредить товарищей, что это провокация? Как сказать им, чтобы не отвечали ни на какие стуки? Как? Стучать самому? А вдруг там следователь?

Он долго с опаской ходил вдоль стен, не решаясь приблизиться к ним. Наконец пересилил себя и, торопясь и поминутно оглядываясь, простучал: «Не отвечайте. Молчите. Это следователь».

Сразу стало легко, словно удалось сбросить с плеч тяжелую ношу. Облегченно вздохнул, успокоился и, хитро посмеиваясь в бороду, стал равнодушно смотреть на дверь.

Теперь мысли были далеко-далеко, и опять состояние полудремы охватило все тело.

Думая о друзьях, он тихо улыбался.

Хорошие, милые мои други, верные по гроб жизни... Я ведь знаю о вас все. Да, да, знаю... Знаю, что Зина и Глеб собираются пожениться. Знаю, что Минога по уши влюблена в Старика. А тот, хотя и скрытничает, но и сам влюблен... Знаю, что Толька пишет длиннейшие любовные письма какой-то красавице волжанке...

А про меня вы ничего, ну, вот нистолечко не знаете. Да, да, не знаете! А я ведь тоже... Да, да, тоже... это самое... влюблен. И еще как! И зовут ее...

Но тут он обрывал себя, словно боясь, что стены, услышав имя, выдадут тайну.

Как ловко тогда придумали с этим балом в Дворянском собрании! Организации всегда нужны деньги — на крохотные членские взносы и добровольные пожертвования не проживешь... И вот тут-то именно он, Петр, и еще, кажется, Зина Невзорова предложили для пополнения кассы использовать студенческие концерты.

Дело было поставлено на широкую ногу. В комиссиях с благозвучными названиями — артистическая, музыкальная — с необыкновенной важностью музицировали, пели, декламировали монологи и разыгрывали сцены из трагедий сынки и дочки богачей. Ну, а в скромной хозяйственной комиссии скромно трудились Зина и Петр. Они организовывали продажу билетов, устраивали буфеты, киоски для продажи цветов, и большие половины выручки, которая, по мысли посетителей, должна идти на благотворительные цели, поступало в партийную кассу.

Вот и в тот вечер, 6 декабря, Петр прибежал в Дворянское собрание пораньше. Зина с целой группой своих однокурсниц уже хозяйничала в буфетах и киосках, у всех входов стояли свои люди, бойко распродававшие билеты. А народ все шел и шел. Все знали, что концерт сегодня дают студенты-кавказцы, и, конечно, все были заинтригованы: не так-то часто в специальном концерте удается послушать своеобразные мелодии Кавказа, посмотреть яркие грузинские костюмы и пылкие, зажигательные танцы!

Зина сияла. Увидев Петра, она тихонько показала ему сначала пять пальцев, потом еще три.

Запорожец недоумевал:

— Восемьдесят рублей? Уже?

Она молча кивнула головой.

— Зина, так это же прекрасно!

Она погрозила ему глазами, сказала: — Будет еще,— и приложила мизинчик к губам.

Концерт, как говорили девушки, прошел необыкновенно хорошо. Аплодисментам, казалось, не будет конца. Потом грянула музыка — начались танцы.

Петр сидел в опустевшем киоске для цветов и издали видел в группах танцующих знакомые лица. Вот Зина очаровывает своим проницательным взглядом Глеба. Вот смеющаяся Надя, чуть наклонив голову, слушает шепот Старика. Вот...

Но тут он вздрогнул: у колонны стояла ОНА.

Он даже усмехнулся.

Черт побери, как романтично! Бал в разгаре. Море улыбок и смеха. И вдруг у белой колонны — незнакомка. Одна. Белое лицо подернуто грустью. В глазах тайна.

Он еще раз взглянул на нее и перестал улыбаться.

Она была действительно грустна.

И белое, бледное лицо ее, и этот открытый лоб, и прямой нос, и маленькие пухлые губы, а главное, широко открытые глаза под черными бровями показались ему... нет, не прекрасными, а необыкновенными, совсем не такими, как у других, совсем-совсем другими.

Он отвернулся, но ее лицо стояло перед ним.

Он снова начал искать ее глазами и нашел.

Она шла от него.

Теперь он видел высокую шею, плечи и руку, свободно опущенную вдоль бедра, и талию, перехваченную не то широким кожаным поясом, не то шарфом.

«Как ее зовут? — спросил он сам себя.— И почему-то подумал: — Мария...»

Это имя он любил больше других.

Сердце забилось неожиданными толчками.

К ней в мягких своих сапожках подлетел, сияя белозубой улыбкой и газырями, курчавый кавказец.

— Сейчас уведет на танец...

Но девушка, глядя на кавказца сверху вниз (он был чуточку ниже ее), кротко улыбнулась, подняла руки к вискам, потерла их пальцами и, что-то проговорив, пошла дальше. Студент долго еще не отставал и наконец, поклонившись, ретировался.

— Бестужевка...— подумал Запорожец,— и, наверное, из богатых... Как же ее зовут?..

Дальше в воспоминаниях наступал какой-то провал.

Запорожец знал, ЧТО произошло и КАК происходило, но связного рассказа не было. Это все равно как читать книгу с вырванными страницами или как наблюдать из окна за жизнью людей в комнате: откроешь окно — звуки слышны, закроешь — люди двигаются молча и бесшумно.

Ему порой казалось, что все это было во сне, но в таком необыкновенном сне, где все-все по-настоящему жило — и звуки, и краски, даже запахи. И чем упорнее он силился припомнить весь сон от начала и до конца, восстановить все его многочисленные детали, тем стремительнее он убегал от него, распадаясь на куски, на отдельные сценки, даже на отдельные штрихи и звуки.

И среди тюремной тишины и одиночества Запорожец тратил все свои душевные силы на восстановление того загадочного сна — ему казалось, что именно в этом и состоит цель его теперешней жизни.

Продолжение следует.

КТО В ДРУЖБУ ВЕРИТ ГОРЯЧО

В Московском Дворце пионеров мне показали крохотные и нежные, как лепестки подснежника, полупрозрачные листки бумаги, густо исписанные четкими мелкими буквами. Чтобы буквы не стерлись, листки заботливо обернули полиэтиленовой пленкой.

— Эти письма пришли к нам из португальской тюрьмы Кашиас,— сказали мне.— От молодых коммунистов. «Мое присутствие духа и мое мужество, о которых ты пишешь,— читаю письмо К.,— основано на уверенности в том, что и молодые португальцы будут иметь когда-нибудь такую же социалистическую родину, как и твоя, дорогой друг...»

Сорок тысяч писем в год из сорока стран мира! Но больше всего из Испании и Венесуэлы, Греции и Парагвая, из тех стран, где еще застенки и тюрьмы, где нищета и бесправие. Московским пионерам пишут Хесус Фария, Кармен Солер и Эдуардо Мачадо, пишут совсем неизвестные простые люди, и в каждом письме — слова надежды и веры, почерпнутой здесь, в нашей стране. «...Мысли о вашем счастливом детстве заставляют нас бороться вдвое упорнее, чтоб добыть для наших детей то счастье, которое есть у вас, детей СССР» — это строки из письма Педро Саада, живущего в далеком Эквадоре.

Вот оно, это счастье! Ты еще мал и не очень силен, но ты хочешь стать смелым. Пожалуйста, приходи 25 августа, запишись, двери для тебя открыты. Каждый, самый неспособный, вот как эти малыши, беспомощно барахтающиеся в воде с пенопластовыми «лягушками», через два месяца свободно проплывет от борта до борта. Шесть тысяч детей становятся здесь пловцами каждый год. Это не считая, конечно, тех, которые уже имеют разряды и занимаются постоянно.

Ты хочешь проникнуть в тайны радиоэлектроники и автоматики — и это тебе доступно. Трудись и дерзай, как Рашид Фахрутдинов — ученик 8-го класса школы № 9. Он собрал модель автоматического устройства, которое подчиняется звукам его голоса. Этакий своеобразный робот в миниатюре. Разве не интересно?

Ты любишь танцевать, петь, играть, тебе нравятся акробатика и самодеятельные спектакли. К твоим услугам — несколько театров, студий и, наконец, знаменитый ансамбль имени В. С. Локтева. Знаменитый потому, что его знают не только в Москве, Сибири, Краснодаре, на Дальнем Востоке, но и во Франции, Болгарии и Финляндии. Считай себя приглашенным в ансамбль, но не в качестве зрителя, а артиста. В коллективе ансамбля до тысячи юных граждан всех возрастов. Программа его, как видно на нашем снимке, самая интернациональная. В сюите «Пионерская дружба» рядом с индианкой танцуют кубинка, африканка и белорус.

Что же касается космонавтов, то это, конечно, совершенно особый народ. Тут все очень серьезно и по-настоящему. Даже скафандры взаправдашние. Тут, чтоб заниматься, надо здорово знать школьные науки и даже больше. Потому что ничего не поймешь тогда в астрономической или биологической секции и уж наверняка не попадешь к физикам космоса или ракетостроителям. Члены клуба космонавтики — свои люди в Звездном городке. А президент этого клуба — Андриян Николаев. Международные связи юных космонавтов ширятся. Поступили письма из Индии и Шотландии. Их авторы тоже хотят стать космонавтами. А пионеры из ГДР, из Карл-Маркс-штадта, просят советских ребят поделиться своим обширным опытом космических исследований.

В этом царстве сказочно-счастливого детства мне запомнились двенадцать сплетенных рук. Черная, белая, смуглокожая. Тонкая и узкая, широкая с шероховатыми, грубыми пальцами и короткими ногтями. С часами или браслетом на запястье, в белоснежной манжете и клетчатой ковбойке... Двенадцать ладоней в крепком пожатии! Она символична, эта огромная фотография в Клубе интернациональной дружбы. Она символична, потому что она сама жизнь. Московские дети дружат с детьми всех народов. А настоящая дружба всегда приносит счастье.

Г. ВЛАДИМИРОВА

...Весна, она для каждого бывает разной. Но для всех — волнующей, будоражащей мысль, тревожащей сердце. Что волновало в те три весенних дня юношей и девушек, перед которыми учитель поставил один вопрос: с чего начинается для вас Отечество?

Мы публикуем эти исповеди юных сердец, раздумья педагога над листками, исписанными его питомцами...

СЛУШАЙ,

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ,
Герой Социалистического Труда,
член-корреспондент
Академии педагогических наук СССР

СЕРДЦЕ!

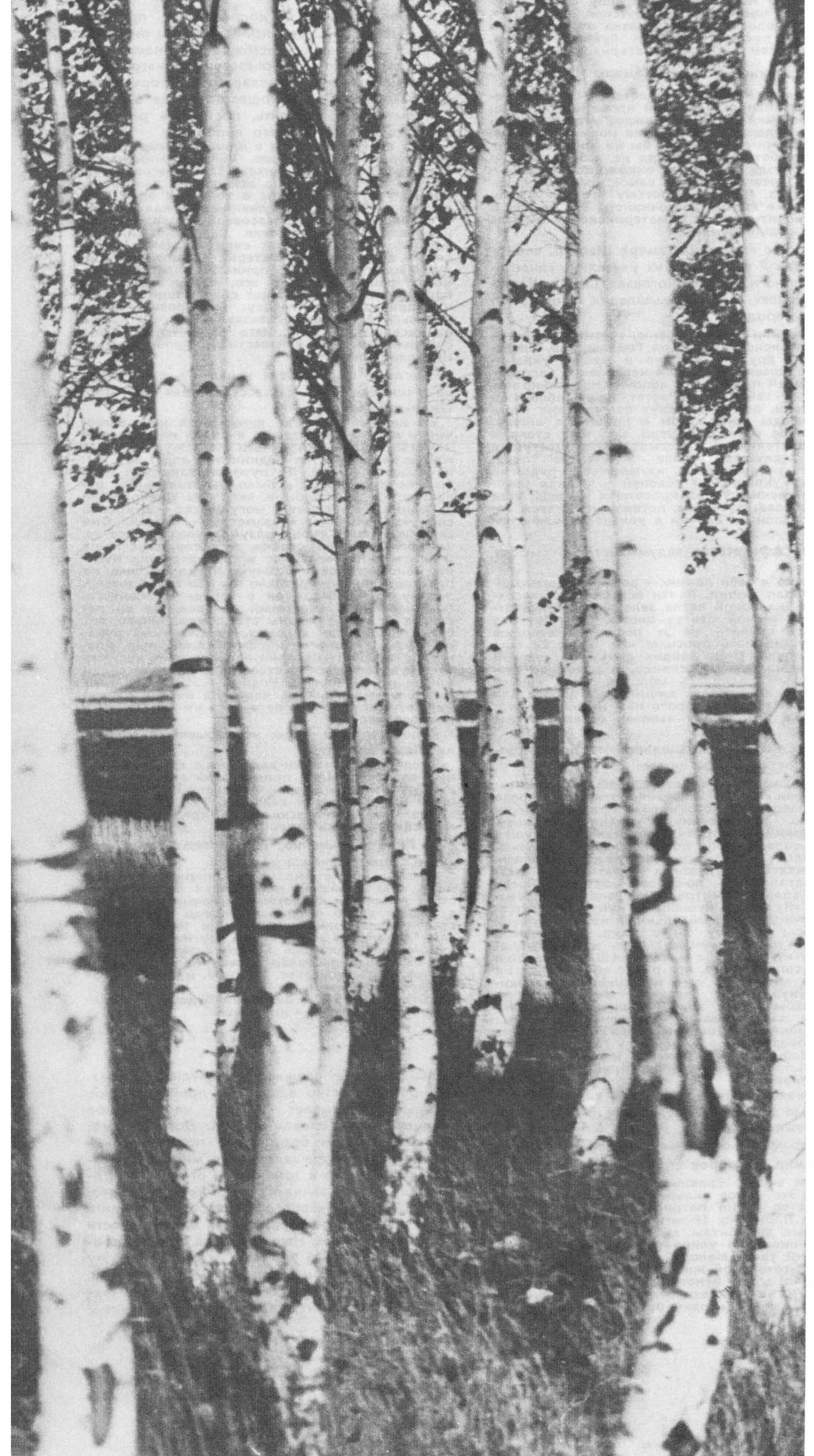

Фото М. Савина.

В лучезарный весенний день пришел я в свой девятый класс и обратился к своим ученикам: «Мне хочется, чтоб вы подумали и сказали, с чего начинается для вас Отечество. Через год вы разойдетесь по разным дорогам. Оглянитесь назад, на пройденное, поговорите со своей совестью, с отцом и матерью, с прахом дедов и прадедов, ушедших в землю, каждый комочек которой — это и вечная слава Отчизны, и колос пшеницы, дающий нам жизнь, и кровь героев, обильно пролитая в битвах за то, чтобы вы радовались солнцу и радуге, грустили и смеялись, любили и ненавидели...»

Предстоящий разговор о Родине взволновал юношей и девушек. Они попросили: «Оставьте нас наедине с нашими мыслями, дайте нам хотя бы три дня на раздумья». В эти три дня люди видели моих питомцев уединившимися, задумчивыми и в поле и у старой вербы, склонившейся над прудом; видели их и возле братской могилы воинов, погибших в битве за наше село, и у мемориального памятника, на котором высечены имена односельчан, чьи могилы — от Сталинграда до Берлина.

Обозревая путь, который мы, воспитатели, прошли вместе со своими учениками — завтрашними тружениками и воинами, матерями и отцами,— я думал о том, как утверждается в человеке верность и преданность Родине, как постигается великая истина: «Родина без меня обойтись может, я же без Родины — ничто; только с Родиной я велик и бессмертен!» Я мысленно прошел по всем тем местам, где мы бывали с питомцами, мысленно повторил то, что было им сказано, вдумался в то, что они читали.

...Есть в нашей Кировоградской области, недалеко от села Подлесное, место, священное для каждого гражданина. Здесь в годы фашистской оккупации гитлеровцы совершили страшное злодейство, схватив двух мальчиков — Федю Шепеля и Яшу Матвиенко, партизанских разведчиков, возвращавшихся из лесу. Их зверски пытали, им обещали щедрые награды, но ребята остались верны своей партизанской клятве. Они не выдали военную тайну. Тогда гитлеровцы заставили тринадцатилетних мальчиков выкопать яму и закопали их живыми. Мы были на этом месте. Когда я рассказывал ребятам об этом подвиге во имя Родины, я пережил то же, что хирург перед операцией на человеческом сердце,— коснулся самого сокровенного. Дети широко открытыми глазами смотрели на мир, как будто впервые видели его. В те мгновения их души были открыты великому и возвышенному...

Дорогие мои юные друзья-педагоги, только вчера переступившие порог школы! Вам предстоит воспитывать молодое поколение в 2000 году. Ваши питомцы в расцвете сил встретят столетие Советской Родины. Помните мудрое правило патриотического воспитания, правило, постигнутое, добытое, выстраданное десятилетиями тяжелого и благородного труда: умейте найти то святое место на нашей земле, где открываются сердца и слова наши, обычные, простые слова, обретают новое звучание.

Каждый раз, когда я говорю со своими питомцами о Родине, я переживаю чувства человека, который завтра умрет, и мое сегодняшнее слово является как бы завещанием. Это значит, что о великом и возвышенном, о святыне сердца надо говорить нечасто.

Вот какие мысли не давали мне покоя три дня, пока наши девушки и юноши слушали себя, свой голос, свое сердце.

И вот я взял, наконец, в руки маленькие листочки с горячими, как огонь, и ласковыми, как цветок ландыша, строчками...

Что же самое святое и драгоценное в них?

Юношеству свойственно стремление философски осмысливать мир. Особенно ярко выражено это, когда мысль раскрывается в художественном образе.

...Раздумья застенчивой **Ольги Верескун:**

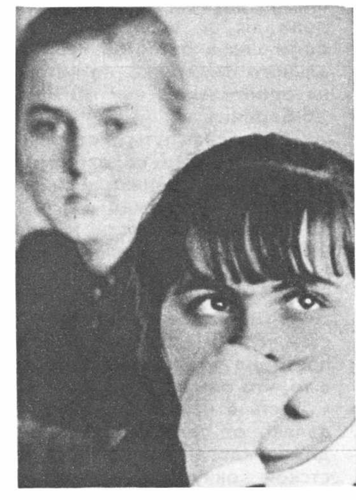
«В синем небе летит журавлиная стая. Летят птицы в теплый край. Там вечное лето, теплые воды, густые травы. Но не радует их это тепло. Ждут не дождутся птицы, когда на далеком севере растает снег, и снова летят на далений север, летят через моря и горы. Летят на север, потому что это их родина. Здесь они родились. Так и для нас — самая дорогая та земля, где мы родились. Пусть где-то далеко, в чужом краю, и звезды ярче и травы сочнее,

Василий Александрович Сухомлинский: «Подумайте и скажите, с чего начинается для вас Отечество...»

Ольга Верескун: «...Самая дорогая та земля, где мы родились...»

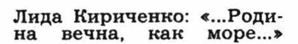
Две Тамары Швачко: «Где бы ни пришлось мне жить и работать, я никогда не забуду ласточкиного гнезда». «...Рядом с цветущей украинской яблоней — зеленая белорусская елочка».

Тамара Афанасьева: «...Дорого нам на нашей родной земле все, в чем человек оставляет сам себя...»

Люба Самкова: «...Люблю нашу красивую, полнозвучную украинскую мову...»

Валя Фоминская: «...Я хочу быть такой же духовно сильной, как Зоя Космодемьянская...»

Лида Кириченко: «...Родина вечна, как море...»

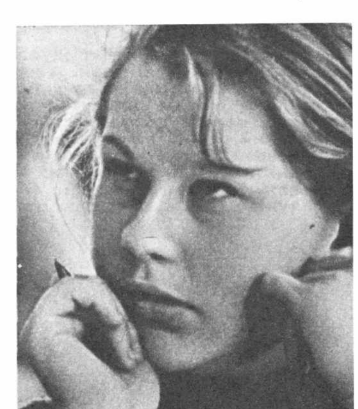

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

но нет для нас яснее наших родных зорь, нет дождей, более животворных, чем наши родные дожди, нет трав ароматнее наших родных трав. Вот яркое воспоминание моего детства: еле приметная тропинка-стежка в зеленом лугу. Я часто бегала по этой тропинке, собирала цветы. И все мне хотелось узнать, где она кончается. Долго шла я по лугу, но тропинке не было конца. Как только слышу слово Родина, вспоминается эта тропинка, безбрежный зеленый луг, песня кузнечика в вечерней тишине, белые хатки и стройные тополя за селом. Самое дорогое для человека, наверное, то, что стало дорогим в детстве».

Пишет **Владимир Глоба:**

«Мама рассказывала мне в далеком детстве сказку о соломенном бычке. Навсегда вошло в память: темный лес, чистое поле, буйный ветер, верба, склонившаяся над прудом... Из этих образов и возникло мое первое представление о Родине. До боли сердца дорого оно мне, чистое поле. Когда я слышу слово «Отечество», вспоминается эта детская, не мудрая, но такая дорогая сердцу сказка о соломенном бычке — с чистым полем и буйным ветром, темным лесом и глазами матери».

Вот строчки синеглазой **Тамары Швачко:**

«Для меня Родина начинается с полузабытого воспоминания. Над моей кроваткой, у окна, было ласточкино гнездо. Каждое утро, проснувшись, я видела, как ласточка кормит птенцов. Куда бы я ни поехала, где бы ни пришлось мне жить и работать, я никогда не забуду ласточкиного гнезда над моим окном. Вспоминаю о нем — и кажется, что это самое красивое видение детства. Наверное, потому что это мысль не только о гнезде ласточкином. Это мысль о гнезде родительском, о материнском ласковом слове, о родной земле».

Есть у нас еще одна **Тамара Швачко**, черноглазая, так и различают их учителя — синеглазая и черноглазая. Черноглазая Тамара Швачко заключает свои размышления словами о дружбе народов:

«Мы ездили в Белоруссию, гостили у пионеров Кормянской школы на Гомельщине. Повезли своим друзьям яблоню и мешок украинского чернозема. Смешали чернозем с белорусской землей и посадили яблоню. Несколько лет прошло с той поры. Растет наша яблоня в Белоруссии, а у нас растут белорусские елочки. Однажды рано утром я пришла в школу. Было тихое солнечное утро. Сад наш стоял в белом цветении. Я рассматривала цветущие деревья, слушала тихое жужжание пчел. И вдруг остановилась изумленная: рядом с цветущей украинской яблоней — зеленая белорусская елочка. Такой красоты я никогда еще не наблюдала. Наверное, потому, что в этом соседстве яблони и елочки я увидела дружбу народов».

Тамара Афанасьева задумывается о смысле жизни:

«Сколько я себя помню,— росла возле нашей хаты старая вишня. Почти вся она уже засохла, лишь на одной ветке зеленеют буйные отростки и весной цветут цветы. Отец не раз собирался срубить ее и посадить молодую вишенку, но мать просила: «Не руби. Ее еще дед посадил». Отец привил почку от дедовой вишни к маленькому сеянцу, и рядом со старой вишней поднялась молодая... Она еще и сейчас живет — дедова вишня. Она дорога для всех нас. Наверное, дорого нам на нашей родной земле все, в чем человек оставляет сам себя».

Люба Самкова размышляет о глубоких корнях верности родной земле:

«Між ярами над ставами верби зеленіють». Эти строки Тараса Шевченко открыли передо мной красоту родного края. Я люблю нашу красивую, полнозвучную украинскую мову. Есть украинская притча: захотелось Кукушке петь по-соловьиному, полетела она к Соловью, долго-долго училась и, наконец, научилась. Возвратилась к кукушкам — братьям и сестрам и стала петь по-соловьиному. Но после каждой соловьиной трели сбивалась и произносила: «Ку-ку»... Слушали ее кукушки, слушали, конечно, поняли соловьиный язык, но очень удивились: «Почему ты с нами, кукушками, говоришь по-соловьиному? Ведь и мы кукушки и ты кукушка. Да и не умеешь ты хорошо петь по-соловьиному, все равно сбиваешься на ку-ку...» «Какая я вам кукушка! — рассердилась Кукушка.— Я соловей». Но, рассердившись, забыла, что надо говорить по-соловьиному, и заговорила по-кукушечьи: «Ку-ку»... Есть такие кукушки и среди нас. Окончит школу, поедет в город, поживет год и, приехав домой, забывает, что приехал к своим кукушкам,— пытается петь по-соловьиному, но получается плохо».

Вчитываясь в сочинения моих учеников, я с гордостью и восхищением вижу благородный сплав нежной любви к Родине и испепеляющей непримиримости к злу, ненависти к врагу.

Владимир Прохоров спрашивает себя:

«С чем можно сравнить чувство любви к Родине? Это самое сильное и самое благородное чувство. Меня потряс рассказ о подвиге Михаила Паникако, 19-летнего юноши. То было в тяжелые дни битвы за Сталинград. Михаил стоял в окопе на улице города. На него шел вражеский танк. Молодой воин поднял бутылку с зажигательной жидкостью, чтобы бросить в танк, но в это мгновение пуля разбила бутылку, и огнем охватило руку, грудь юноши. Тогда он взял еще одну бутылку, прыгнул из окопа и залез на вражеский танк. Юноша разбил о башню бутылку, и танк запылал.

Для меня Отчизна начинается с колыбельной песни матери. А вершина славы Отечества — подвиг Михаила Паникако и Александра Матросова. Если мне суждено умереть в битве за Родину, я хотел бы умереть так, как умерли они, герои, чтобы своей смертью звать товарищей в битву за Родину».

Василь Кравченко нашел свою тропинку в большой мир Отечества.

«Стоит за селом нашим высокий курган. В тяжкий летний день 1941 года, когда советские войска отступали к Днепру, здесь, на этом кургане, выкопал свой окоп пулеметчик. Несколько часов держал он под обстрелом дорогу. Фашисты послали против него танк, и лишь тогда, когда осколки вражеского снаряда разорвали грудь солдата, он перестал стрелять. Для меня это священный уголок советской земли. С того кургана и начинается для меня Родина».

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,— писал В. Г. Белинский,— чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем. Пристально всматриваясь в прошедшее, размышляя об исторических судьбах Отечества, юношество конца 60-х годов пытается осмыслить, постигнуть разумом и сердцем душу нашего народа.

«Что восхищает меня в нашем народе? — ставит перед собой вопрос Валя Фоминская и сама отвечает на него: — Его безграничная любовь к Родине. Я на всю жизнь запомнила рассказ ветерана войны о том, как один наш советский солдат контуженным попал в плен к фашистам. Увидел эсэсовец у молодого воина звездочку на пилотке. Приказал снять и бросить в грязь. Солдат снял звездочку и положил в карман гимнастерки — ближе к сердцу. Фашист повторил приказ. Солдат молчал. Когда фашист схватил его, чтобы вынуть из кармана звездочку, солдат сбил фашиста с ног и ударил ногой в голову. Гитлеровец лежал мертвый. За красную звездочку юноша пошел на виселицу. Я хочу быть такой же духовно сильной, как этот неизвестный герой, как Зоя Космодемьянская».

Мысль о начале всех начал — о славе труда — раскрывается в рассуждениях **Григория Омельяненко:**

«Я не был там, где начинается наш широкий и могучий Днепр. Но я видел на картинке и читал: маленький ручеек тихо журчит, бьет из-под земли чистая родниковая вода. Вот как начинается Днепр. По пути вливаются в него тысячи ручейков. Не было бы маленьких ручейков — не было бы и великана Днепра. Так и Родина. Ее величие и могущество — духовная сила «маленьких», «незаметных» людей. Они своими руками, своим разумом создают все то, чем богата наша страна, чем гордится наше Отечество. Живет у нас в селе дедушка Кузьма Константинович Гайчук. Нигде он уже не работает, пенсионер. Мало кто его знает в селе, потому что работал он в городе Кременчуге. Обыкновенный, скромный человек. Но он построил за свою жизнь сто домов. Много лет будут жить люди в домах, сооруженных руками Кузьмы Константиновича. Александр Довженко говорил: «История народов учит нас, что то государство величественно, в котором велик маленький человек». Родина — это труд людей. Без «маленького» человека нет ни славы, ни могущества. Без него нет ни вождей, ни полководцев».

Родина и труд — они неразрывны и в мыслях **Лены Шкурат:**

«Родина начинается для меня с трех пшеничных колосков. Мама принесла их с поля в первый день жатвы. Бережно связывала их и вешала над портретом дедушки. Так и останется в моей памяти на всю жизнь: три пшеничных колоска и улыбка матери».

А **Лиде Кириченко**, нашей поэтессе и певунье, сердце сказало вот что:

«Несколько лет назад я впервые увидела море. Оно поразило меня своей безграничностью, величием, красотой и — вечностью. Когда я слышу слово «Родина», передо мной предстает море. Родина вечна, как море. Уходят одни поколения и приходят другие, молодость становится зрелостью и старостью, а Родина вечно живет, впитывая в себя по капельке и по крупинке мужество, героизм, мудрость — от каждого поколения.

...Отечество, ты и без меня будешь счастливым, я же без тебя — никогда».

* * *

Мы живем в сложное и трудное время. В мире множество влияний и прикосновений, которые испытывает чуткое человеческое сердце. Говоря словами Ф. М. Достоевского, «дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Наша высокая миссия заключается не только в том, чтобы оградить сердце юного гражданина от хищного и лукавого, хитрого и лицемерного «дьявола», оградить это сердце от тлетворных идей аполитичности и космополитизма. Наша высокая цель не просто благополучный человек, а борец. И эту задачу решать нам, дорогие мои ровесники, отцы и матери! Пусть слово и дело наше станут поучительными для молодого поколения.

Никос Белояннис — член ЦК Греческой компартии, национальный герой Греции. Его вместе с женой Элли Иоанниду военный трибунал приговорил к смерти по ложному обвинению в шпионаже. 30 марта 1952 года Никос был расстрелян в афинском предместье Гуди у подножия горы Имиттос при свете автомобильных фар.

Элли Иоанниду 14 лет провела в тюрьме. После прихода к власти военной хунты она вновь была арестована и более года находилась в концлагере на Юре — острове смерти, а затем ее сослали на север Греции.

Элли ИОАННИДУ

НИКОС БЕЛОЯННИС

Отрывок из поэмы

Дождь.
Сквозь железную решетку
дождь
и ветер
проникают
в тюремную камеру.
Я поднимаю голову
к окну
и вижу клочок неба.
Вверху плывут
свинцовые облака.
Ветер врезается
в дождь.
Это твой день.

Имиттос поднимает над тюрьмой
свою вершину.
Из внешнего мира
только один он
шлет мне ночной привет.
Я отвечаю ему тем же.
Из-за его вершины
вижу мои звезды —
твои глаза,
смотрящие на меня
взглядом вечности.
Имиттос — твоя гора.
Сегодня Имиттос закрыт
облаками.
Из-за тюремной стены
видно только одно
небо.
Идет дождь.
В такие дни
ты говоришь со мной
дольше.
В эти дни
ты неразлучно со мной,
мой белый орел,
мой буревестник.
В такие дни
душа моя парит
вместе с твоей
на облаке,
извергающем молнии.
Моя душа
принадлежит тебе.

Солнце марта
четыре раза обошло землю.
Ликующее, сверкающее солнце
такое же, как то,
что светило нам,
когда мы встретились
во дворе тюрьмы,
в Каллитее.
Только на одно мгновенье.
Чтобы пожать руку,
чтобы улыбнуться
весне
и жизни,
что была перед нами
во дворе тюрьмы,
в Каллитее.

Как хотела бы я сейчас
пройти с тобой далеко, далеко
по зеленым полям.
Что делать?
Другие будут ходить
по полям
после нас.
Ты написал записку
и переслал мне в камеру.
Я читала ее в полумраке
и видела тебя,
освещенного солнцем.
Я и сейчас вижу
тебя улыбающимся,
олицетворение весны
и жизни,
как тогда
во дворе тюрьмы,
в Каллитее.
Ты сказал мне,
что было бы хорошо
умереть вместе.
Но было бы лучше,
чтобы ты жила.
Тогда и я буду жить.
Тогда мы всегда
будем вместе.
Мой белый орел,
улетевший без меня.
Прошло четыре года,
и ни разу
я не произнесла твое имя
без того,
чтобы острый нож
не вонзался в мое сердце.
Четыре года
бесконечными ночами
я ласкаю
твои белые крылья.
Четыре года
я учусь жить без тебя
во имя тебя.
. . . .
Ты, любимый,
знал,
что мы умрем вместе.
И ты, любимый мой,
просил меня,
чтобы я вернулась к живым.
В глазке тюремной двери
промелькнуло
твое лицо,
твой взгляд,
твои губы,
твоя улыбка,
твоя жизнь.
Моя жизнь
остановилась там,
среди ночи,
в которой никогда
не будет рассвета.
. . . .
Твои шаги удалились.
Мои шаги заглохли
в мрачной камере.
Последняя в твоей жизни
ночь
стала ночью
всей моей жизни.

Рисунок Вл. Добровольского.

Ты, любимый мой,
просил меня,
чтобы я вернулась к живым.
. . . .
Моя рука в твоей руке,
и я иду вперед.
С каждым шагом
кровоточат мои раны.
Любимый мой,
как все было просто,
когда мы ждали
смерть
в тюремных камерах Каллитеи.
Мы отсчитывали пройденные дни
когда ты смотрел на свои
часы,
как будто пришло время
идти тебе на работу.
Мы шагали по нашей
тесной камере
и видели широкие
просторы мира
для наших товарищей.
Мы смотрели на фотографию
нашего сына,
на его большие
светящиеся глаза
и дарили ему
нашу смерть.
Для того, чтобы
в тысячу раз стала
прекрасней его жизнь.
. . . .
Обнаженными ногами
я иду по огню.
Любимый мой,
те
не знали, что я
не могу сгореть.
Те
не знали, что после
нашей разлуки в ночи
нет уже муки
более страшной.
Они не знали,
что, когда я пришла
в себя,
жива была
только моя душа,
заключенная в твою душу.
Любимый мой!
Они
не знали, что остаются живыми
все те, кто пали
сраженные их пулями,
что погибшие живут,
как живешь ты,
как живу я.
Моя рука в твоей руке,
и я иду вперед.

Тюрьма Авероф,
Афины.
30 марта 1956 года.

Перевел с новогреческого
М. Сергеев.

И. ВЕРШИНИНА

Фото Е. Умнова, Ю. Бармина, В. Галушкина, А. Степанова.

Что ни день, все самое талантливое в стране, звезды мирового искусства, показывают свое творчество столице Советского Союза.

Мы ограничили наш репортаж событиями семи дней.

Семь дней недели, семь нот октавы. На клавиатуре месяца они повторяются еще и еще, все вместе составляя единую музыкальную сюиту. И все же каждый несет свое, единственное, неповторимое...

* * *

Мороз и солнце... Нет, это не Пушкин. Это артисты Красноярского танцевального ансамбля рассказывают о своей Сибири. В больших хореографических полотнах, поставленных художественным руководителем ансамбля М. Годенко, показывают ее характер, темперамент, обычаи, нрав, удаль (фото 1).

В Москве красноярцы давно акклиматизировались, еще в 1960 году они выступали в Кремлевском театре со своей первой программой. А когда ансамбль отмечал юбилей — пятилетие,— его пригласили на гастроли в Демократическую Республику Вьетнам. Правительство ДРВ наградило коллектив высокой наградой — орденом Труда I степени. А вскоре в Тунисе на Международном фестивале народного искусства сибиряки завоевали 1-е место и были удостоены золотой медали. Их шуточным и лирическим, игровым и свадебным, современным и старинным танцам аплодировали по всей нашей стране, рукоплескали зрители Монголии, Кореи, Югославии, Польши, Алжира, Сирии. Ну, и сейчас вновь москвичи...

* * *

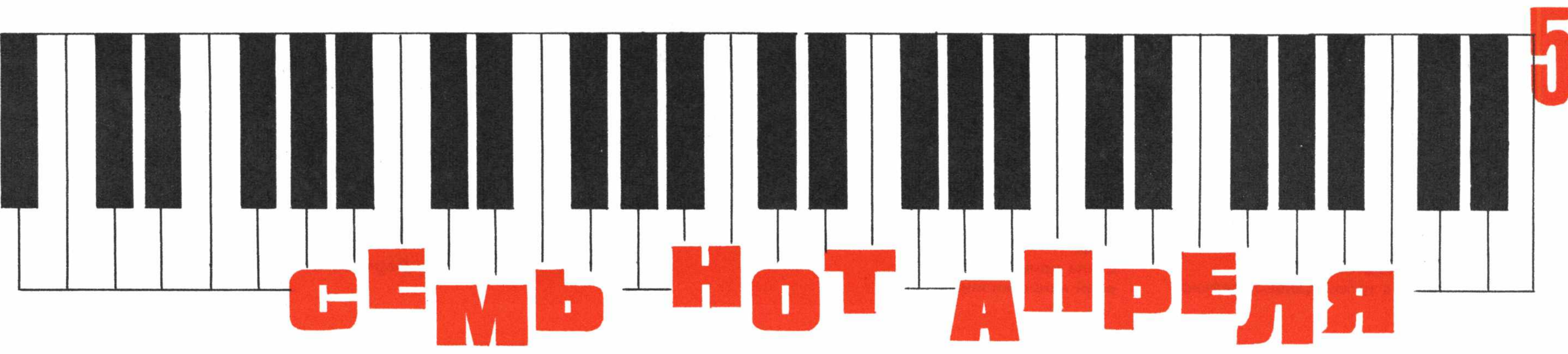
Репетиция Ноэля Росторна была назначена на 10 часов вечера. Я не была накануне на его концерте в Консерватории и с удовольствием приняла предложение встретиться на репетиции в Зале Чайковского. О Росторне я знала только, что он почти 15 лет главный органист Ливерпульского кафедрального собора, и, признаться, представляла себе почтенного седого старца... Навстречу мне поднялся молодой улыбающийся, спортивного вида человек с веселыми живыми глазами.

1

2

3

4

6

7

— Господин Росторн?!

Его отец был органистом. Очень любил свое искусство и всегда брал с собой сына.

С тех пор он себя помнит только нераздельно с этим инструментом. В детстве занятия с отцом, а с 14 лет уже серьезные уроки — вначале частные, потом Королевский музыкальный колледж в Манчестере.

— Потом Италия, Франция?

— Нет! В Италию я смог поехать совершенствоваться только в 1958 году. К тому времени я был уже главным органистом собора, но лишь премия, полученная на конкурсе, открыла мне эту возможность.

Нас зовут на сцену. Полумрак. Мерцают, как светлячки, запасные лампочки у выходов. Зал словно застыл в торжественном оцепенении; без зрителей он кажется незнакомым, холодным, чужим... Первые аккорды гулко разносятся в тишине; так и ждешь, что сейчас им отзовется эхо. Отсюда, со сцены, пустота зала особенно гнетет. Я говорю об этом Росторну, он улыбается.

— Пустота гнетет на концерте. Вам, советским слушателям, это не понятно. У вас всегда в концертных залах полно. В прошлый приезд меня это поразило. В Англии полный зал на органном вечере можно собрать только в Лондоне и больше нигде. То же положение во многих других странах. Органная музыка не популярна. А у вас — я был в Ленинграде, выступал в изумительном Домском соборе Риги, в Москве, уже вторично,— всегда полно. Самые разные слушатели. Много молодежи. И я чувствую, что бы ни играл — Баха, Листа, Франка, Петерса,— они знают эту музыку, понимают... С удовольствием ехал к вам и охотно приеду еще.

Он подошел к клавиатуре, взял аккорд, другой... В зале воцарилась музыка (фото 2).

* * *

Состоялось первое выступление Государственного симфонического оркестра Татарской АССР (фото 3).

Собственно, в жизни этого оркестра все впервые. А самое главное, что и симфонический оркестр создан в Татарии впервые.

Председатель правления Союза композиторов Татарии, он же секретарь Союза композиторов СССР, он же ректор Казанской консерватории — композитор Назиб Жиганов рассказывает мне:

— Наш город — консерваторский. Известные гастролеры постоянно приезжают, а своего симфонического оркестра не было. А главное — его отсутствие уже тормозило развитие симфонической музыки в республике.

За два года существования оркестра (его организовал и ныне руководит им замечательный музыкант, народный артист СССР Н. Рахлин) и молодые и старые композиторы стали усердно писать для него. И слушатель потянулся к серьезной музыке. А оркестр для ее пропаганды и к нефтяникам ездит, выступает в парке на открытой площадке, в клубах; и каждое воскресенье — утренники для детей.

Оркестранты наши молоды. В большинстве это выпускники Казанской консерватории.

* * *

Летом я была на концерте, который давали в Советском Союзе латиноамериканцы. Это был подлинный фестиваль искусства. Я вспомнила об этом фейерверке красок, звуков, об этом веселом музыкальном карнавале, когда слушала мексиканскую эстрадную певицу Марию Лоурдес (фото 4).

Не прошло и 15 минут, как рампа, разделяющая сцену и зрительный зал, исчезла. Темперамент певицы, искрометные мелодии, которые поет она и ее коллеги, зажигают зал; зрители вторят певице, скандируют, подпевают. А певица и дирижирует и танцует, словно вызывая на состязание всех вокруг.

* * *

Иван Семенович Козловский! Это имя десятилетиями благоговейно произносили любители вокала. И вот снова оно на афише. Творческий вечер. Конечно, он проходит в Большом театре, на той самой сцене, где с 1926 года пел замечательный артист (фото 5).

В программе «Борис Годунов» — Юродивый, роль, в которой можно было слушать и смотреть Козловского без конца, такой завершенности отделки, такой глубины трактовки он достиг. И Лоэнгрин. Впервые он спел его в Свердловске в 1925 году. Когда молодой певец вступил в труппу Большого театра, эту партию пел Собинов, вскоре ее стал исполнять и он. В спектакле пели Нежданова, Держинская, Петров, Савранский, Мигай... С тех пор Лоэнгрин не шел. Лишь в пятидесятых годах Козловский поставил его в концертном исполнении, но спектакль прошел всего несколько раз.

— В искусстве трагедия не все отдать,— говорит Иван Семенович.— Ведь наша творческая жизнь принадлежит современникам. И ведешь счет того, что не успел отдать советскому обществу.

Мы сидим в квартире Козловского на улице, что носит имя Неждановой. Половина большой комнаты заставлена цветами — эхо концерта.

— Вы знаете, как работали мои молодые партнеры над ролями,— продолжает Иван Семенович.— Ведь у нас было всего две оркестровых репетиции. Партии учили дома. И мы подготовили два действия за десять дней.

Иван Семенович говорит, волнуясь, о замыслах, об оперном искусстве, о поиске новых форм... Говорит горячо, страстно, озабоченно. И я жалею, что одна все это слышу, нет рядом молодых артистов, которые приняли бы эстафету большого, настоящего служения искусству. Наш разговор прерывает Настасья Семеновна, сестра певца: по телевизору показывают пленку, где Козловский поет на Цейлоне.

— Я недавно был там. Представьте мое удивление, когда во время концерта вдруг кто-то из зала по-русски просит меня исполнить романс «Я встретил вас», который я часто пою. Я думал, ктонибудь из посольства, а потом ко мне за кулисы пришел молодой человек. Оказалось, он бывший студент Университета Лумумбы и большой поклонник советского искусства.

* * *

А это уже не одна нота, не один день, это целый многозвучный аккорд — Неделя болгарской музыки для детей, что проходила в Москве. Сотни участников — и среди них наши старые знакомые, детский хор «Бодра смяна» (фото 6).

«Ваш хор должен стать первоклассным коллективом, достойным представлять организацию «Септемврийче» и всех болгарских детей», — пожелал им вскоре после основания в 1947 году Георгий Димитров. И хор это напутствие выполнил. В 1949 году он получил первую премию на всемирном молодежном фестивале в Будапеште, в 51-м году — в Берлине, в 53-м — в Бухаресте. И единственный среди болгарских художественных коллективов удостоился Димитровской премии I степени и ордена Красного Знамени Труда.

Мы слушали их в Колонном зале Дома союзов. Обыкновенные девчонки и мальчишки — шаловливые, озорные, веселые, а когда запели — Мастера, большие, талантливые Мастера. Художественный руководитель хора Бончо Бочев и его дочь Лиляна Бочева сумели добиться от детского хора совершенного по чистоте и музыкальности звучания. У ребят отлично поставленные голоса, богатые интонации, точное чувство ритма, музыкальное чутье... И огромный репертуар — свыше 100 песен, оратории, кантаты, сюиты. А группа хористов участвует в 13 спектаклях Софийского оперного театра.

Вот какие знаменитые наши маленькие гости!

* * *

Выбирать главное музыкальное событие субботы — задача невыполнимая. Утром, днем, вечером для детей, подростков и всех прочих возрастов в рабочих клубах, дворцах культуры и концертных залах звучит музыка, поют, танцуют звезды.

После длительной дискуссии мы выбрали творческий вечер Мариса Лиепы (фото 7). Балет Большого театра — эти слова не нуждаются в комментариях.

Скоро начало...

...Первомай. Весна. Обычная весна с многозвучными хороводами вернувшихся с юга птиц, с торжественным шумом машин на полях, с нежными цветами в руках у любимой... Но для многих наших соотечественников нынешняя весна необычна — первая на каком-то перегоне жизненного пути. У одного начинается трудовая жизнь, у другого — семейная, у молодого агронома — первая посевная, а кто-то ждет откликов на только что вышедшую первую книгу... Корреспонденты «Огонька» встретились с такими людьми и спросили их:

— Весна-красна, так говорят все. Скажите, чем именно красна она сегодня для вас?

Они сказали. И подтвердили нашу общую уверенность, что и будущие весны будут счастливыми, что солнца хватит на всех...

ИМЕННО ОНА

Торжественный «Свадебный марш» Мендельсона... Отныне Турсуной Парпиева становится Хаитовой, женой Таштемира Хаитова, своего однокашника из Ташкентского пединститута имени Низами. Такое уж это место, где мы встретились,— Дом бракосочетания.

Хаитовым не до корреспондентов. И все же удалось задать им несколько вопросов.

— Причиной того, что вы здесь оказались, конечно, не только весна?

— Нет, именно она! — весело возражают молодожены.— Весна-69 для нас решающая. Конечно, мы бы еще тянули со свадьбой, но скоро выпускные экзамены, защита диплома, распределение на работу.

— Не хочется покидать город?

— По-честному?..— Таштемир заговорщически смотрит на жену.— До регистрации мне страшно было даже об этом подумать...

— А теперь?

— Теперь по пословице: в гостях хорошо, а дома лучше. Я из Кашкадарьинской области, совхоз «Шахрисабз». О нашей Каршинской степи слышали? Это новые сотни тысяч тонн хлопка, хлеба, мяса, фруктов. Все! Скажи теперь ты, Турсуной.

— Турсуной тоже оттуда?

— Нет, я из Андижанской области, мой дом в колхозе «Ленинизм»,— отвечает она. И весело уточняет: — Был... Прошедшее время, мужской род... Понимаете, мы с Таштемиром — преподаватели языка и литературы, а Каршинской степи сейчас подавай не только ирригаторов, хлопководов, но и учителей. Быть ей такой же, как и наша Ферганская долина... Это уже будущее время, женский род... Не правда ли, Таштемир?

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото Н. Ключнева.

Молодожены — Турсуной и Таштемир Хаитовы. В центре — директор Дома бракосочетания А. П. Паратова.

ПАРЕНЬ РЕШИЛ ТВЕРДО

На крыше высокого дома по Большой Переяславской сидел парень и терпеливо подстерегал, когда ветер разгонит облака ночного неба и можно будет пустить в дело свою подзорную трубу, долгожданную, заветную...

Алексей Чеботарев, девятнадцатилетний слесарь сортопрокатного цеха завода «Серп и молот», долго ждал дня, когда можно будет войти в магазин и, со знанием дела перебрав десяток подзорных труб, уплатить в кассу.

— А что еще ты купил на свою первую получку? — спросил я.

Алексей поправил очки и смущенно ответил:

— Весна ведь... Купил матери красивый платок. Потом торт. Большой такой, шоколадный. А отцу—четыре гаванские сигары... Остальное отдал матери, на хозяйство.

...Первая получка. Это не только деньги, полученные за труд, это значит, что стал Алексей настоящим рабочим, что ему можно доверить ремонт нагревательных печей, от исправности которых зависит работа всего цеха.

Ну, а если что-то сразу и не получится у парня, то это не страшно: рядом его учитель и бригадир Владимир Солонин. Здесь же, у нагревательной печи стана-450, отец Алексея — старший сварщик Петр Тихонович Чеботарев. Это он приводил сына в цех, когда тот был еще школьником, он же убедил Алешу поддержать семейную традицию, начатую дедом, который пришел на завод еще до революции.

Алексей принял семейную эстафету, ни минуты не колеблясь. Астрономия, спорт, игра на трубе в духовом оркестре — это увлечения, с которыми он не расстается и по сию пору. Но парень решил твердо: главное — стать хорошим металлургом. Надо только добавить, что не просто металлургом, а инженером-металлургом: Алексей — студент Московского вечернего металлургического института.

Что ж, первую зарплату Алексей получил весной шестьдесят девятого, а если посмотреть, так сказать, в подзорную трубу, то совсем близко придвинется время, когда его можно будет поздравить и с первой зарплатой инженера-металлурга.

Б. СОПЕЛЬНЯК

ОТВЕЧАЮ ЗА ЗЕМЛЮ

У него на пиджаке новенький значок выпускника сельскохозяйственной академии. Всего несколько месяцев назад Анатолий Леневич на «отлично» защитил диплом и приехал агрономом в колхоз имени Карла Маркса, Пуховичского района, Минской области.

— Вот уж действительно весна-красна! Только так и могу я назвать нынешнюю весну. Впервые я, молодой агроном, отвечаю за землю, за ее способность воздать людям по их трудам. Впервые буду отвечать за посевную в колхозе, и от меня во многом зависит, золотой ли придет в нашу артель осень, богатый ли принесет урожай. Я, конечно, волнуюсь, но и радуюсь, потому что отвечать за землю — это замечательная должность человека.

Весна красна для меня еще и тем, что впервые так трудна: у агронома не бывает, пожалуй, трудней поры, но ведь всегда, когда работаешь всласть, с особым чувством встречаешь восход солнца, по-особому приветствуешь хорошее утро, с особым удовольствием провожаешь уходящий день, еще один день труда.

Эта весна красна и совершенно новым для меня восприятием чувства товарищества. Я всегда ценил его: и когда учился в школе и когда после десятилетки работал в колхозе. Ценил и в студенческие годы, но теперь, когда вижу, как помогают мне председатель колхоза Виктор Иванович Добрицкий, бригадиры, инженер, как волнуются за меня, за мой экзамен механизаторы, я по-особому воспринимаю чувство товарищества. Вот почему я и говорю еще раз, что отвечать за землю — замечательная должность. В полной мере я впервые почувствовал это именно нынешней весной.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»
Фото А. Мызникова.

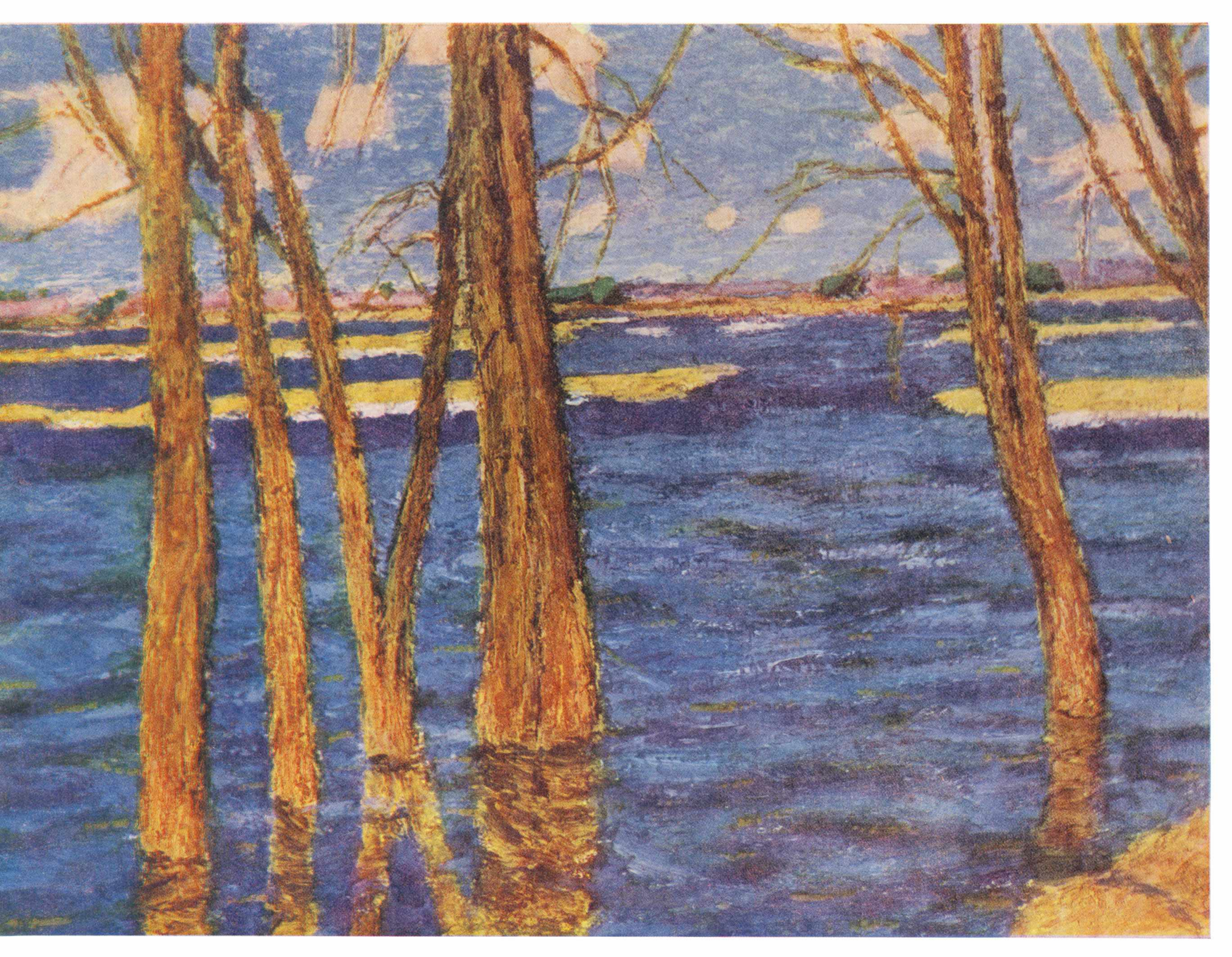
Г. Бельцов (Одесса). ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ.

Л. Народицкий (Москва). ЦВЕТУТ МАКИ.

А. Лысенко (Москва). В ЭТОМ НАША СИЛА.

В. Юкин (Владимир). РАЗЛИВ.

БОЛЬШОЙ РУБЕЖ

В работе Игорь Кочетков не тороплив, но и не медлителен. Детали обрабатывает так точно, что глаз контролера вовсе не обязателен.

Сегодня Игорь в цех пришел за двадцать минут до начала смены. Быстро переоделся — и к токарной карусели. На ней закреплена крышка маслоохладителя — последнего к Асуанскому гидрогенератору. К концу дня ее надо обработать.

С утра к станку Игоря подошел секретарь партийной организации цеха слесарь Григорий Петрович Селиванов, поздоровался, глянул одобряюще: «Волнуешься?— И, не ожидая ответа, сказал: — По себе знаю. В такой день невозможно не волноваться».

В обед к Игорю подошел на минутку слесарь Анатолий Петрович Коньков. До призыва Игоря в армию они работали в одном пролете, а сейчас за Московской заставой в дружинниках ходят.

— На партком вместе пойдем,— сказал он Кочеткову.— Мне тоже положено быть там.

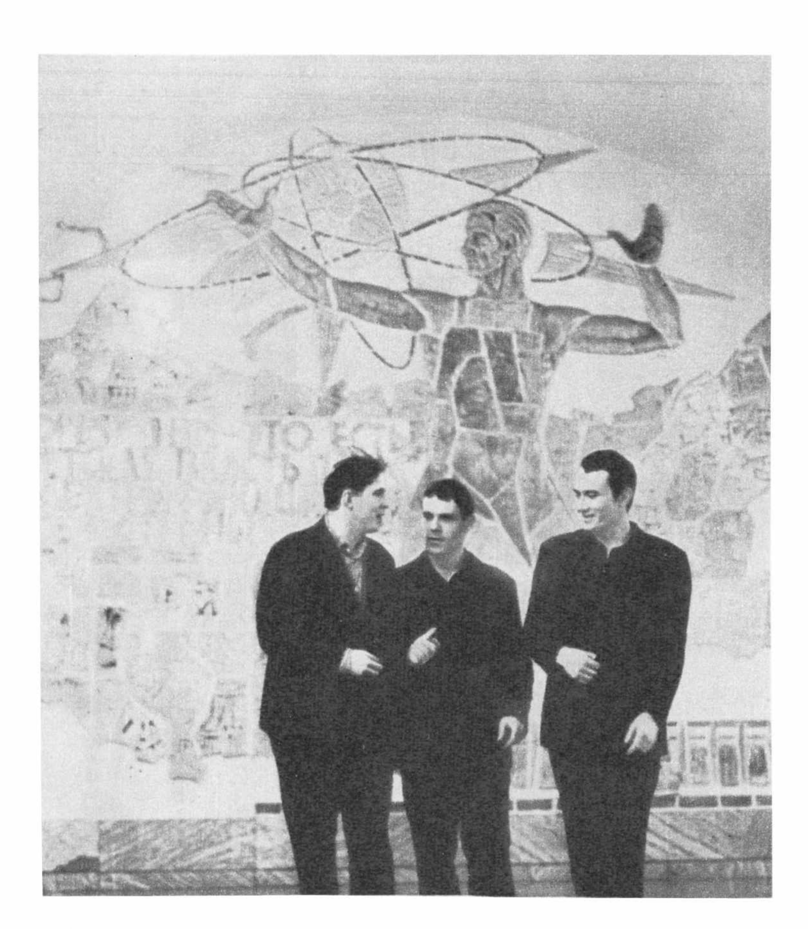
Коньков и Селиванов давно знают Игоря. Потому и дали ему рекомендацию в партию.

Он пришел в цех, окончив техническое училище. Это было в шестьдесят первом. Тут же в цехе приняли его в комсомол, отсюда проводили на военную службу. Отслужив, Кочетков снова вернулся в цех. Все заметили: возмужал парень. Подал заявление в вечернюю школу. Решил кончить одиннадцатый класс, чтобы с нового года поступить в заводской техникум. И в общественные дела окунулся с головой, сразу, без оглядки. Ребята избрали его заместителем комсорга цеха... И вот сегодня большой день, большой рубеж. Сегодня его принимают в партию.

На парткоме Игорь Кочетков был не один: двадцать семь передовых рабочих «Электросилы» решили связать свою жизнь с партией.

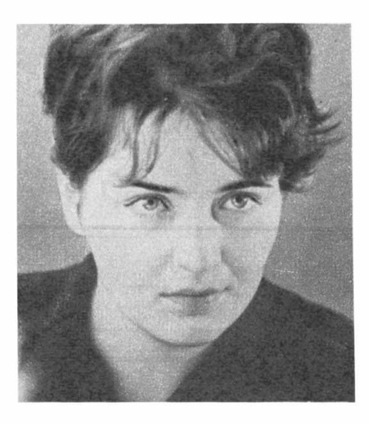
Когда мы спрашиваем Игоря о том заседании парткома, он говорит: «Знаете, волновался так, пожалуй, впервые...» На всю жизнь запомнилось, как члены парткома подняли руки, выражая свое согласие принять в ленинскую партию его, Игоря Кочеткова...

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

Их приняли в партию, этих ребят с «Электросилы»: токаря И. Кочеткова, слесарей А. Осокина и А. Столбушинского.

Фото В. Герасичева.

Светлана Иовенко.
Фото Н. Козловского.

СОКРОВЕННОЕ — ЛЮДЯМ

Если человек совсем недавно получил университетский диплом, стал аспирантом, если в свои двадцать с небольшим лет он занимается любимым делом,— казалось бы, зачем же спрашивать его о весеннем настроении, брать у него интервью по поводу каких-то других важных событий в его жизни? А почему бы и нет? Ведь именно сейчас, в цветении весны, пришли к Светлане Иовенко новые радости.

Радость первая. Не так давно она побывала в Москве на Всесоюзном совещании молодых писателей. В числе 250 пригласили и ее, молодую киевскую поэтессу. Сколько было интересных знакомств, бесед с признанными мастерами советской литературы!

И другая радость.

— Нынешней весной выходит в свет моя первая книга, сборник стихов «Голубое пламя»,— рассказывает мне Светлана Иовенко.— В сборник вошли разные вещи. Мне дорог цикл «Стихи из Весны». Красавица весна, люди и природа... Еще есть цикл — «Жанна д'Арк». Гражданские мотивы, мне кажется, неотделимы от творчества вообще, тем более в наше время. Включена в книгу и большая поэма «Ниобея». Образ Ниобеи давно волнует меня: женщина, потерявшая детей, превратилась в скалу, льющую поток слез... Мне хотелось подумать вслух о жизни женщин во всем мире. Ведь в разных точках планеты весны еще неодинаковые: приносят они не только счастье, но и горе и слезы. И в наши дни приходится жертвовать собой ради лучшей доли. Так пожертвовала жизнью Ливия Гувернор, молодая коммунистка из Венесуэлы. Ей я посвятила стихотворение «Голос».

Каждому радостно взять в руки собственную, тем более первую книгу, пахнущую свежей типографской краской. Пусть она скажет людям, о чем я думаю, чему радуюсь, чем тревожусь! Я получила возможность поделиться с людьми сокровенным, выношенным...

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

РАЗНОЦВЕТНЫЙ СВЕТ СЦЕНЫ

Главный режиссер Ракверeского театра Рейн Ольмару.
Фото В. Сальмре.

В Таллине весна не простая, а театральная: традиционная эстонская Театральная Весна. Девять профессиональных и двенадцать народных театров, прихватив громоздкий свой реквизит, отправились в поездки: столичные театры двинулись в районы и колхозы, а районные выступили на сценах столицы республики и в заводских цехах.

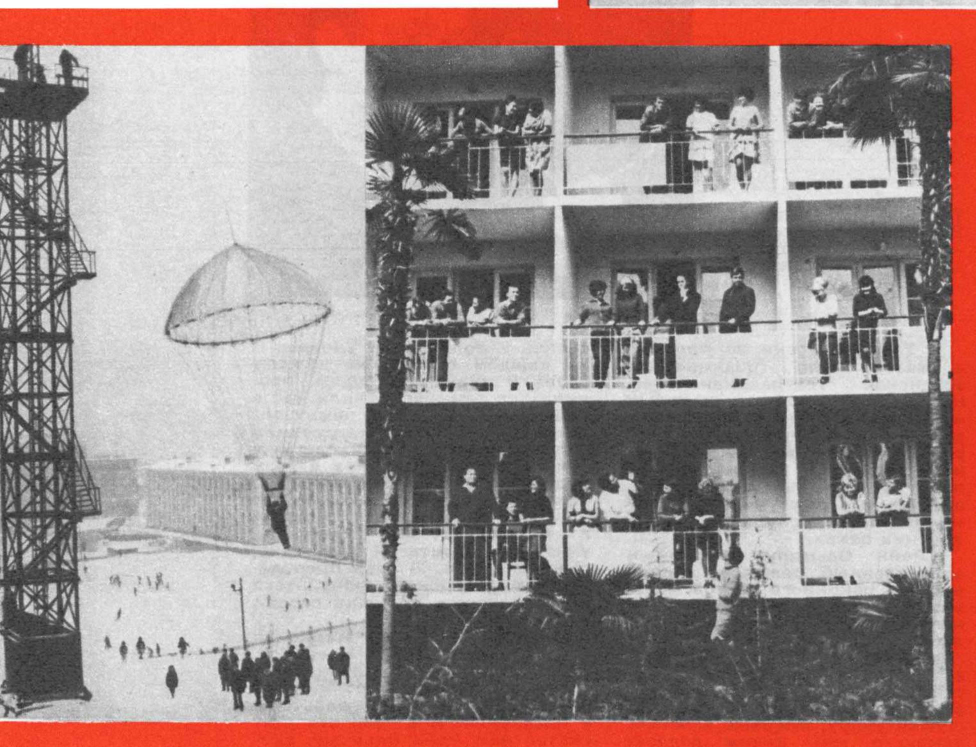
...Рейн Ольмару, главный и единственный режиссер Раквереского районного театра, говорит, что нынешняя весна для него самая главная, первая, незабываемая.

— Впервые в жизни участвую в Театральной Весне в качестве главного режиссера. Впервые в жизни чувствую рождающуюся удачу. Впервые в жизни думаю о том, каким должно быть лицо театра, потому что теперь в какой-то мере оно зависит и от меня. Впервые в жизни планирую занятия актерским мастерством. Ведь у нас в труппе почти одна молодежь. Надо многому учиться. Может быть, в ближайшее время возьмем какую-нибудь пьесу не для сцены, а только для учения. И на каждом образе, на каждом слове и движении будем проникаться тем, чему учили нас в ГИТИСе и без чего немыслим современный театр,— умением перевоплощаться психологически. И обязательно раз в году будут у нас такие дни, когда мы повесим на дверях объявление и уедем в Ленинград, Москву, в театры, чтобы смотреть, учиться, спорить. И еще одно, тоже впервые. Я стал преподавателем актерского факультета консерватории, где еще совсем недавно учился.

Вот такая она, эстонская Театральная Весна. Наверное, все население республики смогло побывать в театре, потому что театр сам сумел побывать у населения. И о том, что рассказал нам Рейн Ольмару, могли бы рассказать по меньшей мере еще тридцать человек, потому что в этом году много молодежи впервые в жизни шагнуло в разноцветный свет сцены всех девяти профессиональных эстонских театров.

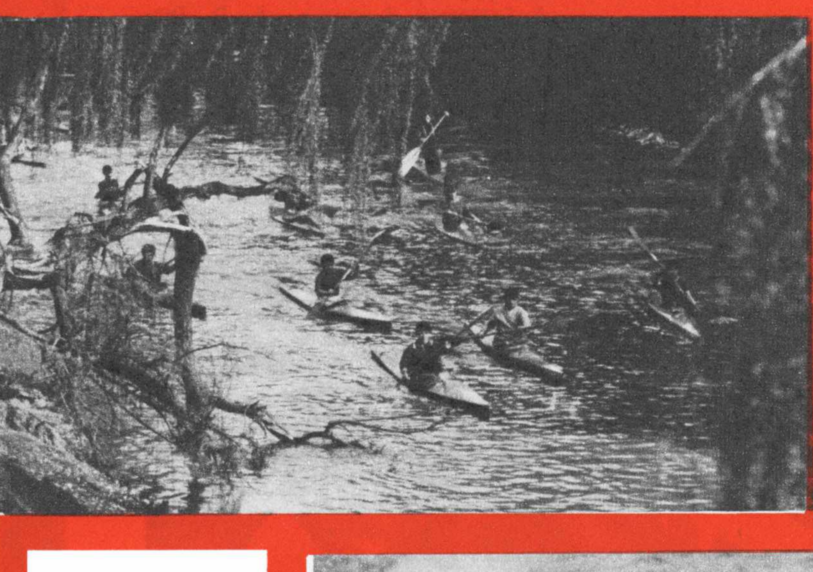
Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Эти фотографии наш специальный корреспондент Лев Бородулин сделал в апреле на берегах двух морей — Баренцева и Черного, на Кольском полуострове и на Черноморском побережье Кавказа.

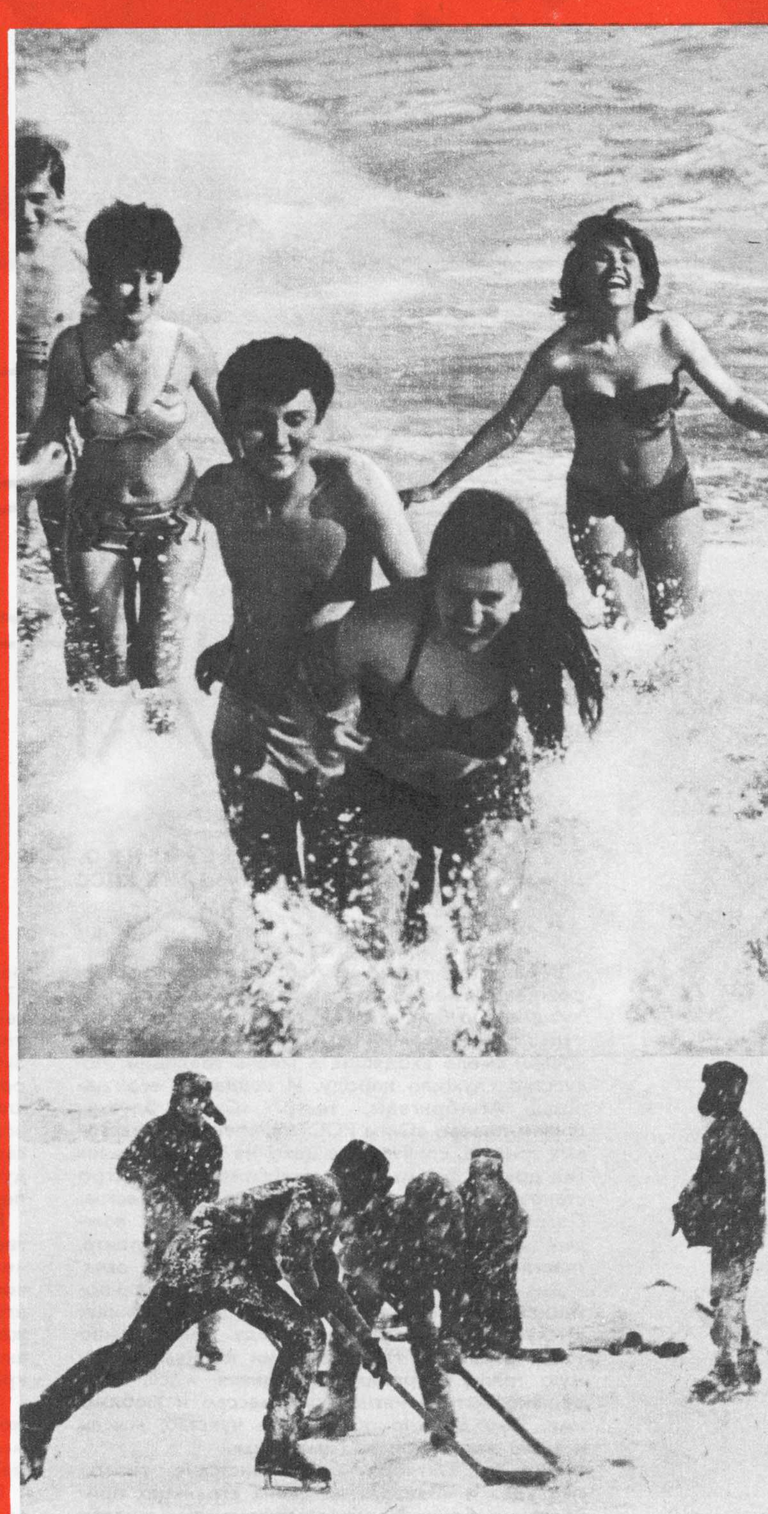

КОНТРАСТЫ ВЕСНЫ

Двадцать лет тому назад артисты Малого театра пришли в гости к рабочим завода «Серп и молот». Мы видим их на давнем снимке, сделанном фотокорреспондентом «Огонька» А. Гостевым. В центре — Е. Д. Турчанинова.

А это сегодняшние дни... Артисты МХАТ В. Станицын и Г. Калиновская знакомятся с производством деталей в одном из цехов «Красного пролетария».

Фото Г. Корабельникова.

ВТОРОЙ ДОМ АРТИСТА...

Ю. ВЕРЧЕНКО,
заведующий отделом культуры МГК КПСС

В раскатах грома Октябрьской революции рождалось новое, пролетарское искусство. Все лучшее оно брало из мировой и русской культуры. Оно давало новых, невиданных героев, новые, смело входящие в жизнь традиции. Искусство служило народу. И создавал его народ... Агитбригады, театр «Синей блузы», фильм-плакат, «Окна РОСТА», спектакли массовых зрелищ, спектакли в цехе, на заводе и многие другие формы были открытием, но быстро становились законом, условием творчества. Потому что каждый художник, как и каждый рабочий, чувствовал себя бойцом фронта, участником борьбы на передовой линии огня.

Девизом нового искусства, его ключевой позицией стали слова Владимира Ильича Ленина: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их».

Еще до Октября большевистские газеты «Правда» и «Звезда» на своих страницах призывали рабочих России устанавливать дружбу с театрами — дружбу, нужную для обеих сторон, обоюдно полезную. Газета «За правду» 17 ноября 1913 года в статье «Современный театр и рабочий» писала: «Рабочий, идущий в театр,— свой — выберет его не для того, чтобы часами предаваться созерцательному настроению, но чтобы взять из пьесы ряд освежающих мыслей, чтобы получить от подлинного искусства актера моменты высокого подъема и своей, физически утомленной, но жаждущей душе сообщить чистоту и яркость глубоких переживаний».

Нынче для рабочих, советских людей все театры стали **своими**. Но и сегодня рабочий человек идет в **свой** театр за чистотой и яркостью переживаний—глубоких, поднимающих его душу, дающих ему высокий настрой. В то же время сами театры, творческие коллективы не остаются равнодушными к своему прекрасному зрителю — рабочему человеку.

Замечательное, взаимообогащающее содружество деятелей искусства и тружеников промышленных предприятий городов и сел — явление, для нашей советской жизни не новое.

В Москве такое содружество тоже существует давно. Было бы просто неправильно сказать, что оно родилось лишь после того, как МХАТ СССР имени Горького и Театр имени Моссовета, с одной стороны, и заводы «Красный пролетарий» и 1-й ГПЗ — с другой, обратились с призывом: укрепить отношения людей труда и людей искусства, превратить их в подлинно творческий, живой союз.

Уже десять лет дружат между собою, например, два московских коллектива: Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе и артисты Академического музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Эта дружба дает много хорошего каждому коллективу, помогает и в труде и в духовной жизни. У актеров есть давние друзья на заводе. Горячие театралы — фрезеровщик А. Александров и шлифовщик И. Милехин — не пропускают ни одной премьеры своих друзей — артистов. Мастер электромонтажного цеха В. Солдатов — один из старейших участников заводского драмколлектива — завсегдатай в театре.

Почти сорок лет назад один из старейших коллективов Москвы — Академический Малый театр и металлургический завод «Серп и молот» впервые заключили договор о социалистическом содружестве. Прославленные кори-

феи театра А. Яблочкина, В. Рыжова, Е. Турчанинова, В. Пашенная, А. Остужев были частыми гостями металлургов, выступали на вечерах. В обеденные перерывы устраивались в цехах творческие отчеты и концерты. Рабочие приходили в театр на просмотры новых спектаклей.

Актеры и режиссеры Малого театра активно помогали самодеятельности. Характерно, что драматическая студия Дворца культуры завода «Серп и молот», созданная в свое время М. Нароковым и Н. Волконским, выросла в дальнейшем в народный театр. Лучшие спектакли этого коллектива — «Бедность не порок», «Иркутская история» — были показаны на сцене филиала Малого театра.

Директор театра А. Солодовников, артисты М. Жаров и В. Обухова считают, что подобное содружество сплачивает коллективы, различные лишь по роду деятельности. По сути дела, это коллективы **равные** по своему идейному и культурному уровню.

— Общаясь с рабочими, инженерами, техниками,— говорят деятели театра,— мы давно уже не можем рассматривать их только как «потребителей» искусства. Поэтому подписанный нами договор будет в одинаковой степени обогащать друг друга. Мы сами можем и должны теперь многому учиться на заводе. В первую очередь культуре труда, умению организовать творческий процесс с такой же целеустремленностью, с какой осуществляется процесс производственный. И если добавить, что завод обязуется помогать Малому театру в глубоком и разностороннем изучении жизни своего коллектива, принимать активное участие в обсуждении новых спектаклей, давать театру необходимые консультации, становится очевидной реальная польза, получаемая театром от такого содружества...

Хотелось бы немного рассказать о дружбе вахтанговцев и завода «Динамо». Секретарь парткома завода «Динамо» Э. Иванов рассказывает, что, сколько бы ни встречались ребята из бригады Анатолия Ладнюка с заслуженным артистом РСФСР В. Лановым, никогда не наговорятся! Рабочие считают артиста В. Ланового своим коллегой: он является почетным членом бригады токарей. Да и не только он. Народный артист республики, лауреат Ленинской премии Михаил Ульянов — почетный член бригады токарей-карусельщиков Бориса Козина. А народная артистка РСФСР Юлия Борисова — свой человек в коллективе Н. Сериковой. И это не символическая дружба. Пожалуй, ни одно сколько-нибудь значительное событие в жизни артиста или рабочего не проходит без обоюдного участия. Актеры — члены бригад бывают на предприятии, когда заводские их товарищи отчитываются о своих трудовых делах. В свою очередь, и рабочие завода «Динамо» не пропускают ни одного нового спектакля вахтанговцев, ни одного творческого вечера.

Народный артист СССР Николай Гриценко тесно связан с бригадой Марии Спириной; это одна из лучших штамповщиц завода, руководитель бригады коммунистического труда. Подруги Марии Спириной — работницы Н. Медведева, Т. Палагина, В. Телятникова, В. Орлова — раньше не очень увлекались театром. По правде сказать, редко случалось им бывать на спектаклях. Настоящая творческая дружба с Н. Гриценко, которого они приняли в свой трудовой коллектив, сделала их большими любительницами театрального искусства. Не раз обсуждали они всей бригадой новые работы актера, а он, в свою очередь, часто советовался с ними перед тем, как сыграть ту или иную роль...

Когда бригада, почетным членом которой является Михаил Ульянов, начала отставать с планом, артист приехал на завод.

— О чем уж они там говорили, не знаю,— сказал Э. Иванов.— Но только после этой беседы ребята подтянулись и вышли в число передовых. Сейчас они стоят во главе соревнования за досрочное выполнение пятилетки.

Хорошо выразил мнение всех артистов В. Лановой, когда заметил, что теперь завод стал для них вторым домом.

— Здесь,— говорил он,— мы учимся узнавать людей. Открываем для себя тайники рабочего характера. И, поверьте, когда мне придется сыграть нашего современника на сцене или в кино, мне будет что сказать зрителю!

Недавно представители Театра имени Вахтангова и завода «Динамо» совершили путешествие в Волгоградскую область. Здесь находится их подшефный совхоз «Динамо». В совхозе состоялся отчет и были заключены новые обязательства трех коллективов, объединенных творческим содружеством...

Чудесные примеры такого рода можно умножать и дальше.

Содружество искусства и труда получило особый размах после того, как были обнародованы взаимные обязательства артистов Художественного театра и завода «Красный пролетарий», а также Театра имени Моссовета и Первого государственного подшипникового завода.

Самое движение это приобретает сегодня новые качества в связи с предстоящим 100-летием со дня рождения В. И. Ленина.

Включаясь во всенародное движение, работники и театров и заводов взаимно обязуются отметить великий ленинский юбилей новыми достижениями в строительстве коммунизма.

Рабочий класс и техническая интеллигенция Москвы берут на себя обязательство досрочно выполнить задания пятилетки к 7 ноября 1970 года. Театры же включают в свои обязательства такие пункты, как создание новых высокохудожественных и высокоидейных произведений, посвященных нашей современности.

Наряду с этими главными пунктами каждое предприятие и театр возлагают на себя обязанность **помогать друг другу.** Помогать делом и советом!.. Не будет преувеличением сказать, что в этих взаимных обязательствах проявляется высокая мера сознательности, рост духовной культуры народа.

Вот отчего так дружно откликнулись на инициативу — крепить содружество людей искусства и промышленности — теперь уже многие творческие коллективы. Подписан договор о социалистическом содружестве работников Малого театра и завода «Серп и молот». Еще раз рассмотрели и пополнили прежний договор новыми пунктами вахтанговцы и динамовцы. Первый договор о тесном содружестве связал коллективы Центрального детского театра и Тормозного завода...

Театр имени Маяковского и коллектив депо Москва-Сортировочная подключили к своему содружеству Государственный симфонический оркестр. Двусторонний договор превратился в договор трехсторонний!.. А теперь имеются в Москве даже и многосторонние договоры; об этом, в частности, говорит работа театра «Современник», где за «круглым столом», посвященным установлению такого многостороннего содружества, собрались представители Московского завода электровакуумных приборов, 2-го часового завода, кондитерской фабрики «Большевик» и еще ряда предприятий. Выступая среди участников этого «круглого стола», главный режиссер театра «Современник» О. Ефремов выразил уверенность, что общение с передовыми представителями рабочего класса поможет театру в создании высокоидейных произведений.

Кстати сказать, мысль эта красной нитью проходит во всех выступлениях руководителей театров, заключающих договоры о содружестве с предприятиями. Но они же справедливо подчеркивают, что успех во многом будет зависеть от той литературной «продукции», которую им предложат драматурги.

Без драматургии невозможно создание высокоидейных и высокохудожественных произведений на сцене. Это понимают все!.. Так возникло обращение к столичным драматургам коллективов МХАТ СССР имени Горького и «Красного пролетария». Они призвали москвичей-писателей обратить внимание на недостаточное количество пьес, посвященных важнейшей теме современности. В частности, таких пьес, где должное место занял бы именно образ нынешнего советского рабочего — человека, не только создающего все материальные ценности, но имеющего богатый, интересный духовный мир.

За последнее время можно по пальцам пересчитать пьесы, героями которых были бы рабочие люди... Забываются славные традиции советской литературы и драматургии 30-х годов, когда театры в тесном общении с авторами создавали значительные спектакли, показывающие глубочайшие изменения, происшедшие после Октября в облике советского рабочего,— его творческое отношение к труду, любовь к Родине... Как раз об этом и напоминает литераторам письмо МХАТ и «Красного пролетария». И мы убеждены, что по-деловому, по-партийному отнесутся к этому призыву столичные драматурги! Хочется верить, что они создадут пьесы о подлинных, а не мнимых героях наших дней...

Инициатива зачинателей содружества людей труда и людей искусства находит свое продолжение в смежных областях. Отвечая делом на решения партии, коллективы Театра имени Моссовета и 1-го ГПЗ призвали театры и предприятия столицы организовать шефскую работу. Взять под свое творческое наблюдение коллективы художественной самодеятельности, учреждения культуры Московской области. Оба столичных коллектива будут шефствовать над совхозом «Красная пойма», Луховицкого района... Оба коллектива тоже просят драматургов Москвы создавать новые произведения о людях современной деревни. Театр Моссовета берет обязательство поставить эти пьесы.

Художники столицы подписали договор о социалистическом содружестве с заводом «Калибр» — одним из передовых производственных коллективов столицы.

Как видим, начатое дело теперь уже затрагивает различные сферы культурной жизни. Сейчас договоры о социалистическом содружестве заключают кинематографисты. Принято решение Союза кинематографистов СССР, рекомендующее киностудиям страны наладить подлинно творческую, регулярную связь с предприятиями родных городов.

Коллектив чтецов Московской государственной филармонии установил творческие связи с самодеятельным театром чтеца и драматическим коллективом Дворца культуры автозавода имени Лихачева. В ближайшие дни на автозаводе имени Лихачева состоится 650-я по счету «литературная среда». На этих «средах», устраиваемых чтецами Московской филармонии, исполняются произведения отечественной и зарубежной литературы, воспитывающие у слушателей любовь к литературе, понимание высокого смысла образов искусства.

Сейчас, после заключения договора о содружестве с филармонией, эта работа на заводе значительно расширится. Намного больше станет выступлений непосредственно в цехах, укрепятся связи опытных чтецов с участниками самодеятельности ЗИЛа. Артисты помогут им в выборе и подготовке репертуара, будут заниматься с одаренными исполнителями. А их в студии много! Кто знает, может быть, там уже сейчас занимаются будущие Кочаряны!.. Студийцы же примут самое непосредственное участие в обсуждении новых литературных программ Московской филармонии...

Постоянно ширясь и умножаясь, нужное и важное движение вызывает к жизни в нашем городе все новые и новые формы содружества искусства и труда.

Договоры о социалистическом содружестве чрезвычайно интересны и многообещающи. Пожалуй, нет нужды дальше доказывать их плодотворность. Зато наверняка стоит подумать о некоторых деловых предложениях. Ряд творческих организаций считает необходимым, например, организовать при театрах **советы зрителей,** где обязательно участвовали бы рабочие — представители московских предприятий. Советы эти вместе с руководством театра участвовали бы в чтении и обсуждении пьес; даже, если хотите, в известной степени и в решении вопросов о постановке новой пьесы. Они же просматривали бы и генеральные репетиции.

Несколько лет назад в московских театрах значительно чаще, чем теперь, практиковались зрительские конференции. Без сомнения, это была очень полезная форма общения. Конференции серьезно обогащают театры. Не надо ли их возродить?

При творческих союзах писателей, кинематографистов существуют бюро пропаганды. А может быть, следует создать и бюро пропаганды театрального искусства? Оно взяло бы на себя серьезную и планомерную организацию лекций, бесед, встреч...

Начавшееся движение укрепит живые связи искусства и производства, принесет им огромную пользу. Именно потому Бюро МГК КПСС призвало все партийные организации возглавить это движение. Оно поможет встретить новыми достижениями всенародный праздник — день рождения Владимира Ильича Ленина.

М. ЛЕБЕДЕНКО

Фото Ю. Туманова.

Удар! Молнии сверкнули в атмосфере неона. 200 тысяч вольт породили оранжево-красные взрывы. Щелчок... тихое жужжание двух кинокамер... тишина.

Все то, что сейчас зарегистрировали приборы, произошло **мгновенно.** Причем слово это не способно даже отдаленно передать, сколь мал был отрезок времени, пока длилось пойманное аппаратурой ядерное превращение. Для того, чтобы оно свершилось, огромный синхрофазотрон, ускоряющий протоны до энергии 10 миллиардов электрон-вольт, исполин, весящий около сорока тысяч тонн, должен был непрерывно работать целую неделю. Но к тому, что сейчас произошло, лучшие лаборатории мира стремились шесть лет...

Успех пришел в Дубне. Это заслуженная награда группе энтузиастов, работающих в Лаборатории высоких энергий Объединенного института ядерных исследований. Это большая победа молодого руководителя экспериментов Марлена Нарибеевича Хачатуряна, его товарищей — специалистов Советского Союза, Демократической Республики Вьетнам, Польши и Чехословакии. Чтобы больше не томить читателя, заметим, что речь пойдет об одном из интересных открытий, позволяющем отныне говорить, как о факте, о ядерных свойствах света.

Ядерные свойства света. Еще совсем недавно это сочетание слов могло показаться столь же бессмысленным, как, скажем, ледяные свойства огня или сахаристость поваренной соли. Но теперь, когда в Дубне открыто взаимное превращение друг в друга ядерных частиц и фотонов, ситуация резко изменилась. Пройдет совсем немного времени, появятся новые параграфы в новых учебниках — и студенты всех университетов мира будут изучать новое явление, родина которого — дубнинский синхрофазотрон.

Явление, об открытии которого сейчас идет речь, совсем особого класса: зарегистрировано не просто превращение фотона в ядерные частицы, а экспериментально доказано, что фотон сам существует в виде ядерной частицы (хотя и очень малую долю времени).

Открытие это столь же поразительно, как появление одного и того же существа в гоголевском «Вие» — то в виде прекрасной панночки, то в виде страшной ведьмы. Прекрасная панночка — это электромагнитное поле, для которого существует великолепная теория Максвелла — Дирака, позволяющая рассчитывать с поразительной точностью как явления космических масштабов, так и явления микромира. Страшная ведьма — это сильновзаимодействующие частицы, для которых физики не могут подыскать подходящих уравнений уже более тридцати лет.

Причем, согласно предсказаниям теоретиков, фотон должен появляться в обличье разных ядерных частиц. Эти недавно открытые частицы называются векторными мезонами.

Превращение в страшную ведьму хотя бы и на короткое время не могло не сказаться на репутации прекрасной панночки: сейчас можно точно указать предел применимости существующей теории электромагнетизма, за которым эта теория утрачивает свое очарование.

Итак, теоретики рассчитали путь, которым можно экспериментально проверить их предсказания. Но легко сказать — «проверить».

В США, странах Западной Европы ученые работали над этой проблемой уже два года, когда М. Н. Хачатурян впервые предложил свою идею. Прежде всего понадобились большие усилия, чтобы доказать саму осуществимость этого предложения. Во-вторых, надо было создать совершенно новую аппаратуру — умную, точную. Такой классический инструмент, как прославленная пузырьковая камера, совершенно не годился. Примененная американскими физиками, она дала точность в десятые доли процента. А для этого эксперимента нужна была точность в тысячу раз более высокая.

При всех своих достоинствах пузырьковая камера лишена очень важного качества — логики. Она регистрирует все события. А их нужно еще и подразделить. Из сотен тысяч ядерных всплесков аппаратура должна отбирать только нужные и не реагировать на остальные. Она должна быть очень чувствительной, быстродействующей, надежной. Все это может сделать только электроника, но не одна, а в содружестве с оптикой, кибернетикой, электротехникой, механикой, химией, техникой жидких газов, сверхнизких температур...

Так родилась идея оригинальной установки — той самой, что сегодня приводит в восхищение специалистов. В авторском свидетельстве на изобретение указаны имена Марлена Хачатуряна, Мирзаджана Азимова и Валерия Пантуева. Но авторы изобретения считают, что не смогли бы выполнить своей задачи без постоянной поддержки профессоров А. М. Балдина и И. В. Чувило, без чародеев фильмовых искровых камер братьев Александра и Валентина Матюшиных, электронщика Бориса Зеленова, физика Михаила Хвастунова, чехословацких ученых Яна Гладкого и Иозефа Манца, поляка Рышарда Фирковского и многих других товарищей. Большой вклад внес Моллий Штарков из Физического института имени П. Н. Лебедева в Москве.

Предстояло измерить массу частиц, живущих меньше чем одну миллиардную часть от одной миллиардной доли секунды.

Эта задача казалась невыполнимой. Если измерять классическими методами!.. А что, если прибегнуть к прямому определению массы частицы по продуктам ее распада?

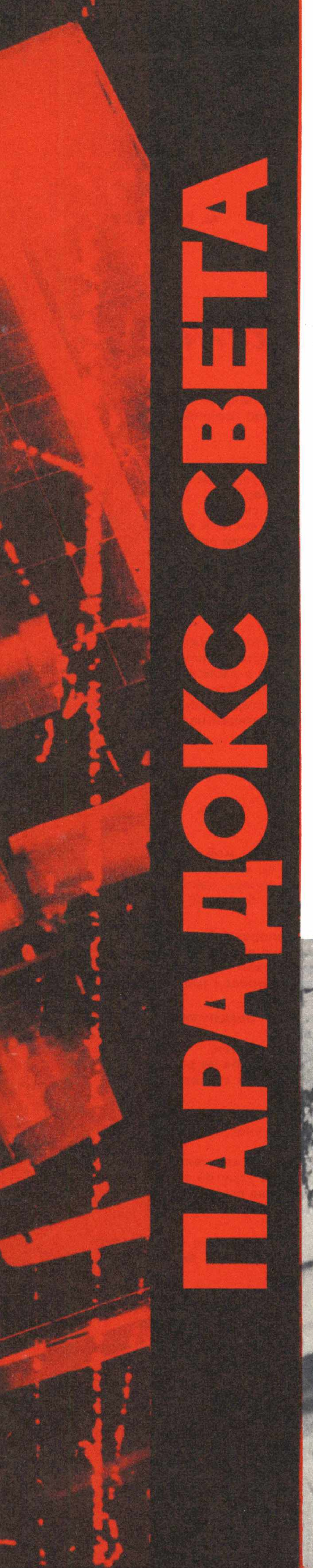
Это была счастливая мысль. Если измерить энергию дочерних частиц и углы их разлета, то, зная законы генерации этих частиц, можно безошибочно рассчитать массу материнской частицы. Результат будет так же бесспорен, как расчеты солнечных затмений, основанные на знании небесной механики.

...Несколько бесед в лабораторных коридорах (чтобы не мешать товарищам), несколько прогулок по волжской набережной, два-три семинара. И вот уже образовалось ядро новой экспериментальной группы. В него вошли те, кто заболел новой идеей, поверил в нее, загорелся желанием участвовать в еще одном броске вперед.

Постепенно выкристаллизовывалась схема новой установки. В комбинации с хитроумнейшими электронными схемами, в установ-

ОТКРЫТИЕ В ДУБНЕ • УСПЕХ МЕЖДУН

ке работали группы искровых камер. (Именно в них кинокамера регистрирует маленькие молнии, о которых рассказано в самом начале этой корреспонденции). Составной частью аппаратуры были черенковские гамма-спектрометры, основанные на эффекте Черенкова — Вавилова, за открытие и объяснение которого советские ученые в свое время были удостоены Нобелевской премии. Но и это далеко не все.

В чудесной установке были заключены чувствительные фотоумножители, жидководородная мишень и многое другое. Все это, работая в строгом взаимодействии, и обеспечило получение достоверных экспериментальных материалов. А для их обработки на электронных вычислительных машинах понадобилось создание специальной измерительной группы и нескольких сложных математических программ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Так говорят обычно. В этом же случае, пожалуй, быстрота создания уникальной аппаратуры небывалой сложности сама походила на сказку. Через семь месяцев аппаратура уже стояла на пучке синхрофазотрона и давала научную информацию.

В Европейском центре ядерных исследований, в Швейцарии, потребовалось около трех лет для того, чтобы большая группа опытных экспериментаторов под руководством профессора Зикики построила (для аналогичных опытов) установку, похожую по сложности на хачатуряновскую. Здесь мне хотелось бы немного отвлечься, чтобы сказать о еще одном загадочном явлении. На этот раз, может быть, в области социологии.

Почему семь месяцев вместо трех лет? И это ведь не один «нетипичный случай». Их довольно много, таких «нетипичных». Они не заметны для посторонних. А специалисты привыкли и не удивляются. Думаю, что здесь действуют многие факторы. И первый среди них — неистребимый энтузиазм, помогающий приспосабливаться к любым трудностям, не спать ночами и работать без выходных дней, побуждающий к изощренным поискам наиболее рациональных методов...

Энтузиазм этот подобен инфекции. От физиков он передается лаборантам, механикам, электрикам, математикам и операторам вычислительного центра. Он захватывает людей в смежных лабораториях, институтах и на заводах, выполняющих заказы ученых.

И вот итог — создание в сверхкороткое время сложнейшего прибора, по своим качествам превышающего мировой уровень.

Были, конечно, трудности и неудачи.

Например, в одно прекрасное утро, придя на работу, все остолбенели от ужаса. Там, где еще вчера восемь сверкающих искровых камер украшали своими изящными формами всю установку, валялись обломки стекла и металла. Оказалось, тепловентиляция не справилась с подогревом воздуха (ударили сильные морозы), и камеры, не выдержав температурных деформаций, разорвались, разлетелись вдребезги. А установка была почти готова.

Опять ночи без сна. Физики превращались то в оптиков, то в механиков. Шлифовали, травили стекла. Быстро научились работать с эпоксидными смолами. С дьявольским терпением медленно откачивали воздух из камер и заполняли их неоно-гелиевой смесью (осторожно, чтобы не разорвало). Одним словом, не прошло и десяти дней, как новые восемь искровых камер опять украшали всю установку своими изящными формами.

Прежде чем ринуться на поиски нового типа ядерного распада, нужно было проверить работу установки на чем-нибудь уже известном. Выбрали недавно открытый распад эта-мезона на два гамма-кванта. Быстрая, чувствительная и, главное, умная аппаратура позволила не только наблюдать распад эта-мезона, она также смогла измерить его массу. Но эти сами по себе очень важные результаты для Хачатуряна и его сотрудников были всего лишь подтверждением работоспособности аппаратуры.

И вот начался главный опыт: поиски еще никем не обнаруженного распада частиц, который подтвердил бы ядерные свойства света. Есть ли вообще такой тип распада? Ответа на этот вопрос с нетерпением ожидали уже много лет теоретики и экспериментаторы многих стран. Времени оставалось мало. Скоро очередная конференция по физике высоких энергий. Хотелось обязательно принести на этот традиционный мировой форум коллег ясный и достоверный ответ на мучивший всех вопрос.

Опять пришлось отказаться от отпусков. (Уже не первый год). Каждая экспозиция на синхрофазотроне непрерывно длилась 10—14 суток. Непрерывное обслуживание установки требовало большого числа научных сотрудников, инженеров, лаборантов. Но это в идеале. Столько сотрудников просто не было.

...На конференции в Беркли исследования дубнинцев оказались единственными в своей области. Впоследствии дубнинские эксперименты, результаты которых все улучшались, цитировались в многочисленных публикациях, на международных конференциях в Дубне, Стэнфорде, Вене.

Затем пришли новые успехи. Количество зарегистрированных случаев распада возросло. Это большая победа, если учесть, что речь идет об одном из редчайших явлений.

В числе приятных вестей были и сообщения о последующем подтверждении дубнинских открытий в других институтах.

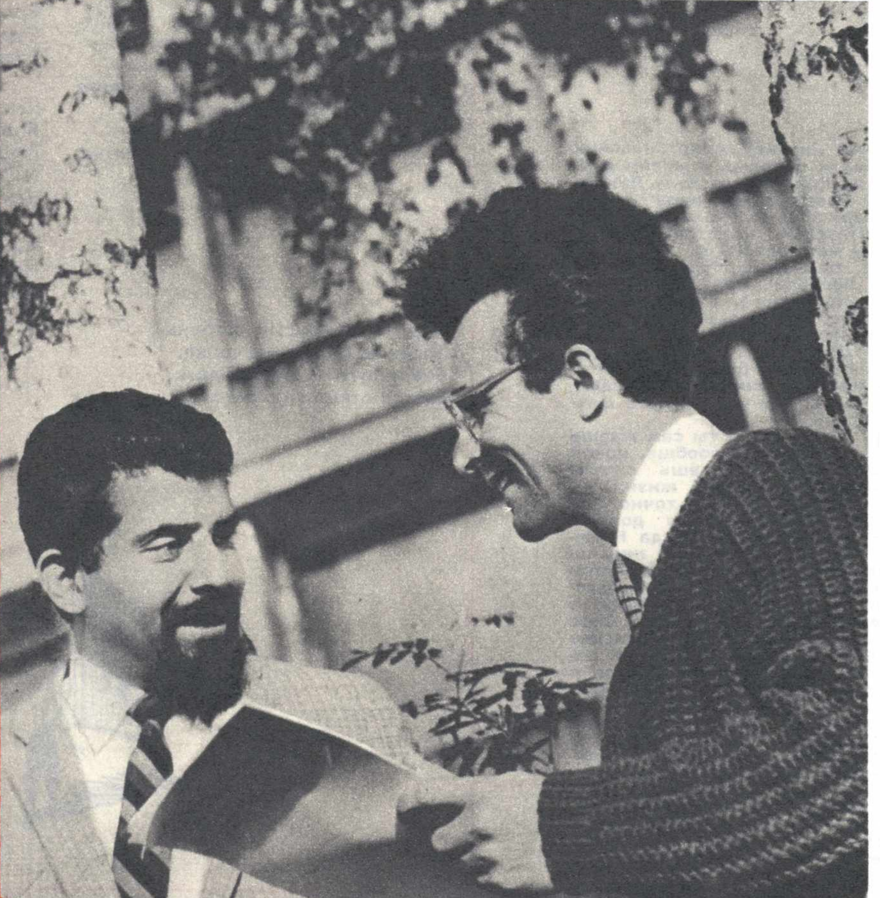
Но, пожалуй, самыми интересными из последующих опытов нужно признать те, которые проведены под Новосибирском, в институте, под руководством академика Будкера и в Орсэ, во Франции. Самыми интересными — потому, что они получили аналогичные результаты, заставив те же ядерные реакции совершиться в обратном порядке. Попросту говоря, это то же, что проделывают многие из наших самых юных читателей, найдя, что $2 \times 4 = 8$, а затем с трепетом разделив 8 на 2, к своему удовольствию, опять получают 4. Только в физике высоких энергий этот убедительный метод проверки сопряжен с огромными трудностями.

Ученым Дубны удалось сделать открытие, важное для понимания процессов, происходящих в глубинах материи. Оно в то же время явится хорошей иллюстрацией к одному из монументальных философских постулатов, указывающему на всеобщую связь и взаимную обусловленность явлений... Впрочем, об этом гораздо лучше скажут философы.

Я же хотел рассказать лишь о самом открытии. Сейчас у Хачатуряна и его коллег возникли новые интереснейшие идеи. Я понимаю, как много еще придется сделать для их осуществления. Ибо тут нужно будет опять продвигаться не по широким проторенным дорогам, а пробивать себе путь в джунглях неизвестности, вновь срывать с заветных дверей огромные плакаты «невозможно», «здесь всех постигает неудача». А планы эти... Но твердые традиции Дубны властно повелевают отложить перо до тех пор, пока новый этап поисков не будет завершен.

Дубна.

Индийский физик-теоретик Д. Сударшан был одним из первых зарубежных ученых, узнавших о новейших результатах опытов М. Н. Хачатуряна и его товарищей.

АРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УЧЕНЫХ

Ушанги Корганашвили.
Фото Г. Хамашуридзе.

В ПОЛЕТ!

Словно птенцы из своего гнезда, разлетались с наступлением весны грузинские пилоты, которые помогают народному хозяйству. Кто повис над виноградниками, над садами и плантациями, кто забрался на седые вершины Кавказа в партии геологов. А многие уже давно на Кубани, в местах недавних стихийных бедствий, помогают возвращать к жизни смытые непогодой поля...

И только один птенец задержался еще под присмотром своего родителя, своего командира Шота Александровича Деданашвили: налетывает около дома оставшиеся тренировочные часы. Пройдет совсем немного времени — и уже можно будет его выпустить в первые самостоятельные полеты далеко от гнезда.

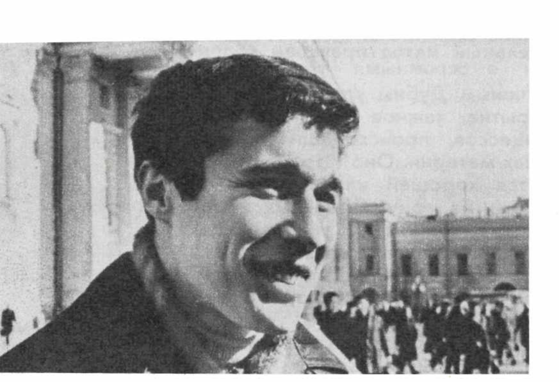
Может, это будет в Кахетии, над родным селом Кондоли, может, на азербайджанских, волгоградских, ростовских, тульских землях, которым летчики помогали в прошлом году. Ушанги Корганашвили, новоиспеченному пилоту вертолета «МИ-1», все равно, куда пошлют. Ему хочется скорее летать.

Нельзя сказать, что до нынешней весны Ушанги не знал, что это такое. Правда, он не летал, а парил. Он планерист. И не рядовой планерист, а мастер спорта, и не простой мастер, а известный рекордсмен, чемпион Четвертой спартакиады народов СССР. В позапрошлом году, в Орле, грудь его украсила золотая медаль. Но быть спортсменом, ставить рекорды — это одно. И совсем другое — сложная, рабочая машина, вертолет, звание летчика гражданской авиации, повседневный, без блеска и упоительных успехов, но очень нужный людям, благородный и смелый труд.

Со временем, наверно, Ушанги перейдет с маленького «МИ-1» на турбовинтовой вертолет «МИ-2», успешно применяемый на сельхозработах. А может быть, подобно некоторым своим товарищам, пересядет на транспортные лайнеры марки «ТУ»? Если судить по успехам на спортивном планере, не в характере Ушанги топтаться на одном месте. Но сейчас у него начало, самый первый пилотский май.

Парень поднимается прямо в небо и летит вдаль, где люди ждут его помощи. А где-то там, на земле, ждет его подруга, его любовь Нателa, которая должна подарить ему первенца. И это тоже случится в мае, этой памятной, неповторимой весной.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

НОВИЧОК

Мало кто может соперничать в популярности с футболистами. Стоит радиокомментатору вслед за стандартной фразой «...команды выступают сегодня в следующих составах...» произнести скороговоркой новую фамилию, как миллионы людей в разных городах начнут переспрашивать друг друга: «Как он сказал? Ловчев? Это кто такой? Где играл?» А в подмосковном поселке Алабушево и вовсе всполошатся: «Ловчев? Это Женька, что ли, из Овражного переулка? Как же, видел, он еще пацаном мяч гонял. Я всегда говорил...» — и так далее.

Все это будет в мае. Женя Ловчев наденет спартаковскую форму и впервые в жизни выйдет на футбольное поле Лужников. Впервые его игру увидят телезрители. Впервые кто-то из почитателей «Спартака» попросит у него автограф.

Да, памятным будет для Жени Ловчева май 1969 года. Столько нового, столько интересного. Памятным и трудным. 2-го — игра с «Торпедо», 10-го — с «Шахтером», потом игры в Ленинграде, Донецке... В этом же месяце начинаются экзамены — он студент Института физкультуры.

— Женя, а что ты сам ждешь от этого мая? И вообще, какой месяц года считаешь самым счастливым в своей жизни?

— Да ведь как тут точно сказать... Счастливым я должен считать тот месяц, когда Никита Петрович Симонян предложил мне перейти из экспериментальной команды «Буревестник» в «Спартак». Это было в прошлом году, в сентябре. Зато играть за «Спартак» в Москве я начну в самом веселом и радостном месяце года. От мая я жду многого. Хочу окончательно найти свое место в команде, а это не так легко: я играю на месте левого защитника Крутикова, который успевал и прикрывать ворота и забивать голы. Я-то гол забить пока даже не мечтаю, во всяком случае, в мае. Ну, а уж если повезет,— этот месяц будет для меня вдвойне счастливым.

Б. СМИРНОВ

М. ГЕТТУЕВ

Вешнее дыхание

ПОДСНЕЖНИК

Ах, весна, весноводье!
Распаханы ветром озера.
От полудня дороги
Затоплены талой водой...
Над Баксаном девчонка
Давно поджидает шофера.
Все машины пришли —
В гараже не хватает одной.
А шофер на пути
Небольшую разведал ложбину,
Где подснежники первые
Вешнему рады теплу;
Широко улыбнулся
И, резко взобравшись в кабину,
Прикрепил осторожно
Цветок к ветровому стеклу.

НА СТРОЙКЕ

От струящейся голубизны
У нее глаза поголубели;
Высокó
Под парусом весны
Рядом с ней швартуются панели.
Поправляя сбившуюся прядь,
Девушка в сквозном глубинном
свете
Успевает в зеркальце поймать
Страдный день двадцатого
столетья.

* * *

Под ногой хрустит щебенка,
Босиком бежит девчонка.
Возле луга — старый дом.
Вьется птица над окном...

Утром луг широк и светел.
Бьет в лицо горячий ветер.
Солнце,
Птица,
Старый дом —
В детстве тающем моем.
Мне сейчас бы,
Словно в сказке,
И коня, и кисть, и краски,—
Я бы в детстве побывал,
Я бы все нарисовал!

Только я грустить не буду:
Я и так причастен к чуду.

Ничего, что у меня
Нет ни кисти, ни коня,—
Все равно я нарисую
Эту девочку босую
И у луга старый дом
Вместе с птицей над окном!

* * *

Хороший ты мой лесище,
Шумят во мне твои листья.
Я знаю теперь, какой ты:
Мудрый, большой, спокойный.

Тебя топоры рубили,
Бродячие ветры били.
Суровы твои морщинки,
Травой поросли тропинки...

Как ты — раздвигая ветры,
Я шел,
Раздвигая ветви,
И слушал тебя на рассвете,
Как слушают сказку дети.

Не все я постиг, наверно,
Не все я унес навечно.
Но ветка,
Что в грудь хлестала,
Строчкой упругой стала,
А шрам на стволе сосновом
Чутким сделался словом.

Перевел с балкарского
Яков Серпин.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Весна вышла на поля.

Последние приготовления.

— Двадцать стаканов без сиропа.

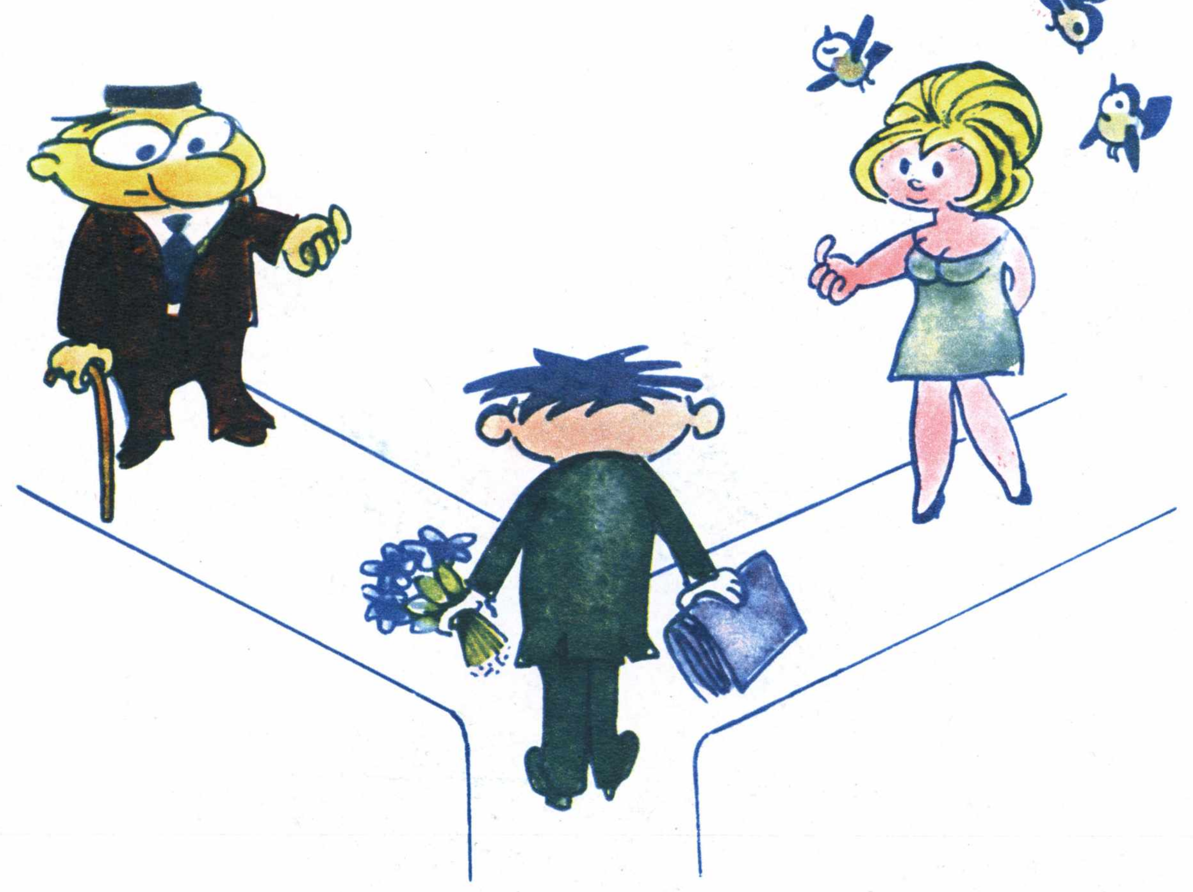

— Это все твои морские традиции.

Без слов.

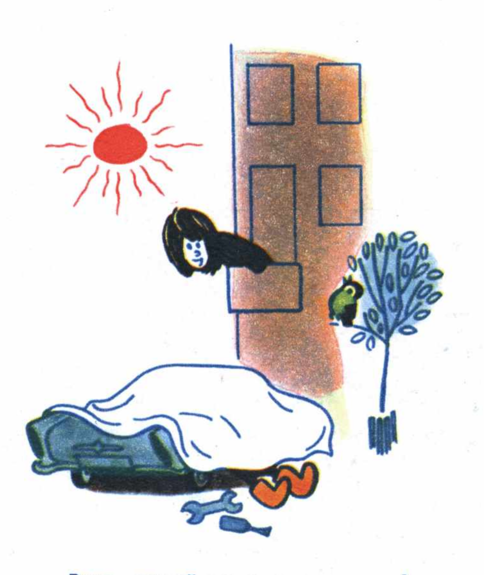
Рисунки В. ТИЛЬМАНА.

Студент на распутье.

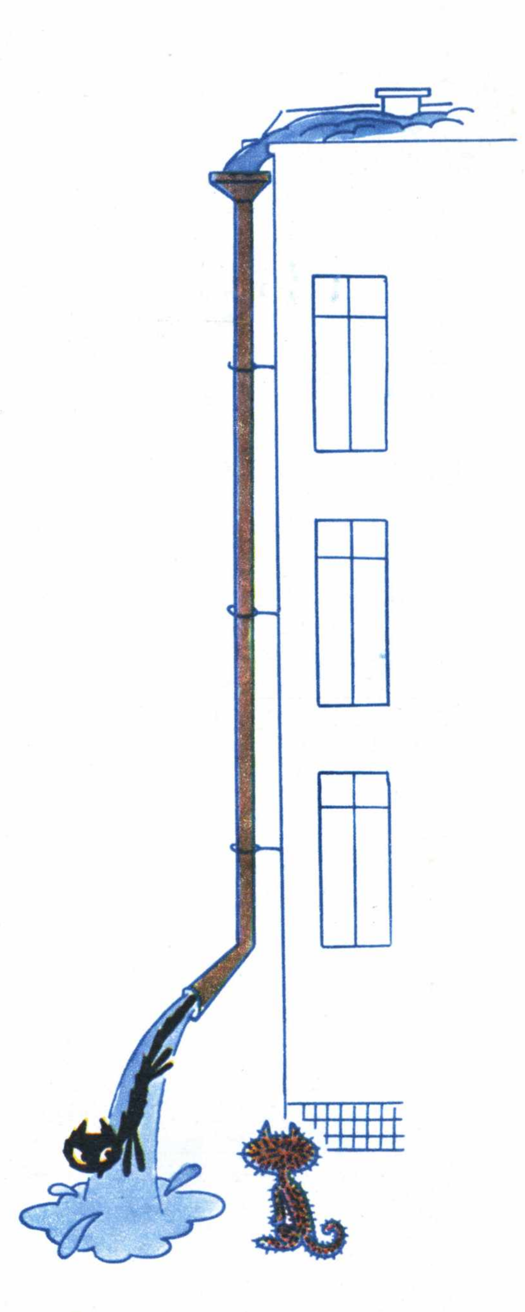
Без слов.

— Вася, кончай ремонт, уже весна!

Без слов.

Без слов.

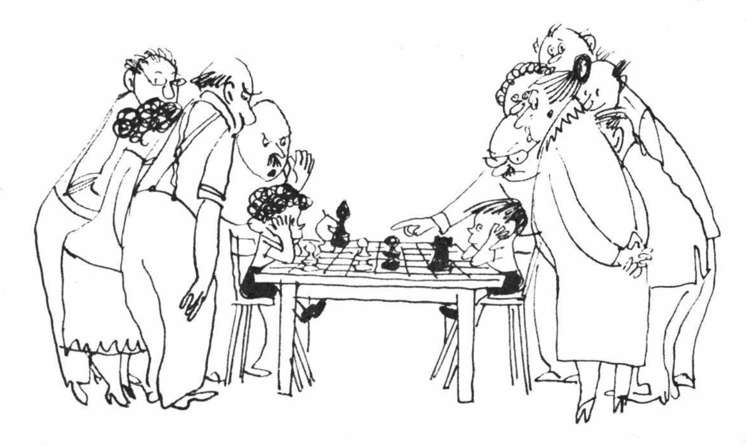

— Так вот куда делась шестерка червей.

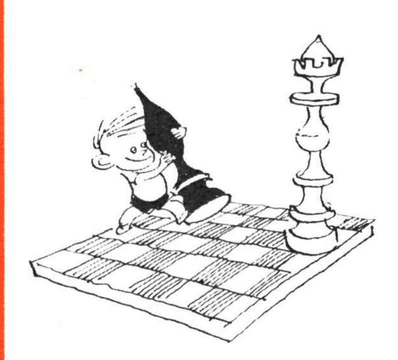
— Хорошо еще, что я умею плавать.

Дни турнира

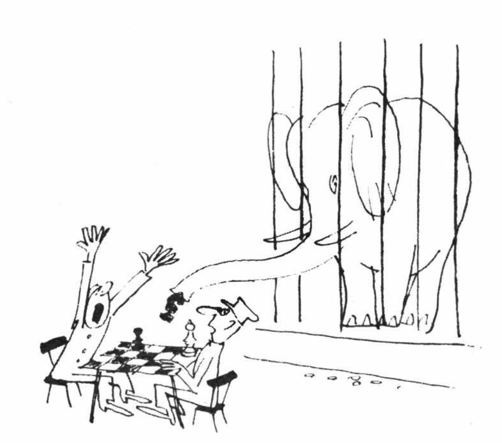
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

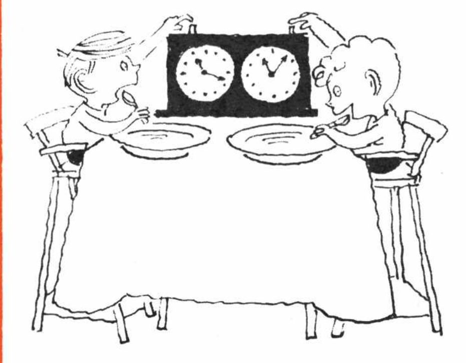
Когда на доску поставлен престиж семьи.

Первый шах.

— Слон съел моего коня!

Цейтнот.

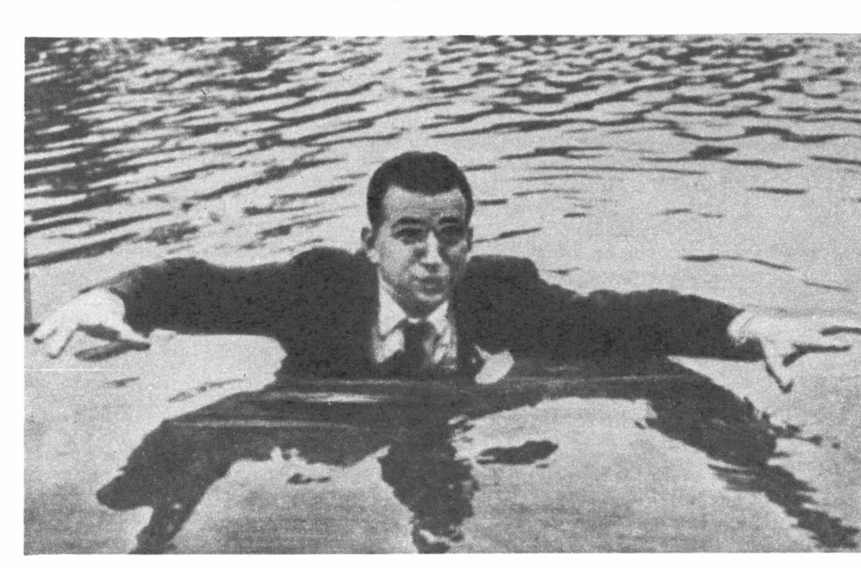
Домашний анализ.

Матч претендентов на такси.

ПОДВЕСНОЕ МЕТРО

Перед вами небольшой подвесной электропоезд, который развивает скорость до 80 километров в час. Первая линия необычного метро будет введена в действие в Лионе (Франция) в будущем году.

ЭКЗАМЕН В РЕКЕ

Таким образом испытывался костюм из непромокаемой ткани, сшитый на одной лондонской фабрике.

ЖАР-ПТИЦА НА ГОЛОВЕ

На конкурсе женских головных уборов в Лондоне была представлена шляпа под названием «Жар-птица».

М. СТУРУА

НА ЭШАФОТ

— На эшафот королеву!

Восемнадцатый век, Париж, Мария Антуанетта?

Нет. Наше время, Атлантик-сити, Джудит Энн Форд.

Идет конкурс красоты на соискание короны «мисс Америки». Золотой трон в «Конвеншн-холле» пока пустует, но сам зал, огромный, как авиационный ангар, переполнен. Дефилирует парад-алле американского мещанства, сытого, как Ламме Гудзак, и заскорузлого, как неандертальский человек. Мужчины в черных смокингах и белых манишках невольно пародируют пингвинов. Женщины — в откровенных туалетах, напоминающих, что все остальное в них фальшь. Публика, нагулявшая жир на жмыхе пуританского конформизма, исходит слюной в предвкушении непристойного действа, освещенного и облагороженного «доброй традицией». В бурлеск, где раздеваются просто так, без надежды на коронацию, эти господа приходят тайком, крадучись. Завидев знакомых, спешат отвернуться, спрятать свое лицо. Здесь они не таятся. Нахально лезут под объектив телевизионной камеры. Пусть вся Америка знает, что они были очевидцами этого исторического события. И пусть лопнут от зеленой, как долларовая бумажка, зависти их соседи Джонсы, не доставшие билетов в «Конвеншн-холл»! Мужчины делают вид, что смакуют шампанское, украдкой тоскуя о пиве. Женщины проклинают цивилизацию, изобретшую «эр-кондишн» и лишившую их возможности обмахиваться веерами. Волнуются янки при дворе будущей королевы...

— На эшафот королеву!

Это кричит улица, вернее, дощатый променад перед «Конвеншн-холлом». Там, за полицейским кордоном, тоже волнуются. Около двухсот девушек пикетируют конкурс красоты. Репортерская камера лениво скользит по плакатам, которые они держат в руках:

«Конкурс красоты — животноводческий аукцион!»

«Если вам хочется бифштекса, идите к мяснику!»

«Я женщина, а не игрушка!»

«Девушек коронуют в Атлантик-сити, парней убивают во Вьетнаме!»

«Мисс Америка, подлинная и разгневанная, в Гарлеме!»

Конкурс красоты в Атлантик-сити проходил почти одновременно со съездом демократической партии в Чикаго. Молодые бунтари со всех концов Америки шли маршем протеста на оба эти города: основной поток — на Чикаго, специальный «женский батальон» — на Атлантик-сити. Что объединяло их — выбор кандидата в президенты и очередной королевы красоты? Ничего. Поиски общего знаменателя были излишни. Объединяются части, а не целое. Ведь речь шла о двух сторонах одной и той же медали, о политике и морали одного и того же общества. Молодые бунтари инстинктивно угадывали это. В Чикаго юноши устроили в парке перед отелем «Хилтон», где остановилась верхушка демократов, шутейный съезд, избрав своим кандидатом свинью. В Атлантик-сити девушки, пикетировавшие перед «Конвеншн-холлом», короновали в качестве «мисс Америки» козу. Церемония коронации сопровождалась сожжением в мусорном ящике фальшивых бюстгальтеров и накладных ресниц, журнала «Плейбой» и рекламных плакатов, эксплуатирующих секс для сбыта ширпотреба. И в Чикаго и в Атлантик-сити молодежь очищалась от фальши, сжигала подлость и пошлость, сжигала мосты за собой и гневно отказывалась поклониться тому, что сжигала...

А в зале, огромном, как авиационный ангар, уже начали прогуливать лошадок — истомившихся и застоявшихся от нервного ожидания участниц конкурса красоты. Среди них не было ни одной негритянки, ни одной цветной. Даже здесь, в этом торжествующем гротеске скотства, расистская Америка оставалась верной себе. На эстраде отполированные до фортепианного блеска джентльмены показывали чудеса политеса, ухаживая за нынешними принцессами и будущими королевами. На променаде эти же джентльмены, сменив фортепианную полировку на хамскую взлохмаченность, осыпали пикетировщиц такой отборной бранью, что даже у полицейских из-под защитных шлемов начинала проступать краска стыда, а бедная коза с шутовской короной на рогах с непривычки шарахалась то в одну, то в другую сторону. Коза не была подкованной в политическом отношении и не подозревала, что имеет дело не с поклонниками Прекрасной дамы, а с молодчиками Джорджа Уоллеса.

Для того, чтобы развлечь нетерпеливую аудиторию, на эстраду стали выпускать популярных певцов. Они исполняли популярные песенки на популярную тему о любви. Звучала музыка и на дощатом променаде. Там пели пикетировщицы:

Красивая девушка — товар.
Его покупают и продают.
Ах, как мила она, торгуя собой!
Ей сказали, что красота продается,
Вот она и рекламирует ее...
Мы не хотим быть предметом купли-продажи,
Как скот на бойнях-аукционах,
Как рабы на невольничьем рынке...

Мещане достославного града Атлантик-сити, уязвленные в своих самых стерильных чувствах, дают волю уже не только словам, но и рукам. Полицейские в замешательстве. Они колеблются — на кого нападать, кого защищать? А из цепочки пикетировщиц несется задорный куплет:

Атлантик-сити — город что надо.
Мораль измеряет по абрису зада!

Судьи под сводами «Конвеншн-холла» не слышат этих слов. Они сейчас очень заняты. Конкурс красоты начался. Надо внимательно следить за диктором, объявляющим основные показатели соперниц — бюст, талия, зад. Определенную роль играют и краски — цвет лица, волос, глаз.

На променаде организатор пикета поэтесса Робин Морган говорит:

— Мы протестуем против проведения конкурсов красоты по целому ряду причин. Во-первых, это расистский балаган. Участвуют в нем только те, у кого кожа белая, как лилия. (Между прочим, белые лилии были эмблемой Бурбонов, Марии Антуанетты.— **М. С.**) Во-вторых, победительница конкурса совершает ритуальное турне по Южному Вьетнаму, где льется кровь. Что может быть отвратнее этого? И, наконец, конкурсы устраиваются фирмами, заинтересованными в сбыте своей продукции. Попробуйте сыскать столь классически законченную комбинацию «духовных ценностей» Америки: расизм, милитаризм, капитализм. И все это упаковано в идеальный символ — женское тело!

Девушка, наряженная биржевым маклером и вооруженная гигантской кувалдой, долженствующей изображать молоток аукционера, предлагает прохожим куклу из папье-маше в человеческий рост.

— Джентльмены, продается «мисс Америка»! Новейшая модель! Образец будущего года! Усовершенствованный вариант! Умеет ходить, умеет говорить, даже смеяться умеет по заказу. В дополнение ко всему способна выполнять несложную домашнюю работу! Джентльмены, раскошеливайтесь! Джентльмены, потораплива́йтесь!

Джентльмены раскошеливаются, джентльмены поторапливаются, но не на променаде, а в «Конвеншн-холле». Ведь скоро полночь, и пора подводить итоги конкурса. Наконец, распорядитель, похожий на сутенера «из благородных», объявляет, что «мисс Америкой» избрана восемнадцатилетняя Джудит Энн Форд, победительница конкурса красоты штата Иллинойс. Когда эта новость доходит до променада, среди пикетировщиц вспыхивает веселье.

— Мэр Чикаго мистер Дейли, хозяин партийной машины демократов в Иллинойсе, решает, оказывается, не только кому быть кандидатом в президенты, но и кому быть королевой красоты,— говорит Робин Морган. В ее огромных карих глазах пляшут бесовские искорки.

Над головами пикетировщиц появляется новый плакат. Его нацарапали только что при свете электрического фонаря.

«Мисс Америка», мэр Дейли любит вас»,— написано на плакате.

А на сцене «Конвеншн-холла» обливающейся слезами радости королеве зачитывают приветственную телеграмму от мэра Чикаго мистера Дейли. Телеграмма настоящая, не пародийная. Но Джудит Энн уже ничего не слышит. Мать вытирает ей лицо бумажным носовым платком фирмы «Клинекс». (Этот факт скоро будет взят на вооружение ее рекламным бюро.) Кто-то интересуется, настоящая она блондинка или химическая? Настоящая, гласит ответ. Вот это здорово. Вот это сенсация. Ведь до сих пор побеждали только брюнетки!

— Как вы относитесь к мини-юбкам?
— Положительно, если ножки стройные.
— К диете?
— Отрицательно.
— К событиям в Чикаго?
— О, это очень спорный вопрос.
— Может ли негритянка стать «мисс Америкой»?

Тут вмешивается ее менеджер и довольно грубо рекомендует королеве не втягиваться в диспут по расовой проблеме. Королева не втягивается. Став монархом, она, как и все венценосцы, будет царствовать, а не управлять. Управлять и заправлять, в том числе и ею, ее жизнью, отныне будут другие.

Но в этот полуночный час Джудит Энн Форд, залитая электрическим светом и слезами собственного производства, не заглядывает столь далеко. Перед ее затуманившимся взором встают джунгли Южного Вьетнама, не настоящие, а бутафорские, похожие на тихоокеанскую флору из музыкальных фильмов на мотивы оперетт Оскара и Хаммерстайна. Джудит видит, как комик Боб Хоуп выводит ее за руку на подмостки, как десятки тысяч восхищенных взглядов из-под зеленых беретов ощупывают ее идеальную фигуру. («Береты в зеленом — парни что надо. Мораль измеряют по абрису зада».) Джудит видит свои фотографии на страницах газет и на обложках журналов в тяжелых, как слава, мехах и прозрачных, как намек, туалетах. (Сейчас, полгода спустя, могу засвидетельствовать, что все это было. Был и Южный Вьетнам с Бобом Хоупом, были и рекламные страницы с мехами и без оных. Ведь и в Америке есть мечты, которые сбываются!)

Но в этот полуночный час Джудит Энн Форд, залитая электрическим светом и слезами собственного производства, пока еще находится в Атлантик-сити, в его «Конвеншн-холле». Она сидит на фальшивом троне, увенчанная фальшивой короной в качестве символа фальшивых духовных ценностей. О боже мой, сколько венценосных особ развелось ныне в этой республиканской Америке! Автомобильный король Генри Форд II, королева красоты Джудит Энн Форд I. Одни организуют поток. Других на поток ставят. Власть денег и сила штампа. Любовь, брак, семья. Их отняли у поэтов и передали биржевым маклерам. Вместо стихов им посвящают индексы стоимости акций. С них пишут не портреты, а рекламу. Их выставляют не в галереях, а на посмешище. Архитекторы с Мэдисон-авеню возводят высотные здания низменных страстей. Подражая голым королям от политики, начинают оголяться и королевы от красоты. Страну охватывает всеобщая вакханалия разоблачения. Одни отбрасывают фиговые листки демократии, другие — фиговые листки как таковые. Сплошной стриптиз сверху донизу, от сверкающих коридоров власти до затемненных бурлесков Бродвея. И над всем этим — грязная ухмылка чистогана. Ведь недаром таинство брака выродилось в тайну банковских счетов.

— Хотите откровенно? Я ненавижу женщин,— сказал мне один бизнесмен средних лет.— Всех женщин. Женщину как понятие и женщину как конкретную личность.

— Вы что, убежденный антифеминист? — вяло поинтересовался я.

— Нет, это совсем иное. Вам, наверное, известно, что женщины в Соединенных Штатах аккумулировали огромные богатства. Статистика свидетельствует, что в их руках около шестидесяти процентов имеющихся в обращении денег и ценных бумаг.

— Каким же это образом?

— Ха, очень несложным. Они просто сидят и ждут, когда мы испустим дух, а затем входят во владение наследством, оставшимся после

КОРОЛЕВУ!

нас. Бешеная погоня за успехом стимулирует преждевременную смерть мужчин в Америке. Это не моя выдумка. Спросите врачей и социологов.

Бизнесмен тяжело задышал. Он тоже был из тех, кто участвует в этой гонке с выбыванием.

— Меня воротит от одного вида юбки. Даже в самой невинной мерещится могильный червь, вампир, пиявка, всякая чертовщина. Глядит на тебя невинными глазами, а сама считает, сколько дней осталось тебе до инфаркта и сколько денег осталось у тебя в банке. Прикидывает, как ими распорядиться: совершить прогулку по Европе, купить дом на Лонг-Айленде или вложить в акции «Интернейшнл бизнес мэшинз»? Нас, американцев, часто обвиняют в том, что мы грубы со слабым полом, невнимательны к нему, что мы превратили любовь в сексуальный полуфабрикат и рекламную штучку, что мы не столько живем с женщинами, сколько наживаемся на них. Верно ли это? Не знаю. Во всяком случае, оправдываться не собираюсь. Просто мы мстим им в долг за будущее, как, впрочем, и они любят нас в долг тоже за будущее.

Конечно, обобщения — вещь опасная. В Атлантик-сити полиция арестовала пятнадцать девушек-пикетировщиц, ворвавшихся в зал, где проходил конкурс красоты. Им назначили такую высокую сумму залога, что девушки немедленно запросились в тюрьму. Сумму урезали наполовину. Не помогло. У арестованных вообще не было никаких денег. Полиция не знала, как от них избавиться, и даже была готова с отчаяния финансировать за свой счет их отъезд из города. Я не стал рассказывать об этом моему бизнесмену. Не сказал я ему и о том, что для многих миллионов американских семей преждевременная смерть кормильца — великая трагедия. В этих семьях вдовы мечтают не о доме на Лонг-Айленде, а о том, чтобы домохозяин не вышвырнул их за неуплату по квартирным счетам. Они мечтают не об акциях «Интернейшнл бизнес мэшинз», а о куске хлеба для детей, не о знаменитых развалинах древних столиц Европы, а о том, как бы выбраться из трущоб.

И тем не менее в словах бизнесмена содержалась значительная доля истины: чисто житейская, бытовая, применительно к имущим слоям и тем, кто тянется за ними; и философская, применительно ко всему обществу в целом, к обществу, где любые отношения, даже самые интимные и возвышенные, сводятся в конце концов к имущественным. Так называемые конкурсы красоты — наиболее зримая, наиболее примитивная демонстрация этой истины.

...В ту ночь Атлантик-сити долго не отходил ко сну. Давно погасли огни «Конвеншн-холла», высохли слезы на глазах новоиспеченной королевы, члены жюри с чувством исполненного долга налегли на обильный ужин, но город все еще продолжал бурлить. К двум часам ночи центр событий переместился за несколько кварталов от променада, в отель «Ритц-Карльтон», где был устроен параллельный конкурс красоты — здесь впервые в истории Соединенных Штатов состоялись выборы черной «мисс Америки»! К трем часам ночи ее имя стало известно всей стране — от берегов Атлантического океана до Тихого. Корона была возложена на курчавую голову девятнадцатилетней студентки из Филадельфии Саундры Вильямс.

Представление в «Ритц-Карльтоне» было задумано как вызов лилейно-белому конкурсу в «Конвеншн-холле». Оно проходило под девизом «Черное красиво». Победительница, поводя прекрасными глазами газели, давала свое первое интервью:

— Конкурсы красоты на звание «мисс Америки» не представляют нас. Еще ни разу негритянка не принимала в них участия. Став первой «черной королевой», я буду проповедовать среди моего народа идею о том, что негры тоже люди и к тому же красивые люди. Им незачем стыдиться цвета своей кожи, черт своего лица. Впервые мне пришлось столкнуться с расовой дискриминацией, когда я поступила в «Мэриленд стейт колледж». При колледже был ресторан «Принцесса Анна», в котором негров не обслуживали. Возмущенная этим, я приняла активное участие в демонстрациях протеста, и мы заставили владельца ресторана открыть его для всех. Между собой мы называем его сейчас «Интегрированная принцесса Анна».— Саундра смеется, обнажая белые, как океанская соль, зубы, а затем идет танцевать африканский танец и танцует его с таким темпераментом, с такой энергией, что ее хватило бы на освещение всего ночного Атлантик-сити.

Как-то я разговорился по поводу первого конкурса «блэк мисс Америка» с одним известным негритянским писателем. Добродушно посмеявшись над этой затеей, он неожиданно перешел на серьезный тон:

— Если взглянуть поглубже на суть вещей, то карнавал в «Ритц-Карльтоне» — весьма опасная и вредная вещь для нашего дела. Как будто бы его целью было доказать независимость и самостийность негров. А вышло наоборот. Все свелось к тому, что и мы, «как они», копируем их, обезьянничаем. Недаром конкурс назначили на два часа ночи, чтобы пресса и телевидение могли успеть на него после окончания маскарада в «Конвеншн-холле». Наша «королева» вместе с титулом получила оплаченную вакацию на Пуэрто-Рико и контракт на демонстрацию новых мод одежды. Получается, что, внешне протестуя, мы в действительности добровольно прививаем себе пороки общества, угнетающего и унижающего нас, то есть не рвем цепи, приковывающие нас к нему, а множим их. Если вы обратили внимание, печать довольно благосклонно встретила спектакль в «Ритц-Карльтоне». В отчетах о нем проскальзывали даже поощрительные нотки. Господа с Таймс-сквер знают, что делают. Они пытаются исподволь развращать нас, навязывая черному человеку чуждую ему мораль, которую он не приемлет.

Слушая эти мудрые слова, я невольно вспомнил, с каким трудом удалось возложить корону на голову Саундры Вильямс. Густые и непокорные кудри яростно сопротивлялись фальшивой диадеме, и она несколько раз соскальзывала с головы «черной королевы»...

Неравенство рас, неравенство полов. И то и другое коренится в неравенстве социальном. Девушки с променада Атлантик-сити уже начинают понимать это. Они отныне не феминистки, сменившие синие чулки на синие джинсы.

— Полиция Чикаго, Нью-Йорка, Сан-Франциско надежно уравняла нас в правах с мужчинами,— говорит Робин Морган.— Их дубинки и слезоточивые газы не делают различия между полами. Тридцать процентов студентов, арестованных во время волнений в Колумбийском университете, были девушки. Захватывая аудитории, демонстрируя перед Пентагоном, требуя гильотины для «мисс Америки», мы боремся не только за равноправие женщин. Мы боремся за право наших мужей на труд и наших детей на мир. Мы штурмуем не клубы, куда женщинам вход воспрещен, а общество, низводящее нас до уровня товара широкого потребления.

Вот небольшой отрывок из ее стихотворения:

Я беременна насилием.
Схватки повторяются все чаще и чаще.
И ни ваши анестезические средства,
Ни мои стоны
Не остановят родов.
Их время близится.

Робин Морган пишет о революции, но под ее поэтическим сердцем уже трепещет реальная жизнь. К лету она ждет ребенка.

— Если ты веришь в правоту своего дела, то наличие детей еще больше революционирует тебя. Появляется больше причин для борьбы. Дети — твое испытание на честность и лицемерие. Сейчас детей можно увидеть на линиях пикетов, среди демонстрантов, на митингах. И боязно и прекрасно смотреть на них, ползающих в ногах у родителей. Дети необычайно чувствительны и к свободе и к отсутствию ее...

А вот еще одна участница демонстрации перед «Конвеншн-холлом». Зовут ее Жозефина Дьюк. Ей девятнадцать. Ее по-мальчишески стриженную голову можно увидеть почти в любом месте бескрайней Америки, где бьет прибой молодежной стихии. Это по ее предложению радикальное студенчество заменило пальцы, растопыренные буквой «V», на сжатый кулак. Невелик кулачок у самой Жозефины, но не беда. У нее есть голова на плечах и светлые мысли в голове. Несмотря на свои девятнадцать лет, она уже успела испытать ласку полицейской дубинки во время схватки на Рокфеллер-плаза в Нью-Йорке. Она была «министром пропаганды» студентов-бунтарей Колумбийского университета. Видела небо, рассеченное на ровные квадратики тюремной решеткой. Участвовала в создании молодежных кафе, где ведутся «предосудительные беседы» с зелеными призывниками-новобранцами, отправляющимися во Вьетнам и другие горячие точки планеты. Это она была зачинщицей экзекуции, учиненной над представителем сайгонского режима, незаконно околачивающимся при штаб-квартире ООН. После того как студенты окатили господина посла водой и завернули в нацистский флаг, Жозефина, тыча ему в грудь указательным пальцем, грозно допытывалась:

— Почему вы не сдаетесь, маленький человечек? Национальный Фронт освобождения все равно победит!

Маленький человечек испуганно молчал. Вода капала с его одежды, и он еще плотнее кутался в полотнище флага со свастикой...

Жозефина Дьюк пришла по эту сторону баррикад, порвав со своей семьей, одной из наиболее аристократических и богатых фамилий Америки. В ноябре 1967 года семнадцатилетняя девушка-подросток, она осаждала нью-йоркский «Хилтон», в котором мистер Раск, государственный секретарь при президенте Джонсоне, выступал на банкете Ассоциации внешней политики с «моральным обоснованием» американской агрессии во Вьетнаме. Вместе с другими демонстрантами Жозефина швыряла пакеты, начиненные человеческой кровью, в лимузины, подъезжавшие к парадному подъезду «Хилтона». Один из них угодил в «кадиллак», в котором восседал заведующий протокольным отделом госдепартамента США мистер Энджир Биддл Дьюк, дядюшка Жозефины...

«Мисс Америка». Кто знает, быть может, такая девушка и впрямь существует в Соединенных Штатах. Но, во всяком случае, искать ее надо не в «Конвеншн-холле» достославного града Атлантик-сити, а на его дощатом променаде. Подлинная «мисс Америка» не ходит по демонстрационному «языку», а говорит языком демонстраций. Ее данные если и значатся в судейских протоколах, то далеко не в тех, что составляются рекламными агентами автомобильной фирмы «Олдсмобиль», косметической «Тони» и шипучей «Пепси», финансирующих ежегодный человеческий аукцион с раздеванием.

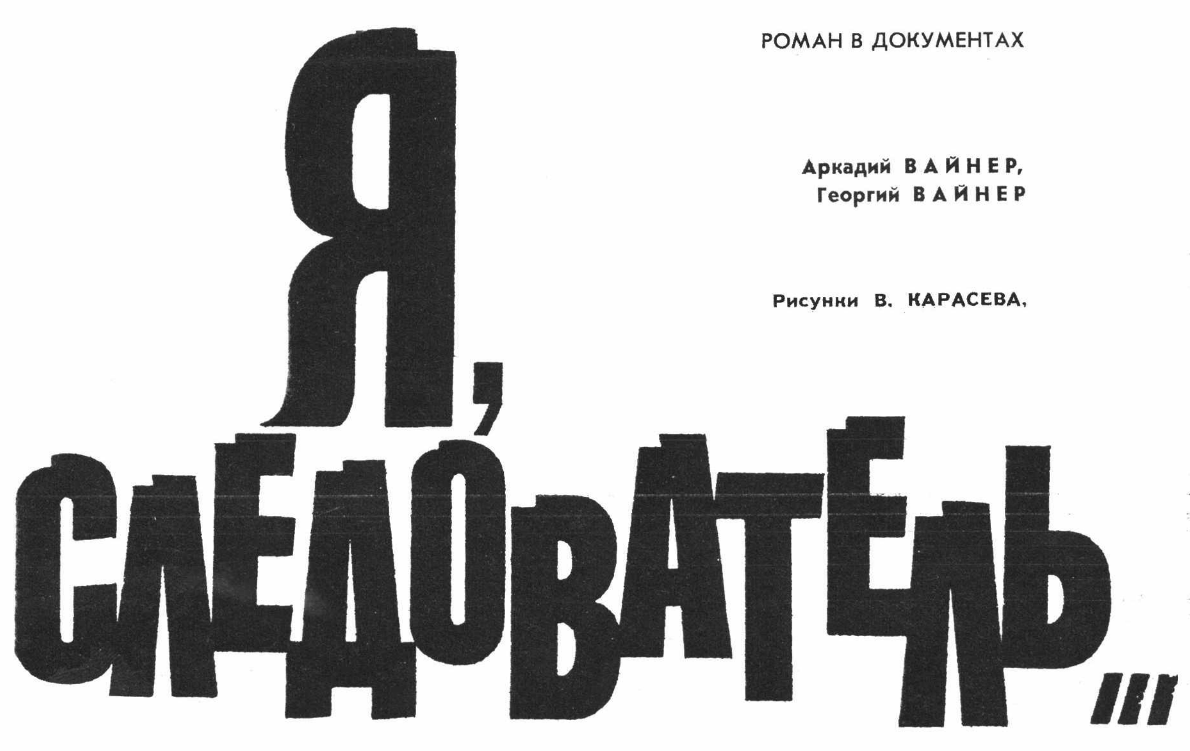
Когда умирает великий ученый, скульптор делает слепок с его головы. Когда умирает великий музыкант, скульптор делает слепок с его рук. В Майами-Бич перед фешенебельным отелем «Фонтенебло» я видел слепки с ног целой вереницы «мисс Америк» с их автографами. Слепки с ног молоденьких девушек, стройных и легких, как серны. Вернее, следы их пяток, впечатанные в цемент, установленный на гранитном цоколе. Но почему-то они показались мне следами каких-то доисторических монстров — чудовищ, которым нечего делать на этой прекрасной земле в наше время, которые должны, обязательно должны покинуть ее, очистить ее, вымереть, сгинуть.

А в ушах звучало гневное и страстное:

— На эшафот королеву!

Это санкюлоты Нового света выносили приговор старому обществу, превращающему мужчину в раба, а женщину в рабыню.

Нью-Йорк.
Апрель, 1969.

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Аркадий ВАЙНЕР,
Георгий ВАЙНЕР

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 37.

Я взглянул на электрические часы и удивился: с тех пор, как явилась Тамара, прошло уже три часа.

— Тамара, я понимаю, что вам сейчас очень тяжело, но вы должны мне помочь.

Она посмотрела на меня.

— Мне надо поехать с вами в ресторан «Астория» — может быть, вы вспомните официантку, которая вас обслуживала.

— Нас обслуживал официант — молодой парень.

— Вы сможете его вспомнить?

Тамара подумала, потом кивнула:

— Наверное, смогу...

...Ресторанный зал был переполнен. Оглушительно гремел джаз. Крохотный трубач так надувал щеки, что я боялся, как бы он не лопнул. Мы стояли у дверей, и Тамара сказала безжизненным голосом:

— Мы сидели вон в том углу...

Сейчас там шумно и весело гуляла большая компания.

Развевая фалды, иноходью бежал мимо метрдотель.

— Одну минуточку...— сказал я.

Он мгновенно выдал мне порцию казенной любезности:

— Дорогой мой, ничем не могу быть полезен: сегодня много гостей...

— Это я решу сам, можете ли вы быть мне полезным,— сказал я.— У вас есть официант — маленького роста, блондинчик? Молодой?

— Как же! Поленин Валерий. А что случилось?

— Ничего. Посадите нас к нему за отдельный стол.

Он посмотрел на меня внимательно, и лицо его озарилось догадкой.

— Ах, вы оттуда? — Он махнул большим пальцем куда-то себе за плечо.— Сейчас, сейчас накроем!

Поленин принес графинчик вина и кофе почти мгновенно. Когда он отошел, я спросил Тамару:

— Вы уверены, что это тот?

— Да.

Через некоторое время Поленин подошел к нашему столу снова:

— Что-нибудь желаете еще?

— Да. Присядьте.

— Простите, по служебной инструкции не полагается.

— Садитесь, мне надо поговорить с вами.

Он присел, лицо его выражало крайнее удивление. Спиной он загораживал от меня зал. Я протянул ему мое удостоверение.

— Понятно,— почесал он в затылке.

— Вы не помните эту девушку? — показал я глазами на Тамару.

— Да, помню, конечно. Я просто не подал виду, потому что у нас своя этика.

— Вы помните ее спутников?

— Да, естественно.

— Почему естественно?

— Ну, во-первых, они были в ресторане всего недели две назад, а, во-вторых, у меня профессиональная память на лица.

Я повернулся к Тамаре боком — так, чтобы она не видела,— и показал официанту фотографию убитого Корецкого. Он сильно побледнел и механически кивнул.

— Опишите внешность второго мужчины.

— Высокий, такого же роста, как он,— Поленин указал на фотографию,— и как тот, что был во второй раз,— по выговору кавказец, хотя сам светлый...

Я насторожился:

— В какой второй раз?

— Ну, через день-два после того, как они были с этой девушкой.

— Так, так...

— Да, они были втроем. Третий парень, такой же высокий, как они, только, видать, гораздо здоровее.

— Постарайтесь припомнить что-нибудь приметное в его внешности.

— Приметное? — задумался официант.— Кто его знает! Обычный человек вроде бы, только здоровенный больно. Да, вот глаза у него интересные — сам он черный, а глаза очень голубые.

— Вы это хорошо помните?

— Да, конечно. Он расплачивался со мной еще до того, как они собрались уходить. Когда я ушел за кофе, он догнал меня в буфете и попросил дать счет. Я быстро посчитал, и тут он вдруг взял меня очень крепко за руку повыше локтя и сказал не то шутя, не то всерьез: «Ну, математик, намного обжáл?» При этом он смотрел на меня в упор, и я запомнил его глаза. Я хотел обидеться и ответить ему как следует, но он вдруг засмеялся и сказал: «Живи, нам такие люди тоже нужны»,— протянул мне полсотни и вернулся за стол.

— А какой был счет?

— На 43 рубля 60 копеек. Если нужно, я могу вам показать копию.— Поленин вынул из кармана толстый блокнот, быстро перелистал его и протянул его мне. Да, счет был именно на сорок три шестьдесят, и наверху стояла дата — тридцатое августа.

Я взял у Поленина счет и спросил:

— Вы не слышали случайно что-нибудь из их разговора?

Поленин развел руками:

— Да нет, мне как-то ни к чему было. Вот только в самом конце они заказали шампанское, и я открывал бутылку возле стола. Разлил по фужерам, и этот — третий — поднял тост:

«За счастливое плавание!..»

Вещественное доказательство № 3
Ресторан «АСТОРИЯ»
«30» августа

СЧЕТ

Салат «Астория»	3	2—40
Осетрина залив.	3	2—70
Мясное ассорти	2	2—40
Лимон		0—60
Бифштекс	2	2—20
Шашлык	1	1—40
Коньяк арм. 3*	1	6—15
Киндзмараули	1	3—95
Коньяк груз. 4*	2	16—90
Кофе	3	0—45
Мороженое	3	0—90
Шампанское	1	3—55
		43—60.

...Да, их было, несомненно, трое — три салата, три осетрины, три горячих, три кофе, три мороженых.

Это для меня полная неожиданность. Почему-то я все время считал, что в автомобиле ехало только два человека. И вдруг выплыл третий. Это был настоящий удар по всем моим версиям. Если об одном хоть что-то известно — имя, служба в армии вместе с Корецким, то второй появился вообще как черт из коробочки. Хорошо, начнем с Отари. Я позвонил в гостиницу, попросил поднять списки проживающих и найти данные всех людей по имени Отар, которые проживали в гостинице в последнюю декаду августа. Паспортистка попросила номер моего телефона, чтобы позвонить позже: необходимо было посмотреть архив.

Через полчаса позвонила какая-то женщина и представилась густым басом:

— Старший администратор гостиницы «Астория» Каджан говорит!

— Слушаю.

— Вы просили навести справку...

— Да-да-да!

— Так вот. С двадцатого по тридцатое августа в гостинице лицо по имени Отар не проживало...

ЛИСТ ДЕЛА 38.

Меня охватила злость. Ощущение унизительного бессилия давило меня не потому, что преступники аккуратно зачищали за собой все следы. Было бы глупо ожидать, что они специально для меня раскидают свои визитные карточки с указанием часов приема. Бесило, что я никак не могу понять механизма, внутренней динамики, логики этого преступления. Завладеть чужой «Волгой»? Но для этого не надо убивать хозяина. В конечном счете проще угнать...

Оперативник Леонидов получил в госавтоинспекции справку, что 21 августа Корецкий зарегистрировал автомашину «Волга» голубого цвета, получив номерной знак «ЛЕВ-78-10».

Но Корецкий убит и больше никогда ничего не скажет. Преступники не оставили никаких концов. Почти не оставили. Зато «Волга» же не исчезла! Она же должна где-то ездить сейчас!

Я связался с Москвой и попросил объявить пропавший автомобиль во всесоюзный розыск...

Управление уголовного розыска Министерства внутренних дел
21 сентября.
№ 89.
ВСЕМ ГОРОДСКИМ И РАЙОННЫМ ОРГАНАМ МИЛИЦИИ.

В ночь с третьего на четвертое сентября сего года в районе поселка Солнечный Гай Крымской обл. неизвестным преступником убит КОРЕЦКИЙ Е. К.

С места преступления угнана принадлежавшая КОРЕЦКОМУ автомашина «Волга» голубого цвета, государственный номерной знак «ЛЕВ-78-10», кузов 1134834, шасси 3789612, двигатель 0187362.

Примите все необходимые меры к срочному розыску автомашины и установлению преступника.

ЛИСТ ДЕЛА 39.

Теперь, бесспорно, фигурой номер один стал Отар. И если он только не подался в бега, то разыщем мы его довольно скоро. Тамара говорит, что он служил вместе с Корецким в армии, что живет он в Москве и работает там стоматологом. А если он служил с Корецким в армии так же, как проживал в «Астории»? А? Нет, не может быть, ведь, по словам Тамары, об этом говорил сам Корецкий. Значит, единственный след ведет в Москву. В Ленинграде, похоже, мне больше делать нечего. Я сел за стол, написал два запроса, злорадно усмехнулся: «Ничего, возьмем в клещи!» МУР я просил срочно предпринять розыск проживающего в Москве и работающего стоматологом человека по имени ОТАР. «...Возраст 28—30 лет, высокого роста, широкоплечий, русоволосый, глаза карие, лицо белое, привлекательное...»

В Петроградский райвоенкомат гор. Ленинграда.

В связи с расследованием уголовного дела об убийстве Корецкого Евгения Константиновича, призывавшегося на действительную службу в Советской Армии вашим военкоматом, прошу оказать содействие в срочном установлении и розыске сослуживца Корецкого по армии, имя которого Отар (или Отари).

О результатах прошу сообщить в Московский уголовный розыск — Москва, К-6, Петровка, 38.

...В ту же ночь я выехал в Москву...

МОСКВА

ЛИСТ ДЕЛА 40.

На Комсомольской площади шел дождь, кипела людская толчея, и на стоянке такси вилась длинная очередь. Размахивая своим чемоданчиком, я прошел через площадь и направился по Домниковке к Садовому кольцу. Все равно еще рано. На углу Ананьевского переулка я зашел в маленький кафетерий. У прилавка стояло несколько человек, и пожилая, очень разговорчивая продавщица беседовала сразу со всеми. Очередь двигалась, и каждому вместе со стаканом кофе и дымящейся сарделькой доставалась своя порция разговора.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—17.

Парень в спецовке, стоявший передо мной, узнал о босяке-зяте, который выпил за ужином пять бутылок пива, а мне она поведала об Анне Карениной — не очень порядочной, но все-таки хорошей женщине.

Я пил невкусный кофе, обжигался раскаленными кусками сардельки, и настроение у меня было хорошее. Я был уверен, что сегодня придут важные вести. Потом я вышел на Сретенку, на родной мой Рождественский бульвар, на Трубную площадь и по Колобовскому пришел на Петровку. Я шел и ни о чем, ни о чем не думал, размахивал чемоданом и улыбался дождю, листопаду и прохожим.

И когда я затопал по бесконечным МУРовским коридорам, то понял: я дома. И окончательно поверил, что новости будут. Пришли они в полдень...

В Московский уголовный розыск
Москва, К-6, Петровка, 38.

На Ваш запрос сообщаю, что одновременно с Е. К. Корецким, в одном подразделении с ним, проходил службу АБУЛАДЗЕ Отар Георгиевич, уроженец гор. Москвы. По окончании службы АБУЛАДЗЕ О. Г. уволен в запас и выбыл в город Москву.

Военком Петроградского района
гор. Ленинграда.

ЛИСТ ДЕЛА 41.

Я очень уважительно отношусь к справкам. Во-первых, они сообщают много полезных сведений, а во-вторых, из-за одной-единственной справки я схлопотал ровно через месяц после окончания университета пять суток гауптвахты.

Меня направили тогда следователем в отделение милиции, и жизнь моя была голубой, как целое поле незабудок. В одно из первых ночных дежурств я сидел, скучал и проклинал себя за то, что не захватил какую-нибудь книжку. Дежурство было удивительно спокойным — ни одного происшествия за всю ночь. Лишь одинокий пьяница со вкусом храпел на скамейке, дожидаясь машины из вытрезвителя.

Часов около двух ночи в дежурку вдруг вошел решительным шагом какой-то пожилой джентльмен в кавалерийской шинели и обмотках. Проходя мимо пьяницы, он похлопал его по плечу и строго сказал:

— Активизируйтесь, товарищ!

Перегнувшись через барьер, пришедший протянул мне руку:

— Здравствуйте! Меня зовут Михаил Петрович Черепанов.

— Здравствуйте, Михаил Петрович,— радушно сказал я.

— Я хотел бы обсудить с вами один вопрос. Дело в том, что я обладаю фантастической особенностью перемножать в уме любые многозначные цифры.

Я недоверчиво покосился на него.

— Извольте проверить. Назовите две трехзначные цифры.

— 387 и 284.

Он на мгновение мучительно зажмурился, кожа заходила у него на голове. Даже уши шевелились. Затем сказал:

— 109908. Проверьте на бумаге.

Я взял ручку и считал, наверное, минут пять. Получилось точно.

— Точно? — торжествующе спросил он.— А теперь назовите две четырехзначные.

И четырехзначные он перемножил поразительно быстро и точно.

— Убедились?

— Факт.

— Теперь скажите, может ли человек, обладающий такими способностями, быть сумасшедшим?

— Никогда! — искренне заверил я.

— Тогда не откажите в любезности выдать мне об этом справку.

Я расхохотался, взял ручку и написал на клочке бумаги: «Справка. Я, имярек, побеседовав с Михаилом Петровичем Черепановым, и мысли не допускаю, что он может быть сумасшедшим. К сему — с уважением»,— и расписался.

Михаил Петрович чопорно откланялся и ушел, напомнив по дороге спящему пьянице:

— Сохраняйте достоинство!

Через два дня Михаила Петровича разыскали сотрудники психиатрической больницы имени Кащенко, откуда он бежал в ту злополучную ночь. Он доказывал им, что обладает дипломатическим иммунитетом, засвидетельствованным моей справкой. Об этом и сообщил главврач больницы начальнику райотдела.

— Так ведь это же ерунда, я ведь от своего имени, без должности, написал ему эту справку,— слабо оправдывался я.

— Когда ты на дежурстве, нет у тебя никакого своего имени. У тебя одно есть имя — следователь,— сказал начальник райотдела.— Иди, подумай об этом на гауптвахте...

СПРАВКА

Центральное адресное бюро сообщает, что гражданин АБУЛАДЗЕ Отар Георгиевич, 193* года рождения, уроженец гор. Москвы, проживает в Москве, по Трехпрудному переулку, дом № 11/13, кв. 89 (108-е отделение милиции), работает врачом-стоматологом в зубоврачебной поликлинике № 2 Киевского райздравотдела.

ЛИСТ ДЕЛА 42.

Поликлиника № 2 находится в районе Кутузовки. Я поехал туда на метро, чтобы успеть все не спеша обдумать. Вообще-то мне не нравится метро, потому что я всегда чувствую себя в переполненных вагонах подземки бесконечно одиноким.

Может быть, оттого, что за окнами коричневая мгла туннеля, рассеченного пунктиром редких фонарей, или ровный грохочущий гул поезда давит на уши, может быть, потому, что здесь нет времени и не бывает ни весны, ни утра, а только есть график движения, но именно в метро люди всегда погружены в себя до предела, и меня пугают их ничего не выражающие лица. И как оживают, словно просыпаются эти лица, когда поезд с веселым тарахтением вдруг вылетает на мост или наземный перегон. И люди улыбаются обычному солнечному свету и небу так, будто видят все это впервые.

Вот поэтому я люблю садиться в вагон на станции Калининская, куда поезда приходят не из безвременья, а с настоящей живой земли. Зимой на Калининской вагоны тяжело дышат и мелко дрожат, холодные, запотевшие, покрытые узорной изморозью. Летом они запыленные, ласково теплые, и по полу летает тополиный пух. А сейчас они были просто мокрые, и струйки катились по стеклам и резиновым прокладкам дверей.

Потом я разговаривал с медицинским регистратором Князевой, подсчитывал и прикидывал.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Евдокии КНЯЗЕВОЙ

...Вопрос. Скажите, кто из врачей отсутствовал на работе 30 августа?

Ответ. Осмотрев журнал учета выхода на работу, могу показать: 30 августа на работе не было доктора Кузнецовой, заместителя заведующего зубопротезным отделением; доктора Пилецкой, стоматолога; доктора Абуладзе, стоматолога; доктора Иванцова, рентгенолога.

Вопрос. По каким причинам они отсутствовали?

Ответ. Кузнецова и Иванцов были больны. Пилецкая с десятого мая в декретном отпуске. Абуладзе с четвертого августа по второе сентября был в очередном отпуске.

Вопрос. Когда Иванцов и Абуладзе приступили к работе?

Ответ. У Иванцова было тяжелое воспаление легких. Он до сих пор на больничном. Абуладзе приступил к работе третьего сентября.

Вопрос. Чем это подтверждается?

Ответ. Во-первых, я это подтверждаю. Во-вторых, журналом, который вам предъявлен. В-третьих, я могу показать карточки больных, в которых Абуладзе делал записи с третьего сентября. Вот, например, пять карточек с записями Абуладзе как за третье число, так и за последующие дни. Наконец, большинство сотрудников поликлиники видели Абуладзе и могут это засвидетельствовать...

ЛИСТ ДЕЛА 43.

Значит, когда Женя Корецкий уже подъезжал где-то к Солнечному Гаю, Отар Абуладзе вел прием пациентов. В Москве, за полторы тысячи километров от места убийства.

Я вошел в его кабинет, а он разговаривал с кем-то по телефону.

— Гаумарджос-гаумарджос, бичо! — кричал Абуладзе в трубку и весело хохотал. Прикрыв микрофон ладонью, он показал мне на кресло:

— Садись, дорогой, садись! Сейчас...

Но в зубоврачебном кресле мне делать было нечего. Зубы у меня здоровые. Он разговаривал по-грузински и все время смеялся, синкопируя гортанную речь постоянным возгласом: «Ара, ара!» Видимо, ему предлагали что-то очень смешное и совсем ненужное, а он все время отказывался.

А я смотрел внимательно в его ласковые, бархатные глаза и говорил себе растерянно-обрадованно: «Не он, не он, не он». И хотя вся моя постройка уже с грохотом рушилась, я почему-то не досадовал на это. Потом вдруг пришла на память, вроде совсем некстати, американская пословица: «Не меняйте ваших лошадей посреди реки».

Абуладзе положил трубку и сказал нараспев, как давным-давно кричали во дворах старьевщики:

— Зубы выдираем — починяем — заменяем! Садись, дорогой, смотреть будем!

Я покачал головой:

— Не надо. Я пришел не за этим. Мне нужно поговорить с вами, потому что убили Женю Корецкого.

Сказал — и испугался: кровь отливала от его лица так стремительно, будто я ударил его ножом в живот...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Отара АБУЛАДЗЕ

Вопрос. Расскажите, как вы провели отпуск.

Ответ. Третьего августа после работы я выехал в Лугу. Около трех недель я пробыл там в доме отдыха, а потом решил съездить в Ленинград, побродить по городу, сходить в музеи, навестить своего друга Женю Корецкого. Если бы удалось его застать,— он не всегда бывал в Ленинграде. Так я и сделал. В Ленинграде пробыл до 30 августа и вместе с Женей, которого я все-таки застал, и еще с одним товарищем на машине Жени приехал в Москву. Ребята уехали дальше, на юг, а я остался в Москве и через два дня пошел на работу.

Вопрос. Как протекала дальнейшая поездка ваших друзей?

Ответ. Я не знаю. Женя обещал написать мне по возвращении. Но я от него так ничего и не получил.

Вопрос. А как зовут вашего второго товарища?

Ответ. Алексей Сабуров. Он из Тбилиси.

Вопрос. Что представляет собой Алексей Сабуров?

Ответ. Он немного выше меня, брюнет со светлыми глазами, светло-серыми или голубыми — точно не помню. Лет ему тридцать—тридцать два. Видимо, очень сильный: уж на что Женя силен, а когда они мерились силой — кто кому положит руку на столе,— Алексей свободно уложил его на локоть. И это несмотря на то, что у него нет двух пальцев на правой руке.

Вопрос. Каких пальцев нет у Сабурова?

Ответ. Полностью мизинца и двух фаланг безымянного. На это сразу обращаешь внимание при рукопожатии.

Вопрос. Где останавливался Алексей в Ленинграде?

Ответ. У своей тетки, которая живет на улице Маяковского, дом 10, квартира 26. Я хорошо запомнил адрес, потому что сам записывал его накануне отъезда,— мы договорились утром заехать за ним. Мы подъехали в шесть утра, дважды просигналили, и Алексей несколько минут спустя вышел с чемоданчиком.

Вопрос. Почему вы не были прописаны в гостинице «Астория»?

Ответ. В гостинице, как всегда, не было свободных номеров. К счастью, прямо в вестибюле я встретил старого друга своего отца — Соломатина Сергея Евсеевича, который приехал в Ленинград по делам. Он мне сразу предложил разделить с ним его номер и расходы на него. А прописывать в номере второго человека администрация не желала: номер значится одноместным, хотя там, кроме кровати, был диван-кровать, на котором я и спал..

— Расскажите подробно о встрече с Корецким с первого до последнего момента,— попросил я Отара.

...— Я приехал в Ленинград числа двадцать четвертого и в тот же день, узнав, что Женя в Ленинграде, пришел к нему домой. У Евгения была большая радость — он только что получил новенькую «Волгу», о которой давно мечтал. Мы много времени проводили вместе, я познакомился с невестой Жени — Тамарой. Однажды Женя затащил меня на автомотορынок около клуба Капранова, который служит своеобразным клубом автомобилистов. Женя мечтал оснастить машину никелированными зеркальцами и желтыми фарами. На стоянке рядом с нами стояла «Волга» с тбилисским номером. Ее владелец, молодой общительный парень, разговорился с нами, рассказал между прочим, что хочет продать свою машину. Я удивился, зная, что автомобили можно продавать только через комиссионный магазин. Однако этот парень объяснил, что имеет официальное разрешение ГАИ на прямую продажу машины. Мы познакомились. Это и был Алексей Сабуров. Около полудня, когда Женя купил себе красивую желтую фару и мы уже собирались уезжать, нашелся покупатель на машину Алексея. Они договорились о цене и уехали оформлять передачу машины. Перед этим Алексей взял у Жени номер его телефона. Через несколько дней Жене позвонил Алексей, и они договорились встретиться. Это было тридцатого. Я поехал с Женей, и мы встретили Алексея на Большом проспекте, около кино. Алексей порадовал Женю сюрпризом: небрежно вытащил из кармана пиджака и бросил на переднее сиденье сверточек. К восторгу Жени, которое может понять только автомобилист, в свертке оказалось великолепное зеркало, новенькое, никелированное, с рефлектором и приспособлением для моментальной установки на дверь. О плате за зеркало Алексей и слышать не хотел, обиделся и сказал, что в Тбилиси с друзей денег не берут. Больше того, показав толстую пачку денег, он заявил, что намерен как следует отметить продажу машины и поэтому приглашает нас в ресторан. Мы с удовольствием приняли приглашение этого славного парня, при этом мы с Женей договорились принять участие в расчете за ужин в ресторане.

Мы пришли в «Асторию». Настроение у всех было прекрасное, и мы сами не заметили, как немножко перепили. В разгар ужина, когда все мы были уже навеселе, Алексей встал и провозгласил тост за знаменитое кавказское гостеприимство. Мы искренне поддержали этот тост. Тогда Алексей торжественно пригласил нас на несколько дней к себе в Тбилиси, обещая отличный праздник в нашу честь. При этом он, смеясь, сказал, что сэкономит на самолете, а мы взамен прекрасно обкатаем новую машину и совершим великолепное путешествие. Поскольку мы с Женей были в отпуске, мы без особых колебаний согласились. Только наутро я сообразил, что мой отпуск заканчивается через три дня и я никак не смогу участвовать в этой поездке. Короче, мы договорились выехать завтра в шесть утра.

Поскольку я объяснил ребятам, что не могу ехать с ними в Тбилиси, было решено отвезти меня в Москву и уже оттуда продолжать путь на Кавказ. Алексей все еще смеялся надо мной, называл «арбатским грузином» и говорил, что он сам в сто раз больше грузин, чем я. Часов в пять дня мы уже были в Москве. Я предложил переночевать у меня, но Алексей сказал, что это нецелесообразно: они еще сегодня доедут до Орла. Поскольку у Жени времени было тоже в обрез, он согласился с Алексеем, мы распрощались около моего дома, и они уехали. По дороге Алексей рассказал нам, что работает механиком в большом автохозяйстве. Нас привлекли его открытый, общительный характер, широта. Видно было, что он человек опытный, бывалый. Алексей не только артистически водил машину, но и блестяще в ней разбирался — буквально на ощупь, не глядя, он находил в ней малейший недостаток и тут же его устранял. Например, после того, как он отрегулировал карбюратор на машине Жени, она буквально удвоила свою мощность. Да и вообще Алексей — весьма обаятельный человек. Я понимаю, конечно, что он сейчас на подозрении у следствия, но это такой симпатичный парень, я просто не верю, что он может быть причастен к Жениной гибели. Боюсь, не пал ли он жертвой тех же преступников, которые убили Женю...

Все запуталось окончательно. Надо, наверное, не суетиться сейчас, подумать, куда какие ведут пути. «Волга», проданная Сабуровым в Ленинграде. Так-так-так. Все равно непонятно...

— Скажите, Абуладзе, какой номер имела «Волга» Алексея?

— Я не знаю. Помню только, что это был номер из Грузии — «ГФ» или «ГХ».

— А какого цвета была эта машина?

— Кофейного. Вернее, низ — белый, а верх — кофейный.

— Сообщил ли вам Алексей свой тбилисский адрес?

— Нет. Это было ни к чему, раз он сам ехал с нами.

— А откуда был покупатель «Волги» Сабурова?

— К сожалению, я не знаю и этого. Я лишь слышал краем уха, как он говорил, что у него есть срочные дела в облисполкоме. И еще — что ему ехать до дома на машине часа три-четыре. Да, вспомнил: они с Алексеем обсуждали вопрос, открыта ли областная госавтоинспекция, чтобы еще сегодня оформить передачу автомашины...

ЛИСТ ДЕЛА 44.

Ошибки в конечном итоге не только возможны, но и необходимы. В общем-то по большому счету вся история человечества — это цепь преодоленных ошибок. Но я не работаю в институте всеобщей истории. Я следователь, и каждая ошибка — это торпеда в борт моего перегруженного, черпающего бортами корабля. Но как увернуться от торпед, как проложить правильный курс? Ведь ошибки бывают самыми неожиданными. Вот как случилось с одним моим приятелем, молодым летчиком, впервые попавшим в Уэлен. Накрыл его там снеговой заряд, и целую неделю томился он в местной гостинице, дожидаясь летной погоды. Пока не высмотрел там хорошенькую девушку-чукчанку. Девушка была закутана в элегантные меха, чрезвычайно молчалива и все время важно курила трубку с длинным чубуком. Подкатился к ней летчик, сел рядом — и давай соловьем разливаться, рассказывать о своей гордой работе. Девушка только щурила от удовольствия глаза и снисходительно кивала головой. Потом выпили, закусили шоколадом. И заиграла в моем приятеле молодая кровь — полез к ней целоваться. Девушка спокойно встала, отпихнула полярного аса и невозмутимо сказала: «С ума сосёл? Я — не девка, я — охотник!»

Может быть, и я ухаживаю за охотником? Отпал Отар Абуладзе, появились серьезные сомнения в том, что к убийству причастен Сабуров.

...Но, так или иначе, Сабуров — единственный известный мне человек, который был с Корецким на участке маршрута Москва — Крым. Найти, срочно надо найти Сабурова! У меня есть несколько путей, ближайший — его тетка в Ленинграде, на улице Маяковского...

В ЛЕНИНГРАДСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

22 сентября, № 35/с.

Прошу срочно установить жильцов квартиры 26 дома 10 по улице Маяковского.

Под благовидным предлогом необходимо проверить, какое отношение к ним имеет некий Алексей Сабуров.

Прошу также выяснить по дому, не проживал ли в указанной квартире в период с 25 по 30 августа высокий черноволосый мужчина лет 30—32 (приметы Сабурова), не держал ли этот мужчина во дворе дома или около него «Волгу» кофейно-белого цвета с грузинским номером («ГХ» либо «ГФ»).

Справка: Сабуров подозревается в причастности к убийству Корецкого Е. К. Имеются сведения, что по указанному адресу проживает тетка Сабурова.

СЛЕДОВАТЕЛЬ.

ЛИСТ ДЕЛА 45.

В коридоре я встретил знакомого оперативника — Сашу Савельева. Его рыжие вихры, как всегда, стояли дыбом.

— Ты чего сгорбился?— закричал он мне издали.

Я пожал плечами:

— Дела...

— Ха! Удивил! А у кого их нет? Я вон сам весь в заботах. С утра до ночи ношусь...

— Нам с тобой легко носиться — мы же тощие. А тощие — они жилистые, живут долго.

— Это не скажи! Пока толстый похудеет, тощий протянет ноги!

— Да ну тебя! — Я махнул рукой и пошел.

— Постой, постой! — остановил меня Саша.— Ты что, с женой поругался?

— А что?— удивился я.

— Я ее неделю назад в Гаграх видел. Беседовали о том, об этом, а про тебя она — ни мур-мур.

— Да нет, не ругались. Просто она у меня сознательная: знает, что я весь при исполнении служебных и говорить об этом с посторонними нельзя.

Сашка очумело посмотрел на меня. Я прищемил двумя пальцами его мясистый, картошкой нос, сказал:

— Пишите письма,— и пошел в аппаратную...

...Мне просто позарез нужен этот Сабуров. Он должен много знать, он был где-то близко-близко у финиша. Надо обязательно найти его. Пожалуй, скорее всего — через госавтоинспекцию. Там обязательно регистрируют все операции с машинами...

«Исх. № 71/с
22 сентября

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!
СЛЕДСТВЕННОЕ.

ЗАПИСКА ПО ТЕЛЕФОНУ
В два адреса:

1. Госавтоинспекции гор. Тбилиси.
2. Госавтоинспекции Ленинградской области.

Прошу срочно проверить по учетам госавтоинспекции факт продажи в гор. Ленинграде «Волги» комбинированной окраски (верх — кофейный, низ — белый) жителем города Тбилиси Алексеем Сабуровым (предположительно) в период с двадцать шестого по тридцатое августа сего года. По ориентировочным данным, машину приобрел житель Ленинградской области. В положительном случае сообщите установочные данные Сабурова.

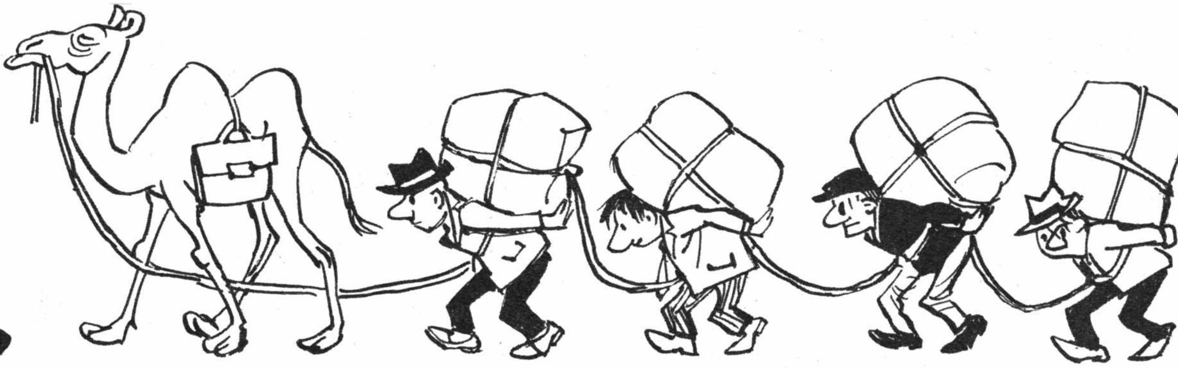
СЛЕДОВАТЕЛЬ».

Продолжение следует.

М. СЕМЕНОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Заметки натуралиста-юмориста

Кое-что о верблюдах

В наше время люди проявляют большую заботу о животном мире. Запрещена всякая охота на уссурийского тигра, заполярного белого медведя, черную пантеру, снежного барса и многих других хищников. Взяты под охрану дикий кабан, росомаха и камышовый кот. Чтобы отстрелять сенача, нужно иметь лицензию, отпечатанную чуть ли не на гербовой бумаге. Много говорят и пишут о том, что пора, мол, ограничить истребление волков, иначе нарушится равновесие в природе.

Не сказано ни слова лишь о верблюде, хотя ведь и он может исчезнуть.

Такого равнодушия нельзя понять, а тем более найти ему сколько-нибудь удовлетворительное объяснение. Ведь это исключительно миролюбивое животное за многие тысячелетия своего существования не сжевало ни одного человека, не обидело даже малой пичужки и не унесло с колхозной фермы ни одного ягненка! Чем же заслужил верблюд эту неприязнь, пренебрежение и неприкрытое безразличие?

Автор хотел бы исправить ныне существующую несправедливость и, если это окажется в его силах, воздать верблюду должное. Ибо длительные наблюдения автора за этим представителем парнокопытных показали, что он заслуживает всяческого уважения. Под его внешней неуклюжестью таится истинная грация. Вопреки ходячему мнению о нем как о ленивце верблюд — неутомимый трудяга. А его несколько флегматичное отношение к окружающему миру не более чем маска, за которой скрыт живой, пытливый и ироничный ум.

Во всяком случае, верблюд верно служит человеку, участвует во многих его делах и порой высказывает о них довольно меткие суждения...

ПОРЯДОК ЕСТЬ ПОРЯДОК

С самого раннего утра верблюды отправились охотиться на львов. Верблюды бродили по степи целый день и вернулись ни с чем.

— Где вы шлялись, негодные! — накинулся на них бригадир «Мехколхозстроя».— Неужели вы думаете, что глину и воду на объект должен возить за вас я?

— Не шуми, бригадир,— миролюбиво сказал старший верблюд.— Нас, конечно, постигла неудача. Но наряд за нынешний день ты должен подписать. Ведь если не льва, то тушканчика мы все-таки видели!

Бригадир подписал. Верблюды знали, что бригадиру приходилось подписывать и не такие наряды...

В НАГРУЗКУ

Известно, что верблюды очень неприхотливы в еде. Для них и жесткие колючки — лакомство.

Один верблюд долго был в пути и изрядно проголодался. Войдя в город, он зашел в ближайший продовольственный магазин.

— Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм колючек,— попросил верблюд.

— Пожалуйста,— сказал продавец.— Но только у нас колючки продаются с нагрузкой. Придется вам заодно купить и пятидесятиграммовую баночку растворимого кофе. Не возражаете?

— Хорошо, хорошо,— согласился верблюд.— Только взвешивайте скорее, я чертовски голоден.

Но, насытившись, он все же спросил:

— Неужели у вас такой большой спрос на колючки, если вы их продаете с нагрузкой?

— Нет,— ответил продавец,— обычно спрашивают растворимый кофе, а в нагрузку мы даем колючки.

МУДРОСТЬ ОПЫТА

У одного верблюда спросили:

— Кем бы ты хотел стать, если бы не был верблюдом?

— Погонщиком! — ответил тот, не задумываясь.

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Посетитель пришел к директору зоопарка с жалобой:

— Ваш верблюд плюет на людей. И вообще держит себя крайне высокомерно.

Директору и раньше поступали сигналы, что верблюд терпеть не может посетителей и как только они приближаются к вольеру, начинает фыркать и плеваться.

— А что вы предлагаете? — спросил директор.

— Надо снизить верблюда в должности. Назначьте его на полгодика хотя бы ламой. Она ростом поменьше и не так привередлива.

— Снижать не имею права, верблюд не моя номенклатура.— И директор поднял палец кверху, намекая на всевышнего, который когда-то поставил свою размашистую подпись под штатным расписанием животных.

— Тогда убавьте ему оклад. Давайте поменьше корма. Пусть почувствует!

— Ничего не выйдет. За него горой встанет местком.

— Допустим. Но перевести верблюда из его нынешнего роскошного вольера в какой-нибудь другой, похуже — это ведь в вашей власти?

Директор отрицательно покачал головой.

— Безнадежное дело. Он меня потом по судам затаскает.

Посетитель тяжело вздохнул:

— Не хотелось бы, но придется предложить крайнюю меру. Накажите его в административном порядке.

— Это можно,— просиял директор.

И быстренько продиктовал машинистке приказ, в котором верблюду объявлялся выговор за наплевательское отношение к посетителям.

СТАРОЕ ВИНО В НОВЫХ МЕХАХ

Верблюда привели в одно живописное место, расположенное около большой, оживленной дороги.

— Скажите, уважаемый,— спросили его.— Что бы вы построили в этом живописном уголке природы?

— Караван-сарай,— ответил верблюд.

— Пусть будет по-вашему,— сказали строители. И ровно через три года действительно построили на облюбованном месте караван-сарай. Но над входом почему-то укрепили другую вывеску: «Мотель «Уют».

НЕ ПО ПУТИ

В Москве, на углу Каляевской и Садового кольца, верблюд остановил такси.

— Дорогой шеф, не подбросишь ли в Сахару?

— Нет, нет, не могу, еду в парк,— по привычке ответил шофер.

К ЭТОМУ НЕЛЬЗЯ ПРИВЫКНУТЬ

Лето выпало знойное, душное, и в городе сразу же возникла острая нехватка прохладительных напитков. За пивом и квасом выстраивались огромные очереди.

— Надо принимать какие-то срочные меры,— решило руководство местной соко-квасо-пивоваренной промышленности.— Полезно усилить разъяснительную работу среди населения.

И было решено устроить специальную телепередачу. Рассказать о необходимости экономного расходования влаги, привести яркие примеры. Пригласили для участия и верблюда.

— У вас большой опыт преодоления жажды,— сказала молоденькая редакторша отдела актуальных передач.— Выступите, пожалуйста, перед телезрителями, поделитесь опытом.

В назначенное время передача состоялась. Начал ее один из руководителей соко-квасо-пивоваренной индустрии.

— Еще в глубокой древности,— сказал он,— люди понимали, насколько вредно чрезмерное употребление жидкости. Если мы обратимся к миру природы, то увидим и там, что многие живые организмы выработали способность довольствоваться ее самыми малыми дозами. Возьмем для примера верблюда...

В это время на экране появился верблюд. Он посмотрел на телезрителей грустными глазами, облизнул губы и сказал:

— Не надо меня брать для примера. Я тоже хочу пить!

Молоденькой редакторше объявили выговор за выпуск в эфир животных без заранее подготовленного текста.

ТОНКИЙ ЦЕНИТЕЛЬ

Ишак встретил на улице верблюда, который слыл тонким ценителем искусства.

— Видели ли вы, мой дорогой, фильм «Ледяное безмолвие»? — спросил он.— Говорят, что это настоящий шедевр!

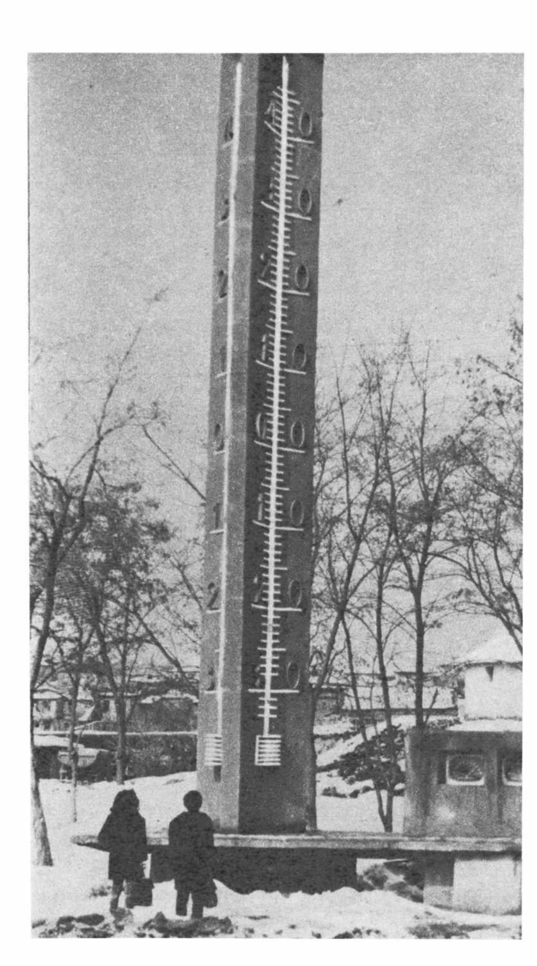
— Какой там шедевр! Скучища! — последовал ответ.— Полтора часа просидел в кинотеатре. И что же? Даже какого-нибудь захудалого верблюжонка и то не показали!

ЗНАЙ МЕРУ!

Одногорбого верблюда назначили заведующим продовольственным складом. Вскоре из одногорбого он превратился в двугорбого. Во втором, искусственном горбу, верблюд доставлял домой разные деликатесы, которые его супруга сбывала по спекулятивным ценам.

— Послушай, дорогой,— сказала как-то верблюжиха мужу,— а не мог ли бы ты приносить продуктов побольше? Мне так хочется купить в комиссионном попону из голубой норки!

— Не требуй от меня лишнего,— ответил знавший меру верблюд. И после некоторого раздумья добавил: — Я, конечно, мог бы пристроить и третий горб... Но ведь не поверят.

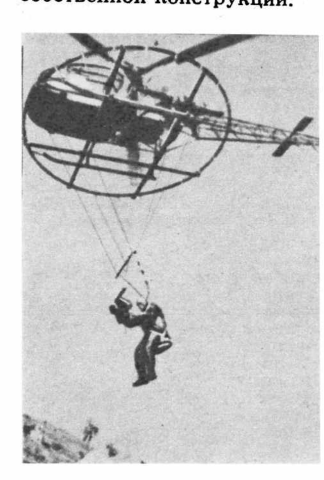
ТЕМПЕРАТУРА ДЛЯ ВСЕХ

По этому градуснику узнают температуру воздуха жители Еревана.

Фото О. Гладуна.

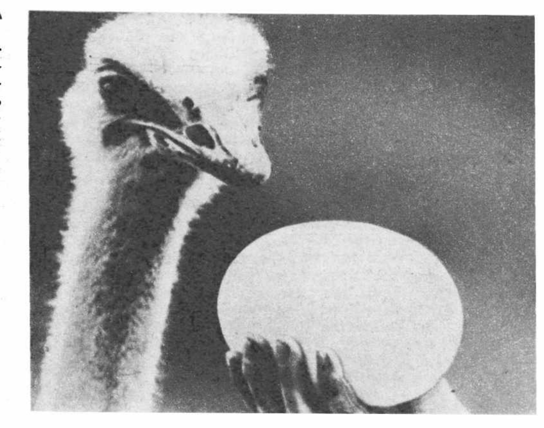
ТОЛЬКО С ВОЗДУХА

Английский кинооператор Джон Джонсон, снимающий приключенческие фильмы, никогда не работает на земле. Он использует вертолет собственной конструкции.

В ОЖИДАНИИ ПОТОМСТВА

Страусиха Ольга с недоумением разглядывает снесенное ею яйцо. К сожалению, ее попытки высидеть потомство собственными силами кончились неудачей, и поэтому администрация зоопарка в Честертауне (США) решила прибегнуть к помощи инкубатора.

ПОДРУГИ

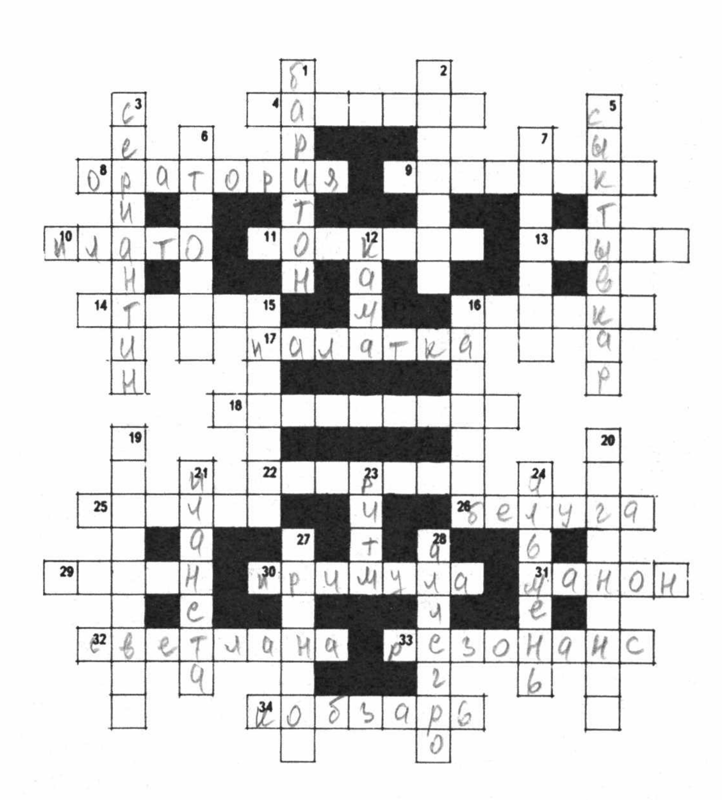
У жительницы одного из английских зоопарков слонихи Ирмы есть подруга. Слониха очень довольна, когда девочка Элла моет ее.

КОМАНДА БРАТЬЕВ ОСИНСКИХ

В Быдгоще (Польша) состоялось футбольное состязание, подобного которому еще не знала история спорта. Против команды местных журналистов выступало одиннадцать сыновей каменщика Осинского. Хотя матч со счетом 1 : 0 выиграли журналисты, публика болела за братьев Осинских и после состязания вынесла их с поля на руках.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Автор пейзажа «Голубая весна». 8. Крупное музыкальное произведение для хора и симфонического оркестра. 9. Бальный танец. 10. Возвышенная равнина. 11. Балет С. С. Прокофьева. 13. Плодовое дерево. 14. Сочетание стихотворных строк. 16. Деталь затвора фотоаппарата. 17. Легкая постройка для торговли. 18. Советская балерина. 22. Духовой инструмент. 25. Французский писатель. 26. Лососевая рыба. 29. Химический элемент. 30. Весенний цветок. 31. Опера Ж. Массне. 32. Баллада В. А. Жуковского. 33. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 34. Сборник стихов Т. Г. Шевченко.

По вертикали: 1. Мужской голос. 2. Вышивка в виде узорчатой полоски. 3. Лента из цветной бумаги. 5. Столица Коми АССР. 6. Гриб. 7. Садовые ножницы. 12. Приток Волги. 15. Дневная бабочка. 16. Старинный экипаж. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Пятая ступень гаммы. 21. Небесное тело. 23. Закономерное чередование музыкальных звуков. 24. Озеро в Новгородской области. 27. Часть фасада здания. 28. Музыкальная пьеса, исполняемая в быстром темпе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 5. Новолазаревская. 6. Барельеф. 7. Березань. 9. Аракс. 11. Дискант. 12. Почта. 16. Антонов. 17. Гадулка. 18. Воскресенье. 21. Баженов. 22. Шапорин. 25. Оскол. 26. Бородач. 27. Мимас. 28. Маскарад. 29. «Следопыт». 30. «Прозаседавшиеся».

По вертикали: 1. Корректор. 2. Кашемир. 3. Черешня. 4. Каракорум. 8. Акселератор. 10. Ренессанс. 13. Тектоника. 14. Хоровод. 15. Бальзак. 19. Чебоксары. 20. Полиспаст. 23. Можайск. 24. Маслова.

На первой странице обложки: Первое мая.
Фотоплакат А. Бочинина.

На последней странице обложки: Весна в колхозе имени Калинина на Днепропетровщине.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

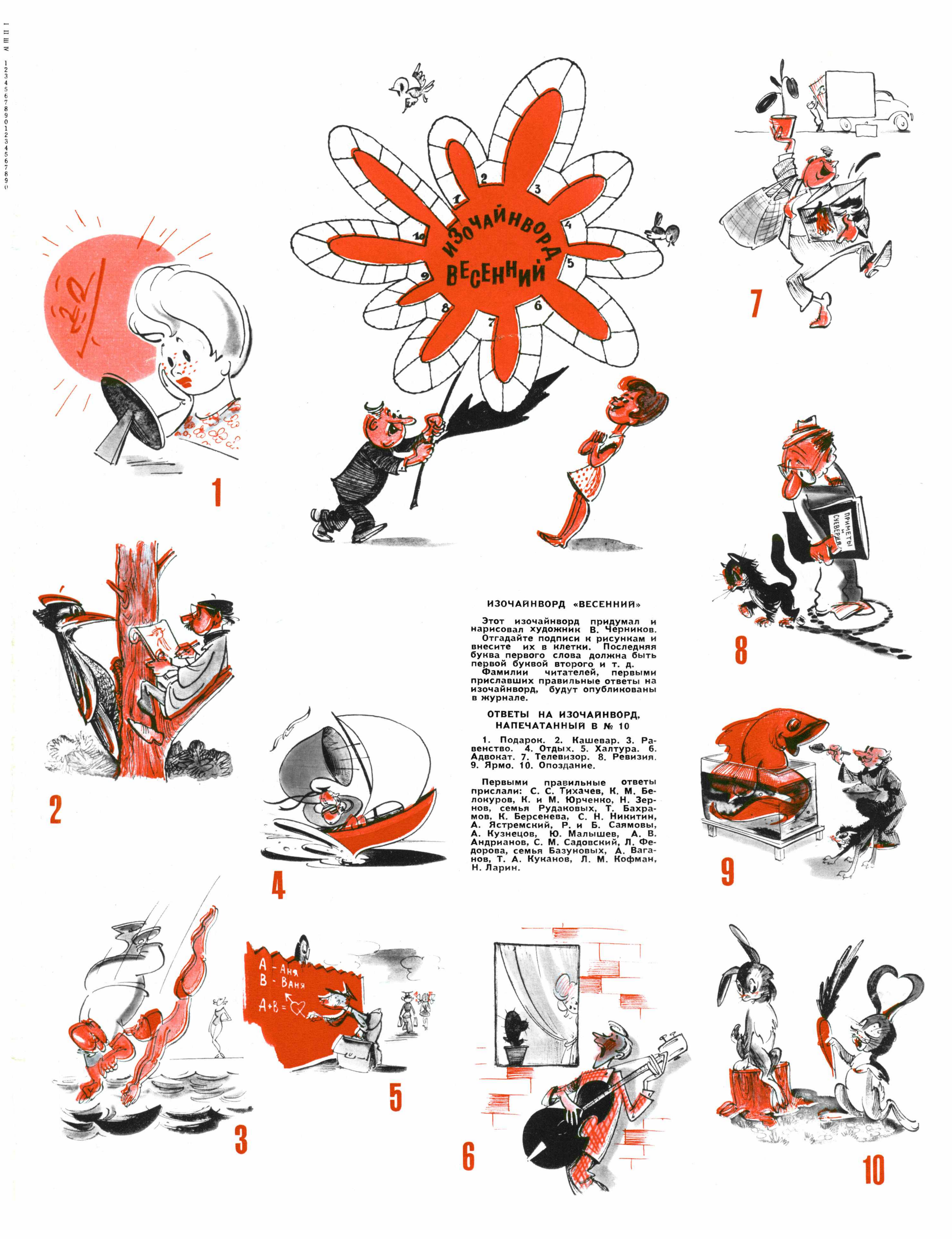
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00086. Сдано в набор 15/IV-69 г. Подписано к печ. 25/IV-69 г. Формат бум. 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 795. Заказ № 1241.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИЗОЧАЙНВОРД «ВЕСЕННИЙ»

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник В. Черников.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

1. Подарок. 2. Кашевар. 3. Равенство. 4. Отдых. 5. Халтура. 6. Адвокат. 7. Телевизор. 8. Ревизия. 9. Ярмо. 10. Опоздание.

Первыми правильные ответы прислали: С. С. Тихачев, К. М. Белокуров, К. и М. Юрченко, Н. Зернов, семья Рудаковых, Т. Бахрамов, К. Берсенева, С. Н. Никитин, А. Ястремский, Р. и Б. Саямовы, А. Кузнецов, Ю. Малышев, А. В. Андрианов, С. М. Садовский, Л. Федорова, семья Базуновых, А. Ваганов, Т. А. Куканов, Л. М. Кофман, Н. Ларин.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.